Борьба миров
1
Вокруг Света

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСКА НА 1929 ГОД НА НОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„Человек и природа"

Подписка принимается:
в Ленинграде: отделением „Красной Газеты" — просп. 25-го октября, № 68; организаторами подписки Газетного Бюро на фабриках и заводах и специальными уполномоченными издательства.

По Ленинградской области — отделениями „Красной Газеты".

В Москве — отделением „Красной Газеты" — Советская пл., 34 и специальными уполномоченными.

По СССР — отделениями центральных издательств, киосками контрагенства печати и всеми почтово-телеграфными конторами и отделениями.

В журнале **„Человек и природа"** в 1929 г. будут помещены статьи и материалы по следующим разделам.

1. Статьи, освещающие научные проблемы и достижения в разных областях знаний.
2. Проблемы и достижения прикладных наук (медицины, техники, технологии и друг.)
3. Статьи по вопросам философии, методологии и истории науки.
4. Организация науки, очерки и хроника научной и культурной жизни СССР и других стран.
5. Хозяйственные проблемы, вопросы рационализации труда и производства.
6. Вопросы литературоведения и искусствоведения.
7. Критика и библиография.
8. Задачи, научные развлечения и переписка с читателями.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1. **„Человек и Природа"** без приложения на 1 м.— 60 к., на 3 м. – 1 р. 75 к., на 6 м.— 3 р. 25 к. на 12 м.— 6 р.
2. **„Человек и Природа"** с прилож. 12 книг „Современная наука и литература в биографиях и характеристиках"— на 1 м. 1 р. 10 к., на 3 м. 3 р. 25 к., на 6 м.— 6 р. 30 к, на 12 м.— 12 руб.
3. **„Человек и Природа"** с прилож. 6 книг „Новые идеи в современной науке" и 6 книг „Основы естественных наук в кратких иллюстрированных очерках и конспектах" на 1 м.— 1 р. 30 к., на 3 м.— 3 р. 80 к., на 6 м.— 7 р. 50 к., на 12 м.— 14 руб.
4. **„Человек и Природа"** со всеми 24 книгами: на 1 м.— 1 р. 50 к., на 3 м.— 4 р. 25 к., на 6 м.— 8 руб. на 12 м.— 15 руб.

Для годовых подписчиков на журнал **„Человек и Природа"** с 24 книгами допускается рассрочка:

При подписке	4 р.
К 20 марта	4 „ 50 „
К 20 июня	3 „ — „
К 20 сентября	3 „ — „

БОРЬБА МИРОВ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ и НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „ВОКРУГ СВЕТА“ **МАРТ 1929 г.**

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Б. ЧУХНОВСКИЙ . . . . . ЗА МАЛЬМГРЕНОМ 5

М. ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ . . . . . СОЛЕНЫЕ РУБАХИ 16
Иллюстрации худ. В. Сварога

ДЖЕК ЛОНДОН . . . . . ВЕЛИКИЙ ВОПРОС 42
Перевод с английск. М. Ирской. Иллюстр. худ. И. Колесникова.

А. МАГОГ . . . . . ПОБЕДИТЕЛИ ОКЕАНОВ 52
Перевод с французск. Толкачева. Иллюстр. худ. Н. Кочергина.

С. КОЛБАСЬЕВ . . . . . РАССКАЗ О ХОРОШЕМ КОМАНДУЮЩЕМ 84
Иллюстрации худ. И. Колесникова.

П. ВУДХАУЗ . . . . . НЕСРАВНЕННЫЙ ДЖИВС 99
Перевод с англ. С. Колбасьева. Иллюстр. худ. Г. Фитингофа

ЛИТЕРАТУРОВЕД . . . . . ДЖЕК ЛОНДОН 119

В. ВАГНЕР . . . . . ЖИЗНЬ РАБОЧИХ В АМЕРИКЕ . . 129

Обложка работы художника Н. Кочергина.

Альманах набран, сверстан и отпечатан в типографии им. Володарского.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко переписаны на одной стороне листа. К рукописи необходимо прилагать точный адрес автора. Личный прием в редакции альманаха — вторник, четверг, суббота с 1 — 3 ч.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

„Вокруг Света“ с приложением 6 альманахов „Борьба Миров“ и 18 книг романов, повестей, и рассказов: 1 м-ц — **75** к., 3 м. — **2** р. **20** к., 6 м. — **4**р. **20** к., 12 м. — **8** руб.

„Вокруг Света“ без приложений: 1 м. — **40** к., 3 м. — 1р. **20** к., 6 м. — **2** р. **30** к., 12 м. — **4** р. **50** к.

Адрес редакции и конторы:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Телефоны: редакции — 175-33, конторы — 558-21.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“ Ленинград.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанна, 57

Высылаются по первому требованию имеющиеся на складах Издательства книги:

БЕЛЛЕТРИСТИКА

Анулов-Верхотурский. — Прорыв. Ц. 75 к. **Баллантайн.** Коралловый остров. Ц. 25 к. **Брынин.** Земля зовет. Ц. 50 к. **Бретгарт**—1 т. Миггльс. Компаньоны. Ц. 50 к. **Его же** — II т. Как Плункет домой съездил и др. Ц. 50 к. **Его же** — III т. Суд Линча, Зимородки и др. Ц. 50 к. **Его же** — IV т. Сафо. Занесенные снегом и др. Ц. 50 к. **Его же** — V т. Эксцельсиор (роман). Ц. 50 к. **Его же**—VI т. Дон-Кихот, Танкфелли и др. Ц. 50 к. **Его же** — VII т. Изгнанники и др. Ц. 50 к. **Его же** — VIII т. Счастье рвущ. ст на и др. Ц. 50 к. **Его же** — IX т. Флипп, Пастух из Солано и др. Ц. 50 к. **Его же** — X т. Сузи (роман). Ц. 50 к. **Его же** — XI т. Габриэль Конрой (роман) I ч. Ц. 50 к. **Его же** — XII т. Габриэль Конрой (роман). II ч. Ц. 50 к. **Вудгауз, Г.**—Приключения мистера Акриджи. Ц. 1 р. **Гайэ, А.** — Хатаки. Ц. 60 к. **Гузи, Р.** — В стране карликов и горилл. Ц. 25 к. **Зейн и Грей** — Пограничный легион. Ц. 80 к. **Зощенко и Радлов** — Веселые проекты. Ц. 40 к. **Кервуд, Д.** — В тяжелые годы. Ц. 70 к. **Его же** — Бродяги Севера. Ц. 60 к. **Его же** — Пылающий лес. Ц. 75 к. **Его же** — Мужество капитана Плюма. Ц. 50 к. **Его же**—У истоков реки. Ц. 60 к. **Его же** — Долина безмолвия. Ц 70 к. **Его же** — Девушка Север . Ц. 75 к. **Его же** — Золотая петля. Ц. 60 к. **Его же** — Старая дорога. Ц. 1 р. **Конан-Дойль, А.**— Красное по белому и др. Ц. 1 р. **Его же**—Баскер ильск я собака. Ц. 60 к. **Его же** — Затерянный мир. Ц. 1 р. **Его же** — Воспоминания Ш. Холмса. Ц. 70 к. **Его же** — Изгнанники Франции. I ч. Ц. 75 к. **Его же** — Изгнанники в Америке. II ч. Ц. 70 к. **Его же** — В ядовитом поясе. Ц. 60 к. **Его же** — Приключения Ш. Холмса. II. 75 к. **Кольчугин**— Красный граф. Ц. 75 к. **Ломанин, И.** Ложк й по лбу. Ц. 15 к. **Его же** — Бриг Мортон. Ц. 50 к. **Лавренев, Б.** — Буйная жизнь. Ц. 75 к. **Пулайль, А.** — Безумный поезд. Ц. 60 к. **Рен, П.** — Пустыня. Ц. 50 к. **Его же**—Похороны Викинга. Ц 70 к. Альманах № 1. Ц. 1 р. 20 к. **Стенпул** — Под тропиками. Ц. 75 к. **Савиньон, А.** — Золотое дно. Ц. 20 к. **Твэн, М.** — Приключения Гекка Финна. Ц. 75 к. **Его же**—Приключения Тома Сойера. Ц. 60 к. **Его же** — Янки при дворе короля Артура. Ц. 1 р. 20 к. **Его же**—Рассказы. Ц. 40 к. **Тиаден, А.** — Трест Атлантида. Ц. 40 к. **Тудуз, Т.** — Человек, управший Гольфштрем. Ц. 30 к. **Травэн, Б.** — Клад Сиерры Мадрец Ц. 60 к. **Уэллс** — Рассказы о необычайном. Ц. 20 к. **Его же**— Остров д-ра Моро. Ц. 50 к. **Его же** — Машина времени. Ц. 40 к. **Его же** — Борьба миров. Ц. 60 к. **Его же** — Невидимка. Ц. 75 к. **Его же** — Рас казы о необычайном. Ц. 75 к. **Его же** — Ра сказы. Ц. 50 к. **Его же** — Похищенная бацилла. Ц. 45 к. **Его же** — История пл тнера. Ц. 75 к. **Упит, А.**—Северный ветер. Ц. 1 р. 50 к. **Фейхтвангер**— Еврей Зюсс. Ц. 1 р. 75 к. **Честертон, Д.** — Тайна патера Брауна. Ц. 50 к.

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

Чуковский — Чепушинка. Ц. 10 к. **Ломанин** — Бурый бродяга. Ц. 15 к. **Воинов** — Трусики, беленькие усики. Ц. 15 к. **Волженин** — Дом из ковр жек. Ц. 10 к. **Соловьев** — Наследство. Ц. 10 к. **Флит**—Молоко. Ц. 10 к. **Владимиров** — Ниночкины покупки. Ц. 10 к. **Бергольц** Как Ваня по ссорился с баранами. Ц. 15 к. **Тименс** — Серый вор. Ц. 10 к. **Кунлин** — Ребята и кони. Ц. 30 к. **Блек**—Пи неры на в енном корабле. Ц. 30 к. **Полонская**—Жак и Жанна. Ц. 15 к. **Меркульева, К.** — Приключ ния 38 ребят. Ц. 1 р. 20 к. То же в перепл. Ц 2 р. **Белых** — Сидорова коза. Ц. 25 к. **Грязнов** — Искатели мозолей. Ц 1 р. 50 к.

АЛЬМАНАХ, СБОРНИКИ И АЛЬБОМЫ

12 книг литературно - художеств. сбо н. Ц. 4 руб. 80 коп. 3 книги альманаха—Минувшие дни. Ц. 2 р. 25 к. 3 книги сборника—„Красная летопись“, по ц. 1 р. 50 к. Альманах „Резец“ 1-й. Ц. 1 р. 20 к. Литературно-художественный альманах — Голая жизнь. Ц. 1 руб. 20 коп. Альманах „Резец“ 2-й. Ц. 75 к. Альманах—Всходы. Ц. 75 коп. Альманах—Гул земли. Ц. 1 р. 25 к. Альманах—Трое. Ц. 75 к. Советский спорт—альбом. Ц. 3 руб. Современная Англия — альбом. Ц. 80 к.

БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬЦА

Культпоход—сборник. Ц. 50 к. **Канин** — О дружбе и товарище-стве в комсомоле. Ц. 10 коп. **Бруно** — Юнгфронт. Ц. 10 коп. **Слепков** — На бытовые темы. Ц. 30 к. **Добин**—Правда о евреях. Ц. 20 к. **Рафаил** — Рыцари сорокаградусной. Ц. 10 коп. **Аралов**—Микула безлошадный. Ц. 15 к. **Зарин** — Герои прошлого. Ц. 15 коп. **Гальперин** — Вокруг Европы. Ц. 10 к. Сборн. фельетонов—Обывательщину на прицел. Ц. 30 к. XV Съезд ВКП(б) о комсомоле. Ц. 10 коп. **Янковский** — За нового человека. Ц. 20 к. **Григ** — Эксплоатация невежества Ц. 15 к.

МЕМУАРЫ

Зарин — Герои прошлого. Ц. 15 к. **Зарин** — Побеги революционеров. Ц. 40 к. **Верхотурский и Анулов** — Прорыв. Ц 75 коп. **Уралов** — Моисей Урицкий. Ц. 85 к. Октябрьский шквал—сборник мемуаров. Ц. 1 р. 20 коп. **Бах** — Резиденция Романовых. Ц. 25 к. Процесс Шварцбарда. Ц. 30 к. Французы в Одессе (из белых мемуаров). Ц. 1 р. 50 к. Мятеж Корнилова. Ц. 1 р. 50 к.

Заказы и деньги (почтовые марки) направлять:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Изд-во «Красная Газета»

Пересылка за счет заказчика

КНИГОТОРГУЮЩИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ УСТАНОВЛЕННАЯ СКИДКА

Типография „Красной Газеты“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка 57.

Ленинградский Областлит № 22793. Заказ № 4615. Тираж 12000 0 экз.

БОРЬБА МИРОВ

МАРТ
1929 г.

Б. Чухновский

За Мальмгреном

Одним из наиболее ярких эпизодов героического похода „Красина" является полет Чухновского, во время которого наши летчики открыли затерянную среди льдов группу Мальмгрена. Ниже мы печатаем два интересных отрывка из большого очерка об этом полете, написанного т. Чухновским для американской прессы.

В первом отрывке автор рассказывает о подготовке к воздушной разведке и о самом полете, во втором — о жизни экипажа самолета во льдах после посадки у Кап-Вреде.

1.

НАШ ледокол выбивается из сил, чтобы преодолеть тяжелые льды, но это ему не удается. Лед толщиной всего в $2^1/_2$ — 3 метра, но те обломки, которые получаются от давления ледокола, остаются тут же около бортов, им некуда деваться, так как льды не раздвигаются, а только крошатся под тяжестью ледокола. Обломки эти тормозят ход корабля, не позволяют ему сделать разбег и достигнуть достаточной скорости, чтобы проскочить далеко вперед и сразу проломить большое пространство. Вся работа ледокола сводится к медленным движениям взад и вперед и к продвижению каждый раз на какие-нибудь 10 — 15 метров.

Финн Мальмгрен.

Шведский ученый и полярный исследователь, участник экспедиции Нобиле, погибший во льдах после катастрофы с „Италией".

Ясно, что в таких условиях до тех пор, пока лед не будет разрежен ветрами, нельзя будет двигаться, тем более, что мы не знаем, насколько простираются впереди эти тяжелые льды, и сколько миль придется пройти „Красину", у которого уже сломаны лопасть, один из винтов и поврежден руль.

Необходимо начать полеты, чтобы выяснить состояние льдов впереди и найти наиболее свободный путь к группе Вильери. Полеты можно было бы начать и раньше, но сведения, которые поступали от летавших в районе группы Вильери летчиков, заставляли нас, прежде всего, стремиться продвинуть ледокол возможно дальше.

Дело в том, что после того, как Лундборг при вторичной посадке по-

Борьба Миров

вредил самолет, к нам пришли сведения с „Читта ди Милано" и от шведской экспедиции, что в настоящее время совершить полет к тому месту, где находится группа Вильери, немыслимо даже на легких машинах. Все, видевшие поле, говорили, что авиационные средства в данном случае бессильны, что поле настолько ухудшилось и уменьшилось в размерах, что даже маленькому самолету взлетать и садиться невозможно.

Однако теперь ледокол находился в критическом положении, и наше решение начать полеты преследовало следующие задачи. Прежде всего, осмотреть лед впереди „Красина", чтобы решить вопрос, продолжать ли движение вперед или обождать прихода циклонов, которые наметились в Атлантическом океане и уже подходили к Шпицбергену, циклонов, которые должны были принести с собой потепление в этом районе и создать большую подвижку льдов. Кроме того, надо было выбрать то направление, в котором „Красину" в дальнейшем было бы легче всего продвигаться. Это должно быть основной задачей полета.

Второй задачей являлся осмотр льдины, на которой находилась группа Вильери, с тем, чтобы осмотреть и сфотографировать самое льдину, быть может найти недалеко от нее подходящее поле для взлета и посадки, и сбросить группе электро-элементы, необходимые для поддержания работы радио.

Третьей задачей была разведка на пути к группе Вильери затерявшихся в ледяных просторах двух других групп: группы Мальмгрена, Цаппи и Мариано и группы Сора с голландцем Ван Донген, вышедшей на помощь первой уже около месяца назад и не подававшей о себе никаких сведений.

На наше счастье, впереди ледокола, на расстоянии $1^1/_2$ миль от него, мы, организовав лыжную экскурсию, нашли достаточных размеров поле, правда, недостаточно гладкое, но цельное и без трещин. Поле представляло собою спаянный массив. Отдельные куски и обломки многолетних ледяных полей возвышались над его поверхностью самыми причудливыми ледяными глыбами.

При продвижении „Красина" к этому полю, не только у нашей авио-группы, но и у личного состава ледокола, начиная от кочегаров и кончая представителями науки, было чрезвычайно много работы. Надо было подготовить самолет к спуску на лед, надо было построить из громадных бревен, каждое в тонну весом и длиной в 7 сажен, платформу для спуска, надо было спустить самолет и собрать его на льду, так как он был погружен на ледокол с отнятыми крыльями и с разобранным стабилизатором и стоял на помосте над верхней палубой без лыжного шасси.

Установка шасси во время похода была совершенно невозможна. Дело в том, что ледокол это — специальный корабль, построенный для плавания во льдах, и в чистой воде плавание на нем чрезвычайно тяжело. Корпус его сделан в виде корыта, для того чтобы льды, напор которых бывает в полярных водах чрезвычайно силен, не раздавили корабля, а приподняли бы его над собой. Но эта округлость его форм и отсутствие киля сильно увеличивают качку корабля, и, например, на обратном пути отдельные размахи корабля даже на большой волне достигали 47° в каждую сторону. Конечно, в таких условиях самолет, помещенный на большой высоте над палубой, надо было крепить особенно прочно, везти же его на высоком шасси, на лыжах было бы слишком опасно. В пути во льдах эту работу также сделать было нельзя, так как наскоки ледокола на лед дают настолько сильные толчки, что даже привинченные к палубе предметы срываются иногда с болтов.

В продолжение двух суток никто на корабле не спал. За это время одна часть людей помогала нам приподнять самолет на домкратах и поставить его на лыжи, другая часть строила спуск, остальные работали по подготовке самого поля, или вернее, по

отысканию дорожки для разбега между торосами. В это же время ставились якоря на поле, чтобы твердо связать ледокол с льдом и не дать ему возможности двигаться около края поля.

Ровно через двое суток самолет был спущен, собран и готов к полету. Всех нас смущало то обстоятельство, что ровной дорожки для разбега найти не удалось. Она представляла собой дугу между очень высокими торосами, которые пришлось окрасить анилиновой краской. Самое дорожку пришлось выровнять, так как на ней тоже были, правда, небольшие, но все-таки опасные для самолета торосы.

Первый полет имел своей целью пробу машин. За 3 дня сборов в Ленинграде, конечно, опробовать самолет было совершенно невозможно. Этот новый самолет только-только успели погрузить на „Красина", разместить отдельные части его на палубе и закрепить их.

КОГДА мы запустили 3 винта, на что потребовалось не мало времени, так как температура была минус 40, предстояла еще трудная задача оторваться после разбега по неровной и заворачивающей в сторону дорожке и при наличии бокового ветра.

И тут случилось несчастье. Во время разбега, в одном низком месте льдины, где проступила вода, правая лыжа провалилась под верхнюю кромку льда, отделенную от основного ледяного слоя мокрым снегом. При этом оборвался стальной ограничитель лыжи, который должен был в воздухе не позволять лыже под напором ветра опускаться вниз. Это произошло в последний момент разбега, и когда через пару секунд мы оказались в воздухе, Страубе, со стороны которого находилась эта лыжа, сообщил мне, что лыжа повисла вертикально вниз.

С „Красина", откуда за полетом наблюдал весь свободный личный состав ледокола, поломка тоже была замечена, и мы увидели, как группа людей побежала на корабль и затем возвратилась с каким-то предметом, который был положен на лед и оказался потом лыжами Это — обычный способ указать летчику в полете, что произошла неправильность с какой частью шасси. Но мы уже принимали ряд мер для того, чтобы возможная в таком случае поломка при посадке была наименьшей и, по возможности, ограничилась только порчей шасси. Однако, надежды на это было мало в виду чрезвычайно плохого состояния льдины, и мы приготовились к тому, что самолет может пострадать.

Мы летали в продолжение 20 минут, внимательно осматривая состояние отдельных мест льда, затем я и Страубе, которые не могли покинуть свои места до остановки самолета, привязались, чтобы в случае резкого толчка серьезно не пораниться о доску с приборами, находившуюся перед нами

Погрузка самолета Чухновского на „Красина".

Летный состав экспедиции „Красина".

Кроме того, мы сняли дымчатые очки. Я предупредил всех товарищей, находившихся в задних кабинах, чтобы они приготовились к возможной аварии самолета. После этого нам оставалось только сделать посадку, по возможности, на левую здоровую лыжу и так, чтобы в момент соприкосновения самолета со льдом поступательная скорость его была наименьшей.

Все мы были чрезвычайно удивлены, когда самолет, коснувшись льда и качнувшись пару раз на неровностях льдины, плавно продолжал свой обычный нормальный пробег и наконец остановился. От удивления мы даже не сразу вылезли из самолета и изумленно глядели друг на друга, ничего не понимая. Только через несколько секунд мы очнулись, начали весело делиться своими впечатлениями и все сразу устремились к злополучной правой лыже, чтобы посмотреть, в чем было дело. Как-раз в это время к нам подбежала на лыжах первая группа товарищей, наблюдавших со льдины наш полет. Они сообщили, что перед посадкой, когда мы находились на высоте всего 4 — 5 метров, лыжа из вертикального положения сама перешла в горизонтальное.

Когда мы осмотрели лыжи, это объяснилось чрезвычайно просто. Оставшиеся целыми несколько прядей резинового амортизатора оказались, благодаря почти полной потере скорости перед посадкой и уменьшившемуся давлению встречного воздуха, достаточно сильными, чтобы поднять лыжу в нормальное положение.

Во время полета, на высоте 75 метров находился приподнятый туман, но в общем погода была хорошая и видимость под туманом большая, так что мы сейчас же стали приготавливать самолет к большому полету.

Но очень скоро после нашей посадки, туман опустился до самого льда, сильно сгустился, и всякая возможность второго полета пропала.

Приход первых циклонов, целого семейства их, зародившегося в Атлантике, нужно было ожидать через 2—3 дня. До этого времени предсказания относительно тумана были неблагоприятны. Даже в случае отхода тумана, следовало ожидать быстрого наступления его вновь.

Однако по окончании этих туманов должны были наступить сильные ветры, вызванные ожидаемыми циклонами. Это обстоятельство было еще более страшно, как для экипажа „Италии", так и для работ нашей спасательной экспедиции. Ветры могли разломать льдину, на которой находился наш самолет, на много отдельных частей. То же самое они могли сделать и со льдиной, на которой находилась группа Вильери. Особенно опасно было то, что эти ветры могли отогнать на север льдину с группой Вильери, так что со льдины не стало бы видно возвышавшихся береговых точек, по которым группа определяла свое местоположение. Лед все время дрейфовал

в разных направлениях, и если бы группа потеряла из видимости берега, она не могла бы уже сообщать по радио о месте своего нахождения, так как определение местоположения по солнцу, во-первых, требует в этих широтах очень точных приборов, а после падения и продолжительного нахождения на льдине они потеряли уже свою точность, и, во-вторых, само солнце в начале полярного лета показывается редко, так что наблюдения по солнцу возможны были только, как исключение. Конечно, в таких условиях, искать группу было бы делом чрезвычайно трудным. Были случаи, когда летчики прилетали в район льдины, точно зная, где она находится, и затем получали со льдины радио, что самолет виден в таком-то направлении от группы, и надо взять такой-то курс. Затем по радио же сообщалось: „Вы приближаетесь к группе...", „Вы находитесь над нами...", а вслед за тем летчики получали радиограмму: „Вы пролетели нас, возвращайтесь обратно".

Это и понятно: рисунок дрейфующих льдов настолько сложен, представляет собой такую причудливую картину, что глаза не могут держаться на каком-нибудь одном предмете и блуждают между светлыми и теневыми пятнами полыней и льдов.

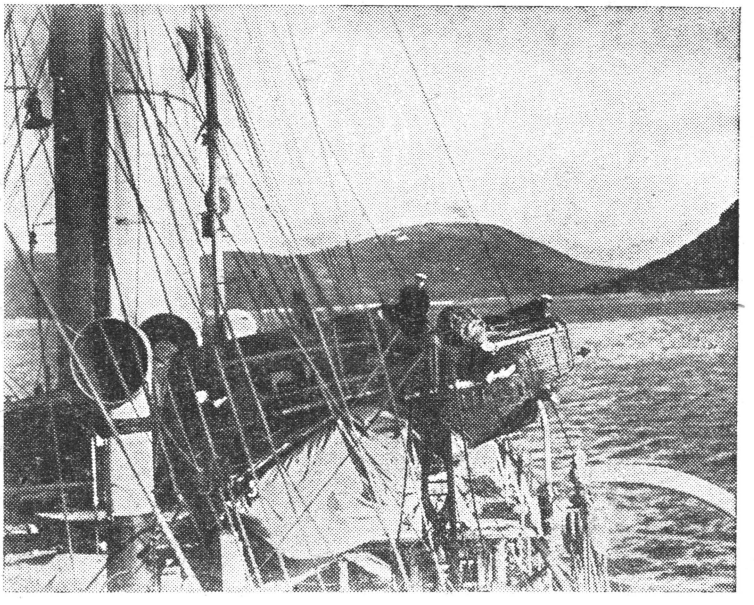
Таким образом, обстоятельства требовали от нас совершения полета до прихода циклонов, тем более, что мы находились на расстоянии всего 70 миль от группы, берега были сравнительно близки, и в случае наступления тумана, можно было всегда найти убежище в одном из глубоких заливов, которыми изобилуют на всем своем протяжении берега Шпицбергена.

Борьба Миров

10-го июля представилась наконец возможность полета. Туман приподнялся, и главные его массы отошли на северозапад. В 16 час. 30 мин. все три мотора уже работали, и все мы, т. е. летчик-наблюдатель и ученый радист Алексеев, второй пилот Страубе, старший механик Шелагин, кино-оператор Блуфштейн и я, заняли свои места. Не прошло и минуты, как мы после разбега в полтораста метров, были уже в воздухе.

Несмотря на то, что чистое пространство до тумана было высотой всего в 75 метров, мы взяли курс к группе Вильери, так как дальше виднелся просвет, и с каждой милей, отделявшей нас от „Красина", туман поднимался все выше и выше. У острова Карла XII мы могли уже лететь на высоте 200 метров.

Перед полетом у нас были следующие сведения о пострадавших. Местонахождение группы Вильери было дано нам от 6-го июля. За последние четыре дня связи с группой не было,— в это время наблюдался провал короткой волны, когда коротковолновая передача была совешенно невозможна. Кроме местонахождения группы Виль-



Проба моторов самолета Чухновского на борту „Красина".

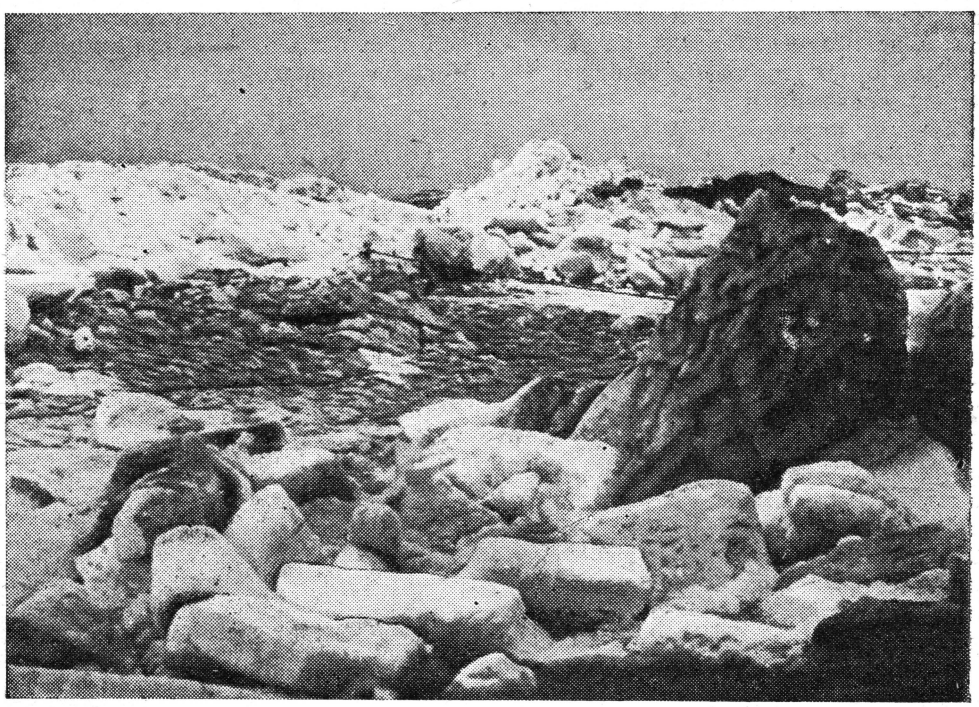
ери мы получили с „Читта ди Милано" сведения, что по подсчету генерала Нобиле, у группы Мальмгрена должно было хватить продовольствия еще только на 3-5 дней.

Первые же десять минут нашего полета показали, что „Красин" стоял у сравнительно небольшого, всего миль в двенадцать, пояса очень тяжелого льда, а дальше на пути к группе лед редел; больших, спаянных льдин не было видно совсем. Пролетев остров Карла XII, на пол-пути между ним и островами Фойт и Брок, мы видели под собой уже больше воды, чем льда. Сами острова Фойт и Брок были окружены совсем чистой водой.

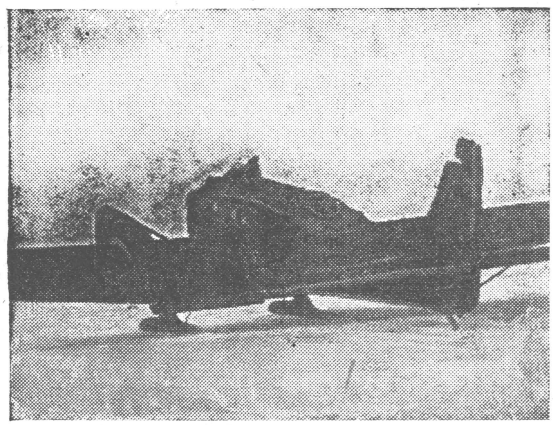
Достигнув глетчера Лей - Смит и пролетев через него к „Грэйт Айлэнд", а затем 12 миль к северу от последнего, мы возвращались опять к острову Брок.

В том месте, где должна была находиться льдина с группой Вильери по сообщению от 6-го июля, было громадное пространство воды без всяких признаков льда. За четыре дня лед был унесен в неизвестном направлении. Искать на воде группу было, конечно, бессмысленно. Район поисков сразу настолько увеличился, что при атмосферных условиях, которые были в день нашего полета, продолжать их было невозможно. В том направлении, в котором, вероятнее всего, удалились льды, т. е. в направлении на север, северо-запад или северо-восток, находилась стена низового тумана, начинавшаяся от льдов и поднимавшаяся до высоты в 150—200 метров. Эта стена была видна в продолжение всего нашего полета, так как мы летели параллельно ей, между ней и северными берегами Шпицбергена.

Я решил возвратиться на обратный путь и заняться третьей из стоявших перед нами задач, т. е. отысканием двух других групп, с тем чтобы, прилетев затем к „Красину", получить новые сведения о нахождении группы Вильери и полететь потом уже по более точному адресу.



Характерный пейзаж Ледовитого океана



Перед подъемом.

ЕЩЕ при полете к месту, где должна была находиться группа Вильери, я заметил, что в районе между островами: Карла XII, Фойт и Брок, находились довольно уплотненные льды, отнесенные сюда, повидимому, от северных берегов Шпицбергена. На этих льдах я и предполагал найти какие-нибудь следы затерявшихся групп.

Необходимо отметить, что, начиная от „Кап Платтен", к востоку до большого Острова (Грэйт Айленд), берега Шпицбергена омывались совершенно чистой водой, и льды были видны только в самых глубоких заливах, окруженных высокими отвесными горами.

Повернув от острова Фойт прямо к северу и дойдя до первых разреженных льдов, я направил самолет на северо-запад, углубляясь во льды под косым углом к кромке. Через несколько секунд механик Шелагин, который был в это время наиболее свободен и имел возможность смотреть вперед из передней горловины, как вихрь, ворвался в мое отделение, дернул меня несколько раз за руку и закричал, что видит группу людей в 4 или 5 человек. Стремительность и экспансивность, с которой он это сделал, были совершенно естественны в данных условиях. Мы уже вошли в район, где туман быстро снижался и в недалеком расстоянии от нас касался льда. Видимость была плохая. Мы шли всего на высоте около 100 метров,

Борьба Миров

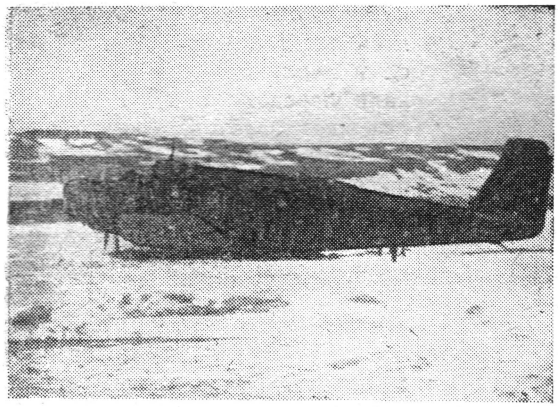
и все, что находилось на льдах, и сами льды, мелькали перед нами, как в калейдоскопе, так что удержать что-нибудь в поле зрения было очень трудно.

Хорошо помню те разговоры, которые мы, участники полета, вели после посадки у полуострова Вреде о моменте, когда Шелагин заметил группу. Когда, после посадки, возник вопрос о том, что точно мы видели, у нас самих, еще до передачи окончательного радиосообщения на „Красин", мнения о виденном, вернее, просто машинально запечатлевшемся в глазах, были различные. Механик Шелагин, который первый увидел группу и немедленно после этого принялся открывать по моему распоряжению горловину фюзеляжа самолета, чтобы через нее сбросить приготовленные пакеты с теплой одеждой и продовольствием, утверждал, что он видел 4 или 5 человек. Я сам хорошо видел одного, стоящего на льдине и махающего руками человека и около него движущееся существо, которое было гораздо ниже его и движения которого трудно было различить. В это время я делал круги над группой и больше всего стремился держать в поле зрения всю льдину, которая была только немногим больше других, плававших от нее в непосредственной близости, но отделенных все-таки порядочным пространством воды, полной мелкими осколками льда.

Льдина была, примерно, около 10 метров длины и несколько меньшей ширины. Высшая точка ее представлялась мне метров на 6 от поверхности воды. Вся льдина имела вид небольшой горки и не имела на себе заметной горизонтальной площадки.

Во время полета над группой, Алексеев, занятый радиосвязью с „Красиным", и кино-оператор Блюфштейн, занятый кино-съемкой, по очереди смотрели в бок и назад, чередуясь в своей работе.

Алексеев дал наиболее точную картину, виденного на льдине, как это



Самолет Чухновского после посадки у Кап-Вреде.

выяснилось при приходе „Красина". Он хорошо видел двух человек, близко, почти рядом находившихся друг от друга и, как бы распростертого навзничь и неподвижно лежащего на льду человека на некотором расстоянии от первых двух. При чем это „что-то" имело форму буквы „А". Блюфштейн тоже видел 3 темных пятна. Страубе говорил, что он видел 2-х человек.

Я уже говорил о том, что туман был чрезвычайно низкий, и видимость была плохая. Толщину слоя тумана можно было определить в 150 — 200 метров. Дневной свет проникал через него очень плохо, и количество света над туманом было очень незначительно, — освещение было сумеречное.

Тут важно отметить, что во время полета над льдиной, мы меньше всего думали о том, чтобы точно заметить, каково состояние найденных нами людей, чем они занимаются и т. п., так как необходимость принять немедленное решение, как им помочь, и точно определить местонахождение льдины, чтобы не потерять ее из виду — было главной нашей заботой. За это время Алексеев передал на „Красин", что мы нашли, повидимому группу Мальмгрена. Для нас это было ясно, потому что на льдине не было видно ни саней ни собак.

Тем временем были приготовлены для сбрасывания вещи и завернуто продовольствие. На все это затрачено было время, достаточное для того, чтобы сделать 5 кругов очень маленького, примерно около $^1/_4$ мили радиуса, что заставляло меня кренить наш большой самолет на 45 — 50°. Когда все было приготовлено (это было по окончании 5-го круга), я решил, ничего не сбрасывая, лететь прямо к „Красину". Только на пятом круге я сообразил, что попасть пакетом на столь незначительной величины льдину при скорости самолета в 150 километров в час, было бы чудом. Кроме того, если бы даже пакет и попал на льдину, то при падении с такой вы-

После посадки у Кап-Вреде.

Чухновский и его товарищи обедают.

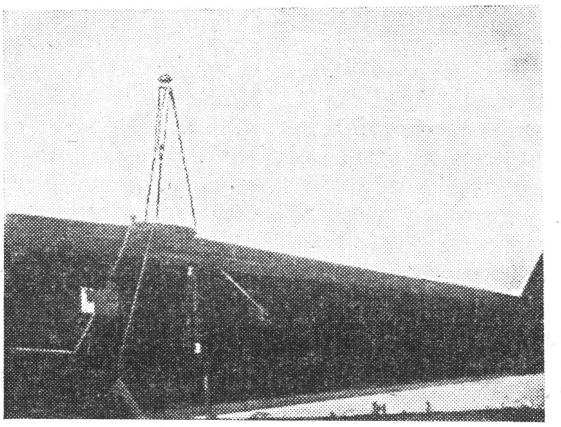
соты он не удержался бы на ее скользкой поверхности и неминуемо отскочил бы. Если же пакет попал бы на мелкие льдины, плававшие в окружавшей льдину с людьми воде, то эти жизненные припасы лежали бы перед глазами людей мучительным соблазном, так как достать их оттуда не было никакой возможности. Льдина, на которой они находились, колебалась при каждом их движении, и когда через 30 часов к ней подходил „Красин", Цаппи издали махал руками, чтобы „Красин" остановился возможно дальше, так как от волн, подымаемых ледоколом, льдина могла перевернуться.

Когда я, уже после того как нас взяли на „Красина", увиделся с Цаппи и Мариано, они оба благодарили меня, что я им ничего не сбросил, так как, если бы они получили тогда все это продовольствие, то оно принесло бы им не пользу, а вред.

Сразу после того, как мы покинули льдину, туман стал уплотняться и прижимать нас ко льду.

2.

ПОСАДКА наша была произведена недалеко от берега. Казалось, что ходьбы до него не больше 5 минут, и прежде всего мы должны были осмотреть, достаточно ли спаялся лед с берегом, и не придется ли передвинуть самолет на более прочный лед. Делать это надо было немедленно, пока лыжи еще не примерзли ко льду и не втаяли в снег. Однако до берега нам пришлось итти четверть часа. Там мы убедились, что между берегом и льдом существует трещина, чего и следовало ожидать, так как приливно-отливное течение не позволяет льду накрепко примерзнуть к берегу. Но сохранение льдом береговых извилин и мощность его у берегов показывали, что в том месте, где мы сделали посадку, он неподвижно стоит у берега.



Штатив кино-аппарата, служивший экспедиции Чухновского мачтой для антенны.

Пока мы ходили к берегу, Алексеев и Шелагин уже устанавливали нашу складную радио-мачту и протягивали антенну для восстановления радиосвязи с „Красиным". Мы вернулись как-раз в тот момент, когда требовалась наша помощь для установления на самолете второй мачты, которой служил штатив кино-аппарата Блуфштейна.

Работы было много, но настроение у нас было в значительной степени приподнято нахождением группы на льду, которую в это время все уже считали погибшей. Мы хотели как можно скорее установить связь с „Красином" и с нетерпением ждали той минуты, когда мы сможем передать экспедиции подробные сведения о группе Мальмгрена и о льдах, которые мы видели впереди „Красина", сведения, которыми мы должны были облегчить его путь вперед. Не только бодрое состояние, но и веселость не покидали нас. Да и было от чего! Мы чувствовали, что если и не могли сейчас лететь и в дальнейшем помочь „Красину", то сама наша посадка и даже вынужденное сидение на льду у берегов Шпицбергена, никак не могли повредить делу. Наоборот, это в значительной степени облегчало задачу немедленного движения „Красина" за найденными нами людьми.

Дело в том, что если бы нам удалось сделать посадку на ледяном поле, у „Красина", оставить самолет там было бы невозможно. Ожидался сильный ветер. Лед сломало бы, и найти

затем самолет было бы более чем трудно. Разборка же его и погрузка на „Красина“ заняли бы не менее суток. Теперь же „Красин“ мог немедленно двинуться вперед.

Во время нашей посадки и после нее было не мало забавных происшествий. Особенно посмеивались мы над Блуфштейном, ревностно снимавшим из окна весь путь и все время отмечавшим на отдельных кассетах с пленкой сведения о заснятых местах, которые давал ему Алексеев. Через несколько минут после посадки, когда мы осмотрели машины, Блуфштейн несколько раз осмотрелся вокруг себя и чрезвычайно недоуменным голосом задал вопрос. „Где же „Красин“?“ Мы сначала не поняли этого вопроса, и я даже серьезно ответил, что „Красин“ находится, повидимому, там же, откуда мы вылетели, и что если его сдрейфовало, то очень ненамного. И только кончая эту фразу, я, увидев, что все смеются, понял, в чем дело, и тоже засмеялся. Блуфштейн думал, что мы сели около „Красина“, и только из-за тумана его не видно.

Мы решили, что „Красин“ вряд ли успеет подойти к нам раньше, чем через две недели, так как состояние льдов в том районе, где мы находились, было очень тяжелое. Лед был сплошной, без разводьев и без полыней и простирался далеко в море, заполняя все заливы между Семью Островами и Кап-Платеном.

Когда радио было налажено, первое, что мы услышали, был запрос начальника экспедиции проф. Самойловича о том, где мы находимся, как произошла посадка, живы ли, здоровы ли. Мы ответили и договорились о времени дальнейших переговоров: три раза в сутки.

Затем надо было подумать о порядке нашей жизни на льдине. Прежде всего, мы распределили обязанности. Алексеев и Шелагин взяли на себя радио, все время проверяли его и поддерживали в хорошем состоянии; Страубе и Блуфштейн занялись охотой, так как продукты были для нас чрезвычайно ценны. Жизнь в самолете, находящемся на льду, в сырости, в холоде, требовала свеженины, противоцынготной витаминной пищи. Кроме того, они должны были, во время своих охотничьих экскурсий на берег, собирать геологические коллекции. Я взял на себя производство метеорологических наблюдений три раза в день, наблюдение за изменениями толщины льда и температуры поверхностного слоя воды.

Наши спальные места определились очень быстро. В центральной кабине могло помещаться четыре человека. Кроме этой кабины в самолете было небольшое багажное отделение, где мог помещаться один человек, но настолько короткое, что спящий не мог вытянуть ног. Никому из нас никак не улыбалась перспектива спать в этой клетушке, но Страубе совершенно неожиданно сам попросил разрешения занять эту, по его мнению, комфортабельную каюту. Конечно, мы все с радостью согласились. Не знаю, как ему там спалось, но во все время пребывания нашего на льдине он был чрезвычайно весел и, хотя мы все спали очень мало и урывками, по 2-3 часа, Страубе спал, во всяком случае, не меньше нас. Повидимому, некоторая короткость помещения, заставлявшая его спать с согнутыми ногами, ему не мешала. Мы же четверо почти свободно разместились в средней кабине.

Беда была только в том, что даже наши теплые шубы и подкладываемые под себя валенки, недостаточно хорошо защищали нас от холода, проникавшего снизу и ночью часто приходилось переворачиваться, чтобы отогревать застывшие члены.

В первый же вечер после нашей посадки Страубе и Блуфштейн ушли на охоту и, возвратившись через 3-4 часа, сообщили, что они убили двух оленей, довольно далеко, которых не могли притащить с собою вследствие их тяжести. Олени, как рассказал Джонни Страубе, совершенно не боялись людей. Увидев охотников, они следовали за ними и

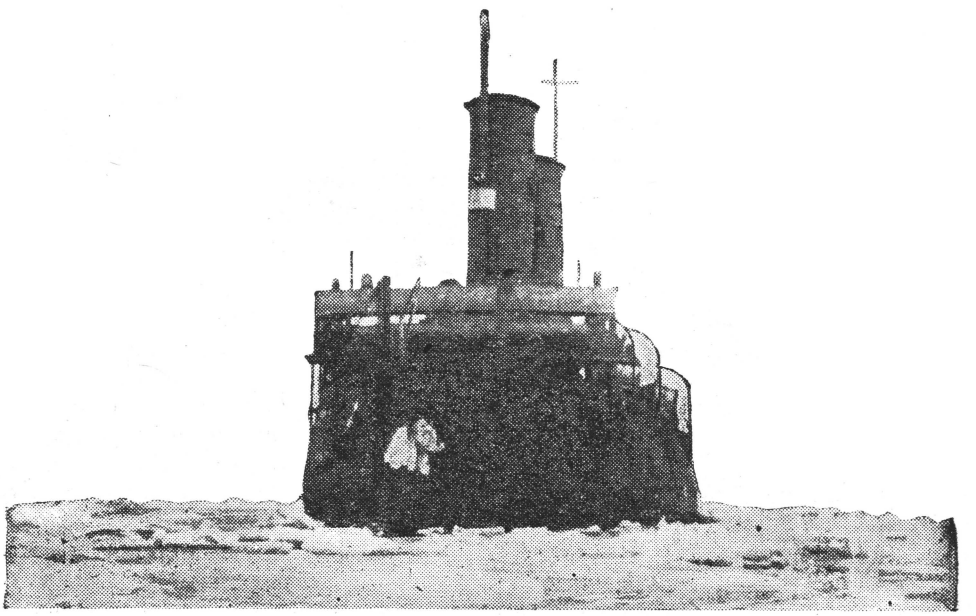
даже при выстрелах не убегали далеко, хотя и держались все время на почтительном расстоянии.

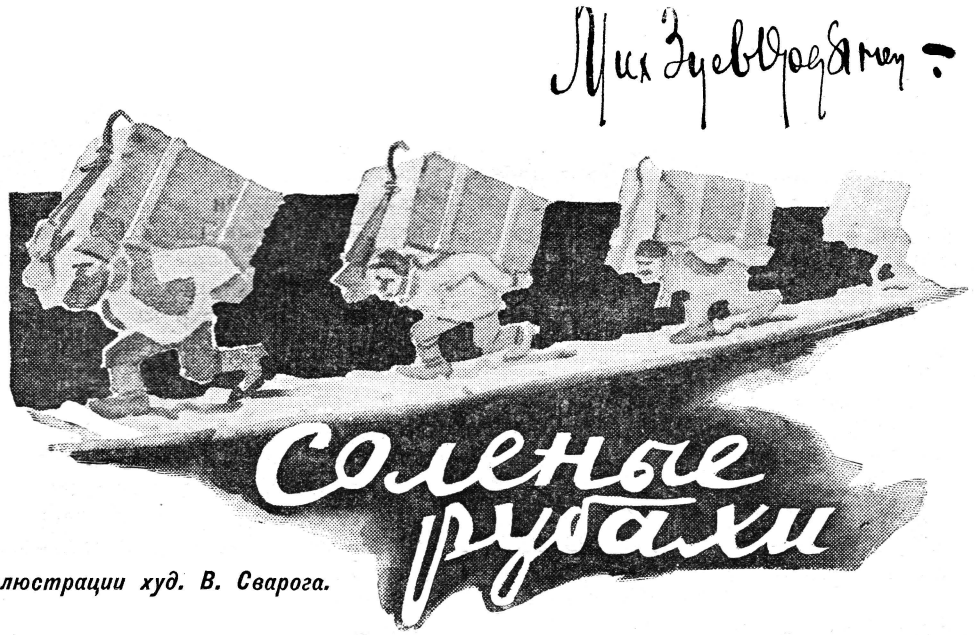
С большим трудом, потратив 5 - 6 часов времени, мы перетащили этих двух оленей к самолету. Но тут выяснилось, что мы забыли взять с собою в полет соль. Она очень крупными буквами фигурировала во всех списках предметов, которые нам нужно было оставить для нашей авио - базы и для снабжения самолета, но в последний момент ее забыли взять.

В первый же наш разговор с „Красиным" мы просили, чтобы пролетавшие мимо нас самолеты сбросили нам соль, табак и еще некоторые вещи, в которых, мы думали, встретится необходимость в продолжение двух недель нашего пребывания на льду. С „Браганцы" решили послать нам соль с лыжниками. И в последний момент, когда „Красин" через 5 суток уже был близко от нас, и первые люди с него уже подошли к нам, эти лыжники подошли к самолету, горячо приветствовали нас и предложили нам целый ассортимент разных вкусных и хороших вещей: шоколад, пимикан и т. п., но соль они тоже забыли привезти. Мы не особенно страдали от отсутствия соли, так как подо льдом ее было много и суп мы варили на морской воде. Когда мы жарили шашлык из оленей на вертеле, которым нам служил шомпол от ружья, мы окунали куски в выпареный раствор морской воды.

Борьба Миров

В 22 часа 15-го июля „Красин" подошел к нам на расстояние, примерно, $1^1/_2$ километров и дальше итти не мог, так как льды были чрезвычайно тяжелы. Днем 16-го июля мы подготовили самолет к движению по льду, завели средний мотор и с помощью людей, помогавших самолету лавировать и круто изворачиваться между торосами, быстро добрались до „Красина". Помост для подъема самолета уже был готов, и к утру 16-го самолет был разобран и погружен на корабль. 19-го числа мы были в Кингсбее.





Иллюстрации худ. В. Сварога.

— То прошлого звоны...
Н. Тихонов.

ДРУЖИЩЕ, ты не раз упрекал меня и многих из нас за то, что мы небрежно, невнимательно относимся к нашему прошлому. Я, как сейчас, слышу твой негодующий голос: — „Дайте факты, хотя бы только факты, и найдутся люди, которые сделают из ваших сухих протоколов широкие полотна героического эпоса“...

Ну так вот тебе факты, — предупреждаю, только сухие факты, — а ты уж делай из них полотно. Тебе и карты в руки!

А знаешь, что натолкнуло меня на мысль писать тебе? Арбузная корка!

Сегодня, возвращаясь домой, я увидел парнишку, катающегося на арбузной корке. Зажав ее под ногу, паренек скользил по панели не хуже, чем роликобежец по треку.

И это напомнило мне, как на такой же вот арбузной корке поскользнулась и сломалась большая, недюжинная и буйная жизнь.

1. Еще один плывет!..

НАЧАЛО ты, конечно, помнишь, 30 мая 1918 года ландскнехты генерала Гайды, чехо-словаки, открыто перешли на сторону белых и захватили Пензу. Разогнав советы, они разоружили местные воинские части, перебили коммунистов, словом, произвели переворот. То же самое они проделали и в остальных городах великой сибирской магистрали: Уфе, Златоусте, Челябинске, Омске. Затем чехо-словацкий мятеж с быстротой степного пожара перекинулся и к нам, на Поволжье. Пали Вольск, Балаково, Сызрань.

В начале июня пришла очередь эвакуироваться и нам.

Ночью, перед нашим отходом, налетела на город одна из тех бурь, которыми славится низовая Волга. Город окутался пыльными смерчами. На реке страшные порывы ветра разбрасывали по сторонам громадные волны, взрывали даже самое дно Волги. Говорят, что после этой бури на берегах нашли много старинных монет, выброшенных со дна реки разбушевавшимися волнами.

А утро, утро нашего отступления, тихое и теплое, опрокинулось безоблачной бирюзовой чашей небосвода над городом и рекой.

Я последним покинул прокуренные комнаты ревкома, помещавшегося в здании Городской думы. Думский швейцар, уже нарядившийся в галунную ливрею, выметал сор из комнат. И я спускался по лестнице впереди обрывков циркуляров, воззваний, приказов, словно и меня выметала метла временно победивших старых хо-

зяев. Ну, точь-в-точь, как у Ларисы Рейснер, в ее „Фронте". Помнишь?

Выйдя из Думы, я остановился в нерешительности. Куда итти? Ты знаешь, что я тогда выпросил себе рискованное назначение — в подполье. Михалыч долго отговаривал меня, — это-де, безумие, слишком уж я заметен был раньше в городе. Но я настоял, доказав, что в подполье нужен работник, хорошо знающий местные условия. Михалыч плюнул остервенело и согласился.

Свернув в переулок и миновав бесконечные унылые заборы, я поднялся в пригородную слободу „Старцева Гора". Слободка, населенная разбогатевшими офенями, купцами-раскольниками, наглухо закрыла ставни и двери домов. Липы мозаикой листьев свесились через деревянные заборы палисадников, из садов несло приторно запахом жасмина и табака. Все было, как всегда, мирно и полусонно. Но на улицах ни души. А я помню, в обычное время окна бесчисленных мезонинчиков и флигельков „Старцевой Горы" откровенно показывали сытый провинциальный быт, с кустодиевскими самоварами и помятыми от подушек лицами.

Когда я спустился с крутой улицы слободки, впереди, между домами открылся блестящий простор Волги. Я свернул к пристаням „Устье" и „Устье Ближнее". Почти целый час шел я мимо каравана судов, стоявших в линию один к одному,— верст на 5 — 6, вверх по течению, мимо пристаней кишащих человечьим крошевом, заваленных тюками с неизвестным содержимым, воинским снаряжением, мебелью учреждений, повозками, походными кухнями, буханками хлеба.

Город эвакуировался. Вывозилось все, что можно было вывезти. Я заметил кипу старых пыльных газет, увозимых каким-то учреждением. Казалось бы, куда их тащить? Но в этой мелочи сказывалась деловитая уверенность хозяев, не бегущих в панике, а только временно покидающих насиженные уже места.

Борьба Миров

Под балконом гостиницы „Лондон", стоявшей близ пристаней, приметил я тенистое местечко. Пробрался я туда и издали, не имея права даже пожать на прощанье руку, глядел на отъезд своих друзей, товарищей по работе, всех, кто был дорог и близок моему сердцу.

ПРИБЛИЗИВШИЙСЯ гул пушек и слышное теперь stoccato пулеметов, диктовали свой темп пристаням. Они отвечали на канонаду бодрым, деловым гулом. Ревели сирены низовых двухэтажных теплоходов, сипло выли пузатые буксиры, вытягивавшие с рейда караваны барж с цветистыми расписными бортами, громыхали ломовики, мелькая черными ступнями, бегали по сходням грузчики.

Тут-то я и увидел впервые человека, который впоследствии занял такое большое место в моей жизни и, чего уж правду таить, в моем сердце.

Он сидел на высокой кипе прессованного хлопка, скрестив ноги и поджав их под себя, как портной на верстаке. Округлые, чуть свислые и могучие его плечи сгорбились, словно от безмерной усталости. Руки, в которых чувствовалась цепкая и упругая сила, лежали на коленях. Его лицо широкое, кудробородое, с глубоко засевшими узкими и чуть раскосыми

Крючник повернул в их сторону дерзкое, широкое лицо.

глазами, — лицо скифа, также носило отпечаток усталости.

Судя по грузчицкому ярму, — „подушке", еще болтавшейся за спиной, этот крючник только-что кончил работать и присел отдохнуть. Он внимательно смотрел на пристанскую сутолоку, и в глазах его, мне показалось, залегло тоскливое недоумение.

Два купца-раскольника со „Старцевой Горы" подошли к пристани и остановились недалеко от меня.

— Удирают, „красюки"-то!

— Поминай, коровушка, весенние дни!

— Мажь пятки салом!

Крючник повернул в их сторону дерзкое, широкое лицо. И вдруг рявкнул:

— Засохни, аршинники!

„Аршинники" видимо струхнули, но им захотелось, как говорится, „сохранить лицо". Один из них, помоложе, тряхнув с вызывом остриженными по-кучерски волосами, огрызнулся:

— Чего еще, чертушко речное?

И осмелев выставил даже фертом ногу в сапоге бутылкой.

Крючник спрыгнул с кипы гибким и точным прыжком. Нога в бутылке моментально убралась.

— Пикни еще только, буржуй недорезаный, враз ухом землю достанешь! — крутанул крючник кулаком.

Старцегорцы нырнули в толпу. Словно их сдуло.

Я вышел из-под балкона и направился к городским заставам. Оставаться дальше близ пристаней было опасно. Кто-либо из знакомых, по неведению мог окликнуть, заговорить, а это было бы залогом будущего провала.

На окраине города, около кирпичного завода, начали попадаться первые раненые, бледные, с погасшими глазами, в окровавленных тряпках.

— Что, братишки, отходим? — крикнул я.

Никто не ответил, лишь один безнадежно отмахнулся рукой. Я понял. Тоска и злоба поражения затопила сердце.

Тропинка, на которую я свернул, полезла в гору. Куда она выведет? А не все ли равно!

ВСКАРАБКАВШИСЬ на макушку какого-то холма, я лег на траву и подперев голову ладонями, уставился на левобережную „пойму", ушедшую на десятки верст, туда, к далекому горизонту. Но я смотрел не видя. Помню, уставившись в старый расснащенный пароход, мирно гниющий на отмели нашего берега, я рассматривал его долго и упрямо, как нечто новое и интересное.

Вечерний холодок вернул меня к действительности. Вздрогнув, я уже осмысленно посмотрел на Волгу. И не узнал ее. Чего-то, я еще не мог понять чего именно, в ней не хватало. Наконец понял. Она была темна.

Обычно Волга сверкает огнями фарватера, а сейчас она черная и мрачная плескалась внизу. Оказывается я, лежа в каком-то странном полузабытье, просмотрел и прослушал, как прошел наверх наш последний старый скрипучий буксир. А шедший вслед за ним моторный катер загасил все огни фарватерных баканов. У белых, благодаря этому, была отнята возможность преследовать нас. Неосвещенная Волга таила тысячу угроз в виде своих отмелей, перекатов, осередков.

С тревожным, необъяснимым чувством огляделся я вокруг. У железнодорожного моста стоял, потушив огни, темно-зеленый, но под вечерним солнцем отливавший красным, словно сочившийся кровью, бронепоезд. У нас бронепоездов не было, значит... значит это победитель. Чехи уже в городе.

При опасности быстрее действует разум. Взглянув на бронепоезд, тихий, но таящий скрытую угрозу, я понял, что наступил и для меня момент приниматься за работу.

Встав на ноги, я еще раз огляделся и прислушался. Под горою, внизу слышались людские голоса. Молодой, почти мальчишеский голос кричал с нехорошим пугливым возбуждением:

— Гляди!.. Вон еще один плывет... Гляди-ка!

Я понял, кто плывет. На сегодняшнюю ночь Волга превратилась в реку мертвецов. Но брезгливая и чистоплотная она не дотащит свой страшный груз до Каспия,—поразбросает трупы на отмели.

— Гляди!.. Еще... Еще два плывут! — звенел под горой детский голос.

2. На „Разувае".

ЕЩЕ до эвакуации города, получая в ревкоме документы, я заранее обдумал план своей будущей работы. Тогда уже я решил на первые дни после занятия города чехами уйти на „дно", скрыться среди обитателей городского квартала, носившего выразительное название „Разувая".

Почти в центре города, недалеко от Уральских пристаней, разлеглась эта клоака, заняв несколько улиц. Если ты видел рыбинскую „Вшивую Горку", или нижегородские „Мильошки", то ты имеешь некоторое представление и о нашем „Разувае". Он тоже весьма колоритен.

На „Разувае" ютятся тысячи босяков. Все они называют себя крючниками, хотя не мало из них промышляет разного рода „сухими" и „мокрыми" делами.

Особенно многолюдно бывает на „Разувае" зимой, когда здесь живут многие рабочие, летом работавшие на волжских пристанях. „Разувай" служит местом, где сосредоточена вся жизнь этих „зимогоров" [1]) вне работы. Здесь они едят, отдыхают, одеваются, пьянствуют. Именно „Разувай"-то и дал Максиму Горькому незабываемые типы Гришек, Челкашей и Артемов.

К „Разуваю" и направил я свои стопы, спустившись с прибрежной горы. Для меня не нашлось бы в городе места безопаснее. „Разувай" издавна и всегда был в оппозиции ко всякой власти придержащей. Эта своеобразная республика люмпен-пролетариев не признавала никакого вмешательства в свои внутренние дела. Здесь были свои законы, жуткие, звериные, вернее один, древний, закон — „око за око". „Рогатые отношения" в властям, при царях частенько выражались в кровавых стычках с полицией. „Разуваевцев" в участках били смертным боем, но и фараоны обычно привозились с „Разувая" с пробитыми черепами и переломаными ребрами. В конце-концов полиция махнула рукой на это городское „дно".

Миновав один из городских кварталов, носивший колоритное название „Кабацкий Дол", я вступил на территорию „Разувая". Мне вспомнился при этом давно когда-то читанный приключенческий роман, в котором герой, вступая на территорию, кажется Дальнего Запада, видит столб с надписью: — „Эта земля отведена навеки индейскому племени апахов, и правительство не может обещать белому, вступившему на нее, никакой законной защиты". Точно так же и я, углубляясь в эти городские джунгли, не мог уже надеяться на защиту какого-либо закона. Теперь мои добрые отношения с людьми будут определяться только силой, ловкостью или уменьем ладить.

Потянулись грязные, вонючие улицы, кварталы, зараженные всеми известными и неизвестными болезнями. Здесь в сырости и вони зарождались малярия, кишечные заболевания и ежегодно, по весне, переходили в наступление на остальные привилегированные улицы города. Даже и этим отверженное „дно" мстило счастливым верхам.

Через „Разувай" протекала небольшая, но быстрая речушка Кабаниха, впадавшая в Волгу. Я помнил по прежним, конечно дневным, посещениям „Разувая", что здесь через Кабаниху перекинут мостик, узенький и без перил. Прислушиваясь к сердитому, беспокойному плеску Кабанихи, я начал разыскивать спуск к мосту.

Южная летняя ночь, черная и душная, прилипла к земле.

На берегу Волги, видимо у сплавщиков горел костер, казавшийся отсюда пылающим шаром. Но от костра ночь была еще чернее.

Напрасно я, тараща глаза, старался разглядеть очертания моста. Кругом была тьма, глухая, враждебная.

Шаря неуверенно ногами, я спустился к реке. Попал в какую-то яму. Вода залила за голенище. Выругался с досады. Нащупав, наконец, основание моста пошел тихо, стараясь держаться по средине тонких осклизлых жердей. Кабаниха глухо шумела. Сюда, кверху тянуло от нее гнилым холодком.

[1]) „Зимогор" — волжская кличка рабочих, летом работающих на пристанях, а зимой перебивающихся с хлеба на квас и к весне доходящих до последней степени нищеты.

Борьба Миров

Я так был занят одной мыслью — не сорваться бы с жердей, — что лишь на середине моста увидел впереди перед собой огонек цыгарки. Остановился и вгляделся. Огонек не двигаясь держался на одном месте и от торопливых затяжек расширялся, как удивленно раскрывающийся глаз.

— Кто там? — нерешительно крикнул я.

Огонек цыгарки вздрогнул, описал в темноте яркую дугу и потух где-то внизу. Одновременно с этим я услышал шум шагов по настилке моста. Куривший человек шел мне навстречу. Что было делать? Посторониться нельзя, мост без перил, того гляди сорвешься. Повернуться и итти обратно я тоже не решался. А по приблизившемуся шумному дыханию и запаху винного перегара я понял, что человек надвигается на меня вплотную. В этом было уже что-то угрожающее, и я опасливо шагнул, как мне показалось, назад. Но видимо забрал слишком в сторону. Нога моя, не найдя опоры повисла в воздухе, я покачнулся и свалился бы в реку, если бы в этот момент сильная рука не схватила меня за ворот пиджака и, дернув бесцеремонно на себя, не поставила бы снова на жерди. Вслед за этим человек, не выпуская попрежнему моего ворота, другой рукой начал обшаривать меня с ног до головы. Я попробовал отпихнуть его. Но результат был такой же, как если бы я толкнул стену дома. Человек от моего толчка даже не шелохнулся.

— Брось дрызгаться! — строго шепнул он.

— Чего тебе нужно? — почему-то тоже шепотом спросил я.

Его рука, обшаривавшая меня, остановилась на кармане, в котором лежал кошелек.

— Ну-ка, парень, вытряхай мошну, — громыхающим, но сдерживаемым басом сказал он.

Голос этот показался мне странно знакомым. Но раздумывать приходилось о другом: как быть? И после секундного колебания я решил уступить. Правда, в заднем кармане у меня лежал браунинг, и руки мои были свободны. Но каков бы был результат моего выстрела? Положим сбегутся люди, пусть даже они станут на мою сторону. Но как я им объясню, кто я, откуда у меня оружие? Нет, так торжественно, с таким треском обставлять свое первое появление в городе, уже занятом чехами, для меня было положительно невыгодно. Я вытащил из кармана кошелек и опустил его в жесткую, костлявую ладонь вора. В этот миг и произошло то, что показалось мне сначала чудом.

Передо мной из темноты выплыло вдруг широкое, бородатое лицо. Это и был вор. Но его освещал теперь какой-то свет, идущий из-за моей спины. Я обернулся. Яркий луч электрического фонаря распилил тьму. Он дрожал, крутился и, как тонкое змеиное жало, ощупывал нас со всех сторон.

— Ходь тутай, пан! — раздался из темноты повелительный окрик. Крикнувший переложил фонарь из руки в руку, и я увидел осветившиеся на один миг, кожаные пуговицы френча и отличительные щитки на рукавах.

— Чехи!

Это крикнул вор. Круто повернувшись, он бросился бежать. Я тотчас же последовал за ним. На бегу чуть не сорвался в реку, нечеловеческим усилием выпрямился, и с радостью почувствовал под ногами землю. Проклятый мост кончился.

— Стой! — раздался голос с моста. И одновременно с ним лязг винтовочного затвора. Но выстрела не было. Вместо него послышались торопливые шаги. Видимо патруль решил захватить нас живьем.

Бежавший впереди меня вор поддал ходу. Я тоже поднажал и теперь чуть ли не наступал ему на пятки, решив ни в коем случае не отставать от него. Ведь он здесь знал все ходы и выходы, а я в одиночку рисковал свалиться в первую попавшуюся яму, или разбить лицо о фонарный столб. Свертывая за какой-то угол, вор обернулся и на ходу крикнул мне угрожающе:

— Отвяжись, убью!

Я ничего не ответил. Да и не мог бы ответить. Я задыхался, в бок мне словно воткнули нож и при каждом новом вздохе поворачивали его, причиняя острую режущую боль. Вор сделал вдруг ловкий прыжок в сторону и скрылся за какой-то дверью. В то же мгновенье я ударом ноги распахнул ее и очутился в темных

низеньких сенях, в которые выходило одно освещенное окно. Прислонившись к стене, я тяжело перевел дыхание, почти теряя сознание от усталости.

Вор бесшумно, по кошачьи ступая, подошел ко мне вплотную и прохрипел:

— Пикни только, в дреп расшибу!

— Уйди к чорту! — разозлился я. — Говори скорее, где от чехов спрятаться можно?

... луч электрического фонаря распилил тьму.

— От чехов спрятаться? — послышался удивленный голос. — Дык разве ж ты?..

Он резко оборвал свое восклицание. Патруль проходил в это время по улице. Через тонкую досчатую стену слышны были чешско-польско-русские фразы легионеров. Крикни один из нас, чехи ворвались бы в сени. Мы оба затаили дыхание...

КОГДА смолкли шаги и голоса легионеров, вор подтащил меня к освещенному окну и начал рассматривать, вертя бесцеремонно, как куклу. Сам он при этом держался в темноте. Осмотрев сказал разочарованно и конфузливо:

— А ведь, выходит-вылазит, ты и вправду красюк? — И видимо думая, что я не понимаю последнего слова, пояснил: — Большевик ты, выходит-вылазит?

— Ну, а если большевик, тогда что? — больше соглашаясь, чем спрашивая, сказал я. Это, конечно, была большая неосторожность с моей стороны. Но какое-то странное подсознательное чутье говорило мне, что предательства здесь я не встречу.

— Эх, ты афря-фря, дура стоеросовая,— укоризненно ответил он. — Чего же ты мне раньше-то не сказал об этом? На-ка твой кошель обратно. Держи!

Я не верил своим глазам, но кошелек действительно лежал в моей руке. А этот странный вор, разочарованно вздохнув, вдруг проговорил робко:

Борьба Миров

— Слушь, парень, а ты все-таки дай мне трёшку. Душа сегодня горит, залить надо.

В этот момент свет из окна упал на его кудрявую бороду и глубоко сидящие, чуть раскосые глаза.

Передо мной стоял грузчик, которого я видел сегодня днем на пристани, тот самый, который чуть не избил купцов-старцегорцев.

Я порылся в кошельке и молча протянул ему три рубля.

3. Хухряихино „Раздолье".

ТЫ, парень, не бойся, — говорил мой новый знакомый, шагая со мной рядом по глухому переулку, — я ведь все понимаю. Ваши-то ушли, а ты, выходит-вылазит, остался здесь политику держать. Молодец! Мал значит телом, да велик делом! Ничего, пригодимся и мы тебе. Я так кумекаю, что в особицу тебе держаться не след. Приметят! Ты лучше к нам в крючницкую артель пока вступай. Кто тебя там искать будет. А?

— Это хорошо бы было! — обрадовался я.

— Устроим, будь покоен. Я Костоеду прижму, примет. А ты, слышь... да как тебя кличут-то?

Я сказал.

— Ну так вот, Федорыч, ты, слышь, на меня не сердись, что я хотел тебя обчи-

стить. Прижало меня! Худо в городе без денег. Город, что боров: хрюкнет и сожрет! Здесь ведь знаешь как: — кус хватишь, рубль платишь; до сыта наешься, не разделаешься. Ну куда ж мы теперь?

— Поесть бы, да и на боковую, — сказал я.

— Это можно! У нас город затейный, что ни шаг, то иль съестная иль питейный. К тетке Хухряихе пойдем, в ее „Раздолье", выходит-вылазит.

О Хухряихе я уже слышал раньше, во время работы в милиции. Это была известная в городе шинкарка, притонодержательница и скупщица краденого.

Вскоре мы стояли перед Хухряихиным притоном. Помещался он в старинном доме, похожем на крепость, сложенном из дикого серого камня, выломанного в волжских горах. Над землей возвышался только один этаж, а второй, подвальный, выглядывал на дневную поверхность лишь узкими щелями-окнами, забранными решетками. Говорили, что из подвалов ведут к Волге несколько подземных ходов. Двое ворот, всегда запертых, овальной формы, напоминали крепостные ворота. Дом стоял над Волгой, на „юру", мрачный, темный, с заделанными отверстиями для пушек. Он служил повидимому когда-то оплотом против левобережных кочевников-ногайцев. Вместо вывески на стеклах одного из окон, была намалевана надпись.

Постоялый дво
ръ РАЗДОЛЬЕ
съ распитіемъ кр
епких напитокъ
и на выносъ и съ
продажею чая.

Мы спустились вниз по каменным захарканным ступеням. И лишь только мой спутник отворил дверь, разноголосый шум, крики, гам ударили в уши.

Эх, дружище, тебя бы затащить в „Раздолье", ты бы раздраконил потом это злачное местечко! А что могу сделать я, со своим пером, привыкшим к протоколам и резолюциям!..

Под низкими каменными сводами ели, пили, орали, галдели по крайней мере сто человек. И кого-кого только ни было здесь? Люди вида обстрелянного, т.-е. определенное ворье, люди вида несчастного, т.-е. спившаяся беспаспортная мастеровщина, шельмоватый поп в рыжей ластиковой рясе, толстый красноносый монах-грек, странницы-раскольницы в черных косыночках ручной работы (машинная — от „нечистого"!), а рядом с ними слышался тяжеловатый, не вполне чистый выговор мордвы. У самых дверей сидел татарин, обнаженный до пояса, искал в рубахе вшей и тут же на каменных ступеньках предавал их смертной казни. Под многими столами грудами навалены были крючницкие „подушки".

Нестерпимая вонь—смесь пота, махорки, спирта, еды — спирала дыхание. Вокруг висящих под потолком ламп от недостатка кислорода образовались фиолетовые круги.

— Здорово, зимогоры! — рявкнул по-медвежьи мой спутник, остановившись в дверях. Подвал на миг затих, а затем рассыпанным горохом полетели восклицания:

— Коловрат!.. Вася!.. К нам... Коловрат, стенолазу выпей!..

Я невольно оглянулся на своего пятиминутного приятеля. Коловрат!.. Пожалуй, что более меткого прозвища нельзя было придумать. В этих широких могучих плечах, смолянной кудрявой бороде, звериноострых глазах было что-то былинное. Держать бы ему заставу богатырскую в Жигулевской трубе [1]), грозным окриком — „сарынь на кичку!" — останавливать царские струги, да купеческие баржи.

Пока мы, проталкиваясь между столами, искали свободного места, к Коловрату со всех сторон тянулись руки для пожатия, тянулись рюмки, сопровождаемые просьбой выпить, летели вслед слова, фразы льстивые, преувеличенно-восхищенные,

[1]) Жигулевская труба — глубокий буерак в Жигулевских горах. В старину — гнездо „волжской вольницы", нападавшей здесь на купеческие речные караваны.

излишне-угодливые, чтобы быть искренними. Он пожимал, не глядя, руки, опрокидывал, также не глядя, в рот рюмки и пер вперед, неуклюжий и в то же время по своему ловкий. По всему видно было, что если Коловрата и не любили, то во всяком случае уважали и боялись.

СВОБОДНОЕ место нашлось у окна, под картиной, содержание которой разобрать было невозможно, — постарались мухи. Но судя по надписи, она когда-то изображала „Закат в Голландии". Коловрат ударил по столу ладонью и крикнул:

— Эй, шестерка, на носках! Фунт рубца, два яйца, папирос „Молодца"!

Но вместо „шестерки" — полового, к нашему столу подплыла (видимо, тоже знак особого внимания к Коловрату), сама Хухряиха, жердеобразная старая дева с лицом острым, как у покойника, с лоснящимися от сала грудью и животом.

— А, старой козы барабанщица! — приветствовал ее Коловрат. — Гляди, Федорыч, вот те наша пречестная весталка, суха, как палка. Сладкая ягода в семьдесят три года. Шла бы наперед, да никто даром не берет! — Затем хлопнув ее игриво по спине, добавил: — Эх, докрасовалась девка до седой косы. Все еще невестится, а давно уж бабе-яге ровестница!

Хухряиха криво улыбнулась.

— Все зубоскалишь, Василий. И когда тебя черти прихлопнут, оголтыша?

— Про меня еще таких чертей не наделано! — ответил Коловрат, блестя в улыбке кипенью зубов. — А вот тебе, барышня,— указал он на меня, — новый постоялец и нахлебник. Каков, а?

Угрюмые свиные глазки Хухряихи со вниманием остановились на мне. Коловрат, сам того не подозревая, подвергал меня смертельной опасности. Мы два раза уже встречались с Хухряихой во время ее бесчисленных приводов в милицию. И если бы она узнала во мне ненавистного комиссара и натравила на меня всю эту уголовную шпану, спасла ли бы тогда меня даже и богатырская сила Коловрата? Но я надеялся, что сбритая на днях борода изменила мою наружность до неузнаваемости. И все же в глазах Хухряихи мне казалось ясно были видны испуг и удивление. Но в следующее мгновение, она равнодушно отвела в сторону взгляд и обратилась к Коловрату:

Борьба Миров

— Ладно уж, языком-то брякать! Чего подать-то?

Коловрат заказал бутылку „стенолазу" и ужин на двоих. Нам подали щи и картошку, аппетитно трещавшую на сковороде. От „стенолазу" я решительно отказался. Он отливал при свете красноватым огнем: чистейшая ханжа. А Коловрат пил с жадностью. После каждой выпитой чашки он жутко багровел, и все-таки остался недоволен крепостью „стенолаза". Повернувшись к стойке, крикнул:

— Хухряиха, жульета ты! Чего водка слаба? Чай Волгой разбавляешь?

— Вася, и все-то ты буянишь, — раздался над нами глуховатый, гундосый голос.

Коловрат рывком обернулся.

— А-а, Костоеда! Тебя-то мне и надо! Садись-ка с нами. Вот, Федорыч, батырь наш, артельный значит, выходит-вылазит...

Костоеда сел. Я с любопытством посмотрел на своего будущего начальника. Тучный, веселый, с заплывшими глазками и отекшими щеками, он походил на благополучного царского чиновника, для чего-то принарядившегося в черный суконный кафтан раскольника из Черемшанских скитов. Но при кафтане ни к чему была фуражка учительской семинарии с бархатным околышем. На седловатом носу золотые интеллигентские очки, а на волосатых пальцах дешевое серебряное цыганское колечко. Благодаря этому первое впечатление от Костоеды было крайне сумбурное, не поймешь, что к чему у него. Можно было бы счесть его за добродушного толстяка-силача, но и это впечатление рассеивалось тотчас же, лишь взглянешь на его глаза жадные, любопытствующие, все чего-то ищущие.

— Вот начальник-мочальник, — уже вялым пьяным голосом заговорил Коловрат, — хочу я тебе, выходит-вылазит, нового работничка в артель сосватать. А?

Костоеда мельком взглянул на меня и безразлично ответил: — Там посмотрим!

— Не там, а сейчас смотри! — упрямо мотнул головой Коловрат.

— Эх ты дура! Вырос с Ивана, а ума с болвана! Куда нам его? Квёлый парень-то!

— На вид квёлый, а жилистый. Рабочий. С французского завода.

— Похож он на рабочего, как сова на сокола, — ухмыльнулся Костоеда. — Ну да ладно, как артель, так и я.

— Да ты брось кереметя-то ломать! — вспылил вдруг Коловрат. — Не знаем што-ли из чьих рук артель смотрит! Тебя спрашиваю, берешь? — уже с угрозой протянул он.

— Отвяжись, медведь чортов. Беру! — злобно ответил батырь.

Так я был зачислен в артель Костоеды.

— Ну вот и добре, — сразу размяк Коловрат. — Выпьем-кось за новичка.

Тут только я обратил внимание на странную тишину, воцарившуюся вдруг в подвале. Буйная, галдевшая минуту назад толпа, молча с ожиданием смотрела на старичка, сидевшего у стойки. Он откашлялся и мальчишеским альтом затянул:

— А по славной было матушке Камышинке-реке...

Странницы, сидевшие в углу, подхватили запев. Видимо здесь собиралась ежедневно одна и та же, спевшаяся уже компания. Запевали медленно, с чувством, с „подмывом“:

— Выгребали, выплывали пятьдесят легких стругов...

Пока пели только одни странницы, высокими горловыми голосами, получалось не совсем хорошо, слишком крикливо и шумно. Но лучше стало, когда в дребезг их голосов вплелись уверенные тенора:

... Воровских казаков...

Но вот, словно нехотя, лениво подползли рокоты басов:

... А на каждом стружечке по пятидесят гребцов...

И вдруг басы предательски обрушились на песню, изорвали ее, придушили своим мощным грохотаньем:

... По пятидесят гребцов — воровских казаков.

Подвал пел. А мне казалось, что птица-великан ворвалась в этот грязный кабак, и не находя выхода, с криком забилась об этот грязный кабак, и не находя выхода, с криком забилась об потолок, ломая в безысходной тоске о громадные камни вольные свои крылья. Я знаю и люблю эту древнюю волжскую разбойничью песню. Но я еще не слышал, чтобы ее пели так, как пели здесь, в притоне воров и бродяг. Я не знал, что в нее можно вложить столько чувства, столько безысходной тоски по утерянной „вольной волюшке“. Это была неожиданная красота и неожиданная радость...

Коловрат тихо дернул меня за рукав и указал на дверь. Мы пошли, сопровождаемые песней. У порога я еще раз оглянулся.

Хухряиха стояла уже около нашего стола, шепча что-то Костоеде на ухо. И оба они смотрели на меня, именно на меня, с откровенным злорадством и вызовом...

4. Коловрат и Костоеда.

ЛИШЬ выбрались на улицу, отошли на пару шагов от освещенных окон „Раздолья“, тьма окружила, плотной черной повязкой легла на глаза.

— На ночевку пойдем, — сочно зевнув, сказал невидимый в темноте Коловрат. — Тут-жа, в Хухряихин подвал.

Только-что я хотел поделиться с Коловратом своими опасениями, как вдруг во тьме забелело что-то, похожее на человеческую фигуру. А затем раздалось удивленное восклицание Коловрата:

— Алёнка! Ты?

— Вася!..

Я скромно отошел в сторонку. Голоса,— бас Коловрата и другой, теплое женское контральто, — долетали до меня смутно и неразборчиво. Я слышал только отдельные слова. Но и по одним интонациям можно было понять суть разговора.

Контральто жаловалось: — Чорт гугнивый... Костоеда... Вчера и сегодня опять... Житья нет... За што же так?.. Липучий, как...

А бас успокаивающе рокотал: — Ничего... Белки ему выворочу!.. Матери его чорт!.. Да ты не бойся... Солнышко незакатное мое...

Наконец голоса смолкли. Мимо меня снова мелькнула белая фигура и скрылась во тьме. Затем раздался голос Коловрата, окликавшего меня.

— Федорыч, где ты?

Я удивился: куда девался тот вялый пьяный тон, каким Коловрат говорил в „Раздолье“. Теперь его голос был попрежнему тверд, и лишь дрожало

в нем какое-то сильное, но сдерживаемое чувство.

— Федорыч, спустимся-ка опять в трактир. Нужно мне очень...

КОГДА мы вошли снова в подвал, хоровая песня уже кончилась. Теперь граммофон на буфетной стойке выхаркивал бездушно, по машинному: — „Волга, Волга, весной многоводной..."

Коловрат, бесцеремонно отшвыривая встречных, направился к нашему столу. Хухряиха, взглянув на него, тихо ахнула и юркнула за стойку. Костоеда остался. Перед ним стоял глиняный обливной горшочек и он, делая вид, что не замечает подходящего Коловрата, спокойно черпал сметану.

Коловрат, подойдя, оперся обеими руками о стол и сказал угрюмо: — Ты што, ёрник, людям проходу не даешь?

Костоеда сразу понял, о ком идет речь. Он попробовал отшутиться:

— Людям? Брось, Вася, — девка не человек, коза не скотина!

— А худую славу на девку можно класть? — глухо, видимо сдерживая яростный крик, спросил Коловрат. — Похабить девку, напраслину возводить можно? А?

Костоеда почувствовал тревогу. Он тоже встал с табурета, зачем-то оглядываясь назад. Изо всех углов притихшего подвала уже сдвигались к нам по одиночке и кучками люди. Я заметил при этом, что группа оборванцев дюжих и полупьяных, сомкнулась за спиной Костоеды, выжидательно глядя на него.

Батырь деланно равнодушно сказал:

— Васька, отвяжись, дурень. Какая тебя муха укусила?

Коловрат шагнул к нему, судорожно сжимая и разжимая кулаки: — Слушь паразит проклятый! Из нас ты сок жми, дьявол с тобой! Когда-нибудь чохом расквитаемся, язви тебя в душу! И может быть скоро уж. Но девок наших не троньі И ежели ты про Алёнку еще хоть одно дурное слово скажешь, то...

Коловрат вдруг опустил ладонищи на плечи Костоеды, приблизил свое лицо к лицу батыря и, смотря прямо ему в глаза, выдавил:

— Понимаешь?

Так, сцепившись взглядами, простояли они томительное мгновение. Наконец Костоеда тяжело перевел дыхание и прошептал, сдаваясь:

— Понимаю!

Но лишь только Коловрат отпустил его, батырь пренебрежительно вздернул плечами.

— Эх, Вася, опомнись! Сам после жалеть будешь. Ведь пойдешь без меня ногами мостовые трамбовать или по папертям да пристаням накаливать [1]). А насчет Алёнки ты напрасно. Некогда мне этими делами заниматься. Я ведь знаешь как: уклюнул, да и улетел. Не бойся, не отобью!

— Ах так, зануда! — Коловрат рывком сдернул со стола горшок и плеснул в Костоеду. Сметана облепила ему лицо, семинарскую фуражку и даже грудь кафтана. Батырь отшатнулся и, растерявшись, начал горстями сгребать с лица сметану. Хотел что-то крикнуть, но смолчал и лишь плюнул в бессильной злобе.

Возможно, что все и кончилось бы этим комическим эпизодом, не захохочи кто-то в толпе, видя, как батырь размазывает по лицу сметану. Костоеду словно кто в зад шилом кольнул.

— Ты што, гад, чужой сметаной плескаешься? — истерично взвизгнул он. — Ты платил за нее? А с Алёнкой чего привязался? Нашел за кого заступаться! По девице и тафтица! Не робь, Коловрат, поп все прикроет...

— Што? — рявкнул Коловрат и, прежде чем я успел схватить его за руку, ляпнул Костоеду по уху. Батырь грохнулся на каменный пол, как подрубленный. Профессорские его очки разлетелись стеклянными брызгами. Я невольно вспомнил недавние уроки бокса и машинально начал считать: — Раз, два, три, четыре...

Но на пятом счете Костоеда кряхтя, поднялся. Я никогда не думал, чтобы злоба могла так исковеркать человеческое лицо. На лице Костоеды не было ничего осмысленного, как на морде разъярившегося зверя. Губы дрожали, на щеке дергался бешено подглазный мускул.

Костоеда стоял, покачиваясь словно пьяный, и молча глядел на Коловрата.

[1]) Побираться.

Толпа не дышала. Даже граммофон, беспечно оравший в продолжение всего этого эпизода, вдруг захрипел испуганно и смолк. Гнетущая тишина затопила подвал. Мне она не понравилась. Обычно за таким недобрым штилем следует дикий взрыв. И я положил палец на гашетку браунинга.

— За што? — спросил тихо Костоеда. Но в этом спокойном вопросе было больше жгучей ненависти, чем в предыдущем истерическом крике.

— За то! Не ходи пузато, не люби солдата! — уже остывая, ответил Коловрат. И добавил с брезгливым сожалением. — Эх, жаль до смерти не убил. Давно уж тебя на том свете ждут, козлов пасти!

— А ты думаешь, коль с комиссаром спутался, — кивнул в мою сторону Костоеда, — так на тебя и управы не найдем? Годи, будет ужо и тебе и чекисту твоему!

Коловрат удивленно взглянул на меня, не понимая, каким образом батырь разгадал мою тайну. Этим и воспользовался Костоеда. Выставив кулаки, он метнулся на Коловрата, рассчитывая сбить его тяжестью своего тела. Но батырь ошибся, понадеявшись на свою силу. Коловрат качнулся, но устоял, выдержав удар шестипудовой туши батыря. А в следующую за этим секунду Костоеда уже сам, от удара Коловрата, полетел на пол, прямо под ноги оборванцам, тоже бросившимся на нас. Это остановило их на полдороге. А Коловрат, воспользовавшись минутной заминкой нападавших, отпрыгнул к стене и прижался к ней спиной, обеспечивая тыл. Затем схватил за углы тяжелый трехаршинный стол и поднял это, страшное в его руках оружие, над головой. Стоявшая на столе посуда с дребезгом разлетелась по сторонам.

— Ну, выходи сопротив меня, рвань костоедовская! — крикнул в буйном задоре Коловрат.

ВСЕ это произошло так быстро, что я не успел даже выхватить из кармана револьвер. А теперь уже мы были в относительной безопасности. Костоедовские башибузуки определенно струсили. Они оцепили нас полукольцом, но держались на порядочном расстоянии. Видно было, что их колотила лихорадка нетерпения. Втянув головы в плечи и переступая с ноги на ногу, они выжидали момент, когда можно будет напасть на Коловрата.

Даже в эту напряжённую минуту я не мог не залюбоваться Коловратом. Буйный, пьяный, бесшабашно-веселый, он был по-своему дико красив. Все в нем дышало вызывом — и взлохмаченная яростно борода, и дерзкий излом бровей, и хищный оскал рта, и даже разорванный ворот рубахи.

Несколько смельчаков из числа костоедовских телохранителей вдруг рванулись вперед, на нас. Коловрат взмахнул столом. Так мы отмахиваемся книжкой или ладонью от надоедливых мух. Ветер со свистом пронесся по подвалу. И этим ветром словно сдуло нападавших. Они испуганно нырнули в толпу и перед нами опять очистилось свободное пространство. Я лично порадовался, что оружие Коловрата не обрушилось на головы смельчаков: пяток черепов наверняка разлетелись бы вдребезги, как глиняные горшки.

— Эх вы, жабы! — крикнул Коловрат. — Суньтесь-ка! Я вам, плевательницы-то расковыряю!

И вдруг вскинув стол, он с силой швырнул его на пол. Стол с грохотом, похожим на залп, разломился на двое. Толпа отхлынула к буфетной стойке.

— Пойдем, Федорыч, — сказал спокойно Коловрат и, косясь по-волчьи на врагов, направился к двери. Мы уже поднялись на первые ступени, я протянул уже руку к скобе, как вдруг не крик, а буквально кошачий визг разорвал тишину:

— Не выпускайте комиссара-то! Бей его!

Это крикнула Хухряиха. И крик ее произвел на толпу действие искры на пороховую бочку. Глухо охнув, вражья стая рванулась к нам. Нападение это, по его молниеносной быстроте, можно было сравнить только со взрывом. Коловрат загораживал меня боком, и поэтому он принял на одного себя всю силу первого, стремительного удара. Нападавшие повисли на нем, как псы на медведе. Он стряхнул их, но они снова насели. Тут-то я и услышал крик Коловрата, значение которого сначала не понял:

— Солены рубахи, бей костоедовских собак!..

...вскинув стол, Коловрат с силой швырнул его на пол.

Побоище уже бушевало, как забравший силу пожар. Но я все же увидел, как после этого крика стоявшая все время в стороне от драки кучка крючников, сорвалась с места и, ударив во фланг костоедовским оборванцам, отбросила их к стене.

А затем закрутился какой-то жуткий смерч. Это был поистине дикий разгул страстей, неистовство сорвавшихся с цепи инстинктов. Дрались все и дрались чем непопадя, всем что не было прикреплено к полу: бутылками, табуретками, выломанными ножками столов, досками. Крючники дрались своими „подушками" и рабочими крюками. Кое-где сверкали уже ножи. Две лампы были разбиты в начале драки, и теперь горела только одна. При скупом ее свете, вернее в желтом полумраке перекатывался из одного угла подвала в другой клубок человеческих тел. Крики, хрип, стоны, вой. Странницы с визгом протискивались к выходу, стараясь вырваться из этого ада. Поп с окровавленным лицом и в разорванной рясе, сначала орал, как заклятье: — „да воскреснет бог!..", а потом не устоял против соблазна и сам ввязался в драку. Сменив молитву на ругань, он бил хлестко сухими крепкими кулаками всех, кто подвертывался, без разбору. Но и сам наконец нарвался на Коловрата. От дикого удара великана - крючника, служитель алтаря господня безжизненным кулем шлепнулся на пол.

Я вдруг неожиданно для самого себя понял, что тоже участвую в драке: револьверной ручкой луплю по физиономиям. К стыду своему должен сознаться, что именно в этом подвале я познал захватывающую страсть дикой звериной борьбы.

Не помню, долго ли продолжалось побоище. Я же вышел из строя благодаря Костоеде. Я вдруг увидел его, растерзанного, окровавленного, вываленного в опилках, которыми был посыпан пол, идущего с большим грузчицким крюком прямо на меня. Он мелькнул у меня перед самым носом и тотчас же куда-то пропал. А затем, за спиной моей раздался его крик:

— Держись, красюк!..

Я хотел обернуться, но тотчас же вскрикнул испуганно и удивленно от ужасной боли в голове. Покачнувшись, почувствовал, что лечу куда-то вниз.

И на один только миг потухавшее мое сознание уловило крик Коловрата:

— Соленые рубахи, выручай комиссара!..

А затем все завертелось в ярком, огненном, звенящем хороводе и потухло.

5. В „Соленой рубахе".

На другой день я, как ни в чем не бывало, работал в кручницкой артели. Череп у меня оказался на удивление крепкий. От вчерашнего удара крюком по виску остался лишь какой-то гуд и туман в голове словно после хорошей попойки. Да вед и не один я в этот день морщился и потирал бока или череп. Вся наша артель участвовала во вчерашнем побоище.

Во время „залоги", т.-е. короткой передышки между двумя разгрузками, Коловрат рассказал мне о результате сражения. Но об этом чуть ниже, а сейчас о „соленых рубахах", о моих новых товарищах, о крючниках.

Что мы знаем о них? Да почти ничего! Грузчик был всегда предоставлен сам себе. Он пил горькую, трезв бывал только между двумя выпивками, не клал на руку охулку и в смысле мелкой кражи. „Отбойные" хулиганы - грузчики, обитатели портового дна, хотя бы нашего „Разувая", были истинной грозой портовых городов.

Крючник жил, погрязая во всех „смертных" грехах, пьянстве, буянстве и прочем окаянстве. Ведь традиции легендарных стариков всесильны и непоколебимы. Коли ты настоящий грузчик, „соленая рубаха", а не кисейная сопля, то пей мертвую, картежничай напропалую, крой всех и вся, а споры с другом и недругом разрешай ударом булыжника или ножа Каждому новичку, вступающему в артель, приходится слышать стереотипную фразу:

— Пей, не то мы тебя изломаем!..

И новички пили, новички спивались, особенно деревенская без „свинца в ногах" молодежь, приходящая в летнее время „ургучить" на городские пристани. Через год - два многие из них уже оседали мутью на портовое дно, превращаясь в классических буйных золото-

ротцев, „бракованных", по меткому выражению Горького, людей.

Поэтому и конец у крючника бывает всегда один: сдадут от алкоголя широкие плечи, подвернется на вертлявых сходнях задрожавшая вдруг нога и, ляжет он под многопудовой кладью раздавленной лягушкой...

Так было, но не так должно быть, и верю, что уже не так и есть. Я, сам носивший соленую от пота крючницкую рубаху, проживший среди этих золоторотцев, среди этой „отбойной" бражки четыре месяца (и каких месяца!), утверждаю это. Я верю, что теперь на Волге соленая рубаха крючника не пугает уже прохожего, ибо крючник в наши дни не полубандит, не жуткий обитатель дна, но честный пролетарий...

Но не хмурь, дружище, бровей, я кончаю свои разглагольствования и снова перехожу к фактам, сухим фактам.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, в „Раздолье" около моего тела, как около некоего знамени, закипел особенно жестокий бой. Костоеда решил добить меня окончательно, уже лежащего, но крючники по зову Коловрата бросились на выручку и выволокли меня в безопасное место. Не поздоровилось же наоборот Костоеде. Его преторианцы, разуваевское ворье, с трудом спасли своего главу. Избитый, полумертвый Костоеда был на руках унесен ими из „Раздолья". Поле боя осталось за крючниками и прочей мастеровщиной.

Хухряихин подвал после сражения изображал картину, которую Коловрат охарактеризовал коротко и образно: — „как Мамай воевал!" Вся мебель была разнесена в щепки, на полу, на окровавленных опилках — тела. Крючники подобрали своих товарищей, из сострадания окатили водой костоедовских бойцов и разошлись по ночевкам. Этим и кончилось знаменитое побоище в „Раздолье".

Я узнал также, что драка эта, начавшаяся в сущности только между Коловратом и Костоедой из-за Алёнки, имела другое скрытое и более серьезное основание. Костоеда опутал мелкими долгами, авансами почти все грузчицкие артели нашего города. Все они мозолили спины для этого хищника. Крючники давно уже разделались бы с ненавистным батырем, но Костоеда окружил себя опричниками из уголовных элементов „Разувая". Никого не боясь, Костоеда царствовал самодержавно. Впрочем он боялся только одного человека — Коловрата. Его Костоеда пытался перетянуть на свою сторону и угрозами и подкупами. Но Коловрат остался верен товарищам.

Борьба Миров

И вот, когда в „Раздолье" Костоеда и Коловрат передрались из-за Алёнки, крючники держали нейтралитет. Ведь это было дело домашнее, их не касавшееся. Но когда они узнали, что Костоеда и Хухряиха хотят „угробить" какого-то комиссара, большевика (от которых они кроме добра ничего не видели), годами копившаяся ненависть наконец прорвалась. Рабы взбунтовались. Произошло побоище, которое я уже описал тебе. И ты видишь теперь, что это была своеобразная революция, в разуваевском конечно масштабе. Крючников поддержала остальная мастеровщина. Это, по мнению Коловрата, было неудивительно. Он по этому случаю изрек даже следующее: „Сказано, каждый баран к своему стаду держись".

Победа, и победа полная, благодаря этому была одержана крючниками. Костоеда был свергнут, он даже не показался на следующий день на пристанях. Во всех артелях были выброшены старые батыри, ставленники Костоеды, и выбраны новые.

Наша артель также выбрала нового батыря, дядю „Поминай", чахоточного дьякона-расстригу. К нему, как атрибут батырской власти, перешла Костоедина толстая конторская книга, в кожанном переплете с медными застежками.

Между прочим, батырь, т.-е. старшой в артели, не должен пользоваться самодержавной, неограниченной властью. Это право присвоил себе только Костоеда. Батырь скорее первый между равными. Не нужна батырю и исключительная физическая сила. От батыря требуется другое — грамота, сноровка, поворотливость, деловитость. Батырем может стать только разбитной парень, у которого и мозги шевелятся, и ноги всюду поспевают.

Окрик артельного, звавшего на работу, оборвал нашу беседу. Поднимаясь, Коловрат сказал:

— А все-таки, Федорыч, выходит-выла-зит, мы от Костоеды-то избавились!

Но оказалось, и очень скоро, что от Костоеды избавиться не так-то легко и просто...

6. Спусти пар, ваше скобродие!..

НАША артель работала на разгрузке брюхатой гусяны и двух тридцаток. Их притащил драный буксир с пышным названием — „Шталмейстер". Груз — каменная негашеная известь.

Долго я буду помнить ее! За разгрузку извести возьмется не каждая артель. Это дьявольски тяжелый труд, настоящая каторжная работа. Известь разъедает кожу, легкие, воспаляет глаза. Среди крючников, долго работавших на извести, были случаи полной слепоты. Конечно, эта работа оплачивается вдвойне и даже втройне.

Артель наша оказалась дружной, сработавшейся. А кого-кого только в ней не было! Рядом с белыми „спантирями" белоруса — чимбары [1]) киргиза, рядом с мягкими чунями „мордвы-двубожницы"— остроконечные войлочные шляпы казанских татар. Но большинство было, конечно, „промзы", суровых бородачей из села Промзино, теперешней Ульяновской губернии. Одним словом — интернационал, крепко спаянный общими лишениями и каторжным трудом.

Видел ли ты когда-нибудь, как работает большая, хорошо-слаженная крючницкая артель? Если представится случай, обязательно посмотри, и повнимательнее. Жалеть не будешь!

Ритм работы, которому все подчиняются на погрузочных пристанях, устанавливают грузчики, потому что сами они работают отчетливо, слаженно и ровно, как хорошие часы. Беспрерывной вереницей, на равных дистанциях, тянутся они к одному из погрузочных люков баржи и выползают из другого уже с кладью на спине. Скрипом жалуется под их ногами трап, а они, покрикивая предостерегающе: „Гляди... чувырла!"—тянутся бесконечной, наводящей своим однообразием тоску, цепью. Они не посторонятся, не свернут, наоборот им уступают дорогу, по ним приспосабливается вся остальная хлопотливая пристанская жизнь.

Что особенно поражает новичка при виде крючников? Конечно их особенная манера работать легко, без натуги, играючи. Но поверь — это труд, и труд адски тяжелый, а не игра. Просто, крючник, как и цирковой артист, не выдает постороннему взгляду тяжесть, трудность, мучительность своей работы.

Все дело здесь в сноровке, в дисциплине всего вообще тела и каждого мускула в отдельности. Долгая и тяжелая практика научила грузчиков пользоваться в нужный момент исключительно соответствующей группой мускулов. А это крайне важно. Я на своей спине испытал, какое на Волге умопомрачительное разнообразие грузов: плетенки с фруктами, боченки астраханского малосола, верткие арбузы, связки сухой воблы, дрыгающие, словно сопротивляющиеся связки листового железа, мешки отсыревшей баскунчакской соли— „гранатки", пятерики пшеницы. И ко всему этому нужно приноровиться, приспособить намозоленную спину. Поэтому в этих людях нет ни унции жиру, ничего лишнего. И сила, хотя бы и лошадиная, но недисциплинированная, грубая здесь не нужна.

На Волге были случаи (о них охотно рассказывал мне Коловрат), когда силачи, борцы-профессионалы не выдерживали крючницкого экзамена, двадцати-тридцати мелких (а это особенно важно) ступеней лестницы из глубокого трюма на палубу, конечно с грузом на спине. „Чемпионы" пассовали, а наш чахоточный дядя „Поминай" проделывал это шутя. Вот что значит сноровка!..

... Прости, я опять отвлекся в сторону. Обещаю, больше этого не будет. Но пойми, что, узнав коротко грузчиков, я не мог не полюбить их; а говоря об этом буйном и в то же время трудолюбивом клане, я не могу быть холодно равнодушным.

ОДНА из тридцаток была уже разгружена. Я только-что свалил мешок извести и хотел снова отправляться на баржу, как заметил в работе

[1]) Спантирь — свитка, чимбары — штаны.

артели какую-то нервную суетливость. А затем услышал голос Коловрата:

— Эть-два! Сено-солома! — кричал он кому-то, дирижируя рукой.

Я высунулся из-за мешков и увидел отделение чешских легионеров, марширующее мимо пристани. Им-то под ногу и кричал Коловрат. Я только-что хотел удивиться его дерзкой смелости, — ведь „братья-славяне" не любили таких насмешек, — как увидел, что отделение, сделав захождение плечом, поднялось к нам на пристань.

Это пахло уже чем-то серьезным. Наша артель бросила работу, то же сделали и работавшие рядом. Образовалась кучка человек в двести, а с соседней „самолетовской" пристани валили к нам еще добрых две сотни.

Отделение остановилось, чётко проделав „к ноге". Толстый сутулый капитан один направился к грузчикам. Дорогу ему загородил Коловрат:

— Вам што угодно, ваше скобродие?

— Мне...—замялся офицер.— Среди вас... Мне нужно арестовать здесь одного человечка!

У меня ёкнуло сердце. Я понял, за кем пришли чехи. Мелькнула мысль: „Костоеда натравил. Его работа!"

А Коловрат с невинным видом спрашивал:

— Это какого же, выходит-вылазит, человечка?

— Большевика! — отрубил капитан.

Я в это время стоял среди сотенной толпы крючников. И я не преувеличиваю, не ошибаюсь, я определенно почувствовал, как в этот момент теснее сомкнулись вокруг меня крючницкие плечи.

— Матер чёрт! — злобно выругался вдруг ногаец, с сухим, словно вытянутым вниз лицом.

— А по кукарде хошь? — крикнул горячеглазый перс.

Коловрат же спокойно ответил:

— Это, ваше скобродие, никак невозможно.

— Чтэ-э?—крикнул надменно капитан. — Чтэ ты сказал?

— Спусти пар, ваше скобродье!—рявкнул остервенело Коловрат. — Не ори! Не в меру горяч! И катись отсюда, пока цел! Никакого большевика ты не получишь. Понял?

Толпа грузчиков загудела сочувственно.

Капитан (честное слово он оказался не дурак) поглядел внимательно на толпу. Возбужденные лица крючников, упорство в их глазах, кровавых от извести, не понравились ему определенно. Он перевел взгляд на свое жалкое отделение и вдруг сгорбившись, пошел прочь. Но на ходу, через плечо, бросил:

— Мы с вами после поговорим!

— Поговорить мы всегда

— Спусти пар, ваше скобродие!

рады! — крикнул ему вслед Коловрат. — Бывает, заглядывайте перекурить, ваше скобродие!

Чехи ушли, все также чеканя шаг.

— Ну, Федорыч, — обернулся ко мне Коловрат, — это беспременно Костоеда „светит“ [1]). Он — ехида! А ты не робь. Гляди, на стороне не сцапали бы тебя. А мы-то уж не выдадим!

— Не выдадим! Не выдадим!—загалдели „соленые рубахи“, и каждый из них счел своим долгом хлопнуть меня сочувственно по спине.

Вот тебе и портовые златоротцы! Вот тебе и „отбойное“ хулиганье, полускоты, вьючные животные! Эти „мешочные няньки“, как их иногда дразнили, взялись теперь нянчить меня. И я действительно почувствовал себя так же спокойно, как ребенок в люльке. Я понял, что под их защитой смогу полностью выполнить задачу, порученную мне партией.

Каково, а?

7. Вислый Камень.

В ИЮЛЬСКИЕ полдни, когда Волга стоит, не шелохнется, мы с Коловратом частенько бросали работу и уходили тайком на Вислый Камень. Противно было работать! Грузы теперь были в большинстве военные, а разгружать для чехов снаряды, патроны или провиант мы не могли, рука не поднималась. Поэтому и Коловрат и я — просто-напросто саботировали, отсиживались на Вислом Камне.

Наш подпольный ревком также не слишком перегружал меня. Мне поручили агитационную работу среди крючников и прочего пристанского рабочего люда. Но теперь я работал в этой области даже и не один! Коловрат помогал мне. Его знания крючницкого быта, знание людей, среди которых мы вращались, которых „обрабатывали“, — были вернейшим залогом успеха нашей работы. А мои информационные доклады комитету, — раз в неделю, —отнимали у меня не много времени.

Вислый Камень крепко памятен для меня. На него я забрел в день нашей эвакуации, с вершины этой горы услышал я гомон вступающих в город чехов. Называлась она так потому, что вершина ее, выдавшись вперед плоским блином или скорее грибной шляпкой, повисла над Волгой, грозя ежеминутно обвалом. С Вислого Камня открывался поразительной красоты вид на левобережную луговую сторону Волги. Оттуда, с заливных лугов ветерок переносил через Волгу горьковато-медовый запах полынка. А вечерами загорались там костры, и изредка заслоняемые чьими-то тенями мигали ласково и призывно.

На Вислом Камне мы, захватив провизию, нередко проводили целые дни, спускаясь в город лишь для ночевок. И после вольного простора Волги подвалы „Разувая“ давили буквально, как могильные плиты.

Но говоря по справедливости, я за многое благодарен „Разуваю“. В его подвалах можно было чувствовать себя в полнейшей безопасности. Чешские патрули также, как бывало и царские фараоны, не рисковали появляться здесь. Поэтому выудить меня с этого „дна“ было невозможно. Да и разуваевцы не допустили бы этого. Согласно своеобразной разуваевской этики, за одного вступались все. Только такой круговой порукой и был крепок „Разувай“. Кто бы ты ни был — подпольщик ли, просто беспаспортник, бродяга, удравший с этапа, или даже бежавший из тюрьмы вор, но раз ты принял разуваевское подданство, вся эта вольница грудью вставала на твою защиту.

Поэтому „взять“ меня можно было только вне „Разувая“. Но опять-таки арестовать на пристанях, при помощи двух-трех филеров, белым меня не удалось бы. Крючники отбили бы. Присылать же воинский отряд — тоже наверняка провалить дело, как это уже раз и случилось. Приближение отряда можно заметить издалека и своевременно скрыться. Ведь крючники знали на пристанских складах такие тайники, в которых спрятавшегося человека днем с огнем не отыщешь. Но все же первое время после посещения чехов мы с Коловратом из осторожности большую часть дня проводили на Вислом Камне.

ЗДЕСЬ-ТО, в часы такого вынужденного безделья, Коловрат рассказал мне свою прошлую жизнь. Он был родом из знаменитого села Кадницы, искони по-

[1]) Выдает.

ставлявшего для Волги грузчиков, матросов, лоцманов, капитанов. Оттуда-то и выходили зоркие, умные волжские и камские лоцманы, умелой рукой водившие пароходы по обеим великим рекам-сестрам.

Четырнадцати лет Коловрат пошел работать в грузчицкую артель. Так как был он грамотным, то артель избрала его, еще мальца, батырем. Это погубило Коловрата. Получил он как-то 416 рублей для раздачи артели и пропил их. Как „грех случился", и сам не помнит. А утром, махнув на все рукой — „пропадай все пропадом!" — надел котомку за плечи, да и пошел, куда глаза глядят, по шпалам. Бродяжил долго, побывал в Баку, на Черном море, был даже в Персии, — „в Энзелях", как он сам выразился. Но наконец заскучал по Волге и вернулся в родные Кадницы. Арестовали его, судили, посадили в тюрьму.

Царская тюрьма изломала его окончательно, вышел он из нее „конченным человеком", „оторвышем". Но об этом последнем периоде своей жизни он не любил говорить, видимо стыдясь темного прошлого. Лишь как-то раз глухо обмолвился, сказав:

— Много, Федорыч, в жизни крутых горок. Об иную... и споткнешься.

Женщин Коловрат ненавидел. По его словам — „от них на земле вся грязь и подлость". Это понятно. Смрадная портовая „любовь" не могла оставить в его сердце светлых воспоминаний. Но Алёнку он полюбил крепко и чисто, со всей страстью своей буйной натуры. Эта любовь налетела на него, как низовой волжский шквал, и закрутила, пугая его самого своей силой и глубиной. Он признался мне, конфузясь и стыдясь:

— Ненавидел ведь баб! А эта, как взглянул, враз готово! Дошла она до моего сердца. Надоело, как бродяге — ни угла ни души родной около!...

Вообще же Коловрат был определенно недюжинной натурой, одним из тех человеческих самородков, которыми так богата Волга. Он много, хотя и без разбора, читал. К любой книге он тянулся с какой-то запойной страстью и в то же время с наивной доверчивостью к печатному слову. Книга давала ему надежду вырваться из цепких лап „Разувая", и он хватался за нее со страстностью, понятной только тому, кто сам побывал на дне. При мне он, например, раздобыл где-то англо-немецко-французский словарь и просиживал над ним ночи, решив научиться „на языках говорить". Но когда уперся лбом в глухую стену, когда понял, что не преодолеть ему этой трудности, запустил словарь в угол и обратился ко мне с каким-то злобным вызывом:

— А зачем учиться-то? Умрешь — все забудешь. Правда, ведь?

В происходящих событиях он разбирался довольно четко. Но в то же время в голове его был здоровый сумбур. Он, например, свято чтил память Стеньки Разина, Емельки Пугача, какого-то волжского разбойника, „рыцаря кистеня" — Урака и... иеромонаха Илиодора. Он и этого волгаря-черносотенца считал почему-то „за народ болельщиком".

Но особенно любил Коловрат рассказывать о своем отце. Это был, по его словам, „богатырь, каких теперь земля не родит". Когда его отец ходил на парусной шхуне Каспийского флота, то он один вытравлял якорь, т.-е. заменял четырех человек. В деревне же, когда приходилось подводить столбы под старые осевшие избы и сараи, он изображал „панкрашку", т.-е. домкрат: один и без особенных усилий держал в руках перекладину, на которую опирался приподнятый сруб. И при всей своей силе он был незлобив, как теленок, за что и получил кличку — Сеня-Смирный.

— А я нет, я—буйный, — со вздохом сожаления закончил один из таких рассказов Коловрат. — Это у меня от матери. Киргизка она была. Вот и бушует во мне дикая-то кровь!...

В этот памятный день, 9-го августа, на Вислом Камне у нас было невесело. Мы только-что получили известие о падении Казани, взятой генералом Благотичем. Бодрила лишь мысль, что „волжский Рим" — Саратов — держится крепко. Скверное впечатление оставил также сегодняшний митинг на легко-грузовой пристани. Ораторы пресловутой „Центроволги" сегодня особенно ярко доказали контр-революционную сущность этой организации. Благодаря им, сегодня на митинге туманные лозунги самарской учре-

дилки о свободном сквозном плавании по Волге, об отмене национализации флота, имели некоторый успех. Если бы не я и не Коловрат, собрание пожалуй вынесло бы резолюцию, требующую от советской власти гарантий безопасности плавания, нейтралитета флота и водного пути. А тогда чехам была бы открыта вся Волга, — снабжайся сколько влезет! Но, мне здорово помог Коловрат. Он сказал с присущей ему грубой резкостью и образностью.

— Знаете, кто эта самая „Центроволга"? Костоеда! Одного спихнули, другого сами себе на шею накачиваете!

Это подействовало. Желательная центроволгистам резолюция не была вынесена. Но кто поручится, что они не обработают массу тайком? А когда мы уходили с митинга, крючники, окружив нас, незаметно шепнули:

— Вы б, ребята, спрятались, особливо сегодня. Костоеда близ вертелся!..

Мы тотчас же отправились на Вислый Камень. Безопаснее места не найдешь.

КОЛОВРАТ лежал на земле и, опершись на локти, молча смотрел на Волгу, чешуившуюся внизу мелкой волной, словно гигантская рыба. Река была тиха и пустынна. Пробежал лишь катерок, его дым положил на воду тень, как дорожку. И снова мертво, лишь чайка дрожит в воздухе.

— Пуста Волга-то! — сказал Коловрат. — А прежде разве то было? Эх, черти, што наделали!

Мы снова замолчали. Коловрат затянул вполголоса:

Сорок медведей поддел на
рогатину,
На сорок первом — сплошал...

От Вислого Камня по берегу Волги, вверх по течению, вытянулась гряда круглоголовых холмов — „шиханов". Это было курганное кладбище, память существовавшей здесь в незапамятные времена скандинавской колонии. С этих старинных курганов сваливали теперь в Волгу возы голых трупов рабочих, перебитых во славу меньшевистско-эсеровской учредилки. Но Волга, не желая скрывать злое дело, выбросила трупы обратно, к подножью шиханов. Ночами собирались к курганам волки и выли на луну, протяжно и тоскливо.

Коловрат перевел взгляд на шиханы и сказал тихо:

— Вот жили люди и память по себе оставили. А мы что?

И не понял я, о ком он говорил, о скандинавских ли викингах, лежавших под курганами, или о тех, над чьими трупами пели свои панихиды волчьи стаи?

ЗАКАТ потух. Ночь ползла на Волгу, подбиралась уже и к нам, на вершину. Коловрат встал и, показывая вниз на светло-голубое электрическое марево городских огней, потянулся:

— Што ж, Федорыч, пора и на ночевку, а? — И вдруг испуганно попятился назад. — Стой! Кого леший несет? Алён... Да никак Алёнка?

Алёнка — это была действительно она — бросилась к Коловрату и заговорила, тяжело переводя дыхание:

— Василь... беги... оба бегите! Ловют вас... Вислый Камень окружают... чехи... А по реке катер пустили... Шла я... белье приказчикам на баржу несла, вижу... чехи... а ведет их...

— Костоеда! — рыкнул Коловрат.

— Он! Да тише ты! — умоляюще протянула к нему руки девушка. — Бегите же... Я проведу вас, тропинку здесь знаю, прямо к Волге. А внизу лодка ждет, я пригнала. На ту сторону переедем.

Коловрат посмотрел на противоположный берег, залитый луной, и покачал отрицательно кудлатой, тяжелой своей головой.

— Не выйдет, на ту-то сторону. Не поспеть. Сама ж говоришь — катер выслали. Другое надо придумать.

Он повел глазами и вдруг остановил их на одной какой-то точке. Я тоже посмотрел по направлению его взгляда и увидел внизу, на берегу Волги, в версте от Вислого Камня, какой-то предмет, белевший под луной. Это был тот самый раснащенный, севший на мель пароход, который я разглядывал во время первого своего посещения Вислого Камня.

— Вот, — схватил меня за плечо Коловрат, — на пароход, скорее! Я знаю, ночевал не раз на нем... К нему можно на лодке подъехать. Бегите!

— А ты? — крикнули одновременно Алёнка и я.

— А я останусь пока, этих дьяволов со следу сбью. Заведу их, куда ни на есть. А как услышите, запою я — „сорок медведей поддел на рогатину", — так вылазьте, безопасно значит. Ну, шпарьте!

— Василь, да как же? — рыданьем вырвалось у Алёнки.

— Я не пойду! — решительно заявил я.— С тобой останусь.

— Што? — угрожающе прохрипел он. И поднес к моему носу кулачище, величиной с голову ребенка. — А это ты видел? Да я тебя под орех, зануду, разделаю, коль не послушаешься.

— Бей, а все-таки не уйду! — сказал я и сел на землю.

Коловрат обнял вдруг меня за плечи и зашептал страстно:

— Федорыч, друг... друг мой единственный, пойми же, я ведь здесь каждый камень, кустик знаю. Я с ними... как кошка с мышами. А ты по рукам и ногам меня свяжешь. Родной мой... послухай свово друга.— Он поднял меня с земли и начал тихонько подталкивать к обрыву. И в виде последнего аргумента, наивно схитрил: — А кто ж Алёнку-то охранять будет? Тебя и прошу!..

— Хорошо, уйду, чорт с тобой, — сказал я, — но ты бери мой револьвер.

— Да я и не знаю с какого конца стрелять-то! — ответил Коловрат.

— Бери! — забыв осторожность, крикнул я. — А то не пойду...

— Тише, галман! Давай уж, чорт настырный! — схватил он револьвер и положил в свой карман. — Да идите же вы, паралик вас расшиби!..

А когда мы сползли уже с вершины на тропинку, из-за камня высунулась вдруг снова его голова и до нас долетел свистящий шепот:

— Алёнка, слышь, тебе Федорыча поручаю. Никуда его от себя не отпускай. Он дурной ведь. А не то я с тобой по-свойски! Слышь? Да, про сорок медведей-то не забудьте...

Я лишь усмехнулся криво и невесело в ответ на эти слова.

8. Сорок медведей...

ТРОПИНКА была узка, как нитка, и спускалась почти отвесно. Да и можно ли было назвать ее тропинкой? Скорее это была лестница вниз, в пропасть, дно которой я не мог в темноте разглядеть.

Алёнка скользила легко и ловко, как коза. Она прыгала с камня на камень с удивительной точностью, но даже и при этих прыжках, тело ее, свободное и гибкое сохраняло красоту своих линий. Я взглянул на ее ноги, увидел маленькие обнаженные пятки и тут только понял, что она идет босиком. Это по острым-то камням? А я, обутый, сползал вниз тяжело и неуклюже, как куль.

Миновав один, особенно предательски выпятившийся камень, я увидел, что Алёнка стоит, прижав руки к груди. Сначала я подумал, что она поджидает меня. Но лишь я поровнялся с ней, она молча повернула меня лицом к отлогому гребню Вислого Камня, уходившему к городу, т.-е. в сторону обратную от нас. Я поднял удивленно глаза.

На скале, саженях в ста от нас, стоял Коловрат, вытянувшись во весь свой могучий рост. Ярко освещенный луной так, что видны были даже его взлохмаченные волосы, он стоял тихий, неподвижный, словно над чем-то глубоко задумавшийся.

У меня бешено заколотилось сердце. Забыв, что стою над пропастью, я хотел броситься к нему. Но вдруг Коловрат вытянул руку и загремел:

— Костоеда, дьявол, я вижу тебя! Я убью тебя, змей!

Два винтовочных выстрела стократным эхом запрыгали по ущельям Вислого Камня. Я ясно видел желтые вспышки. Алёнка вскрикнула, я с тоской поглядел на скалу. Она была пуста.

— Пристрелили? — вцепилась мне в рукав Алёнка.

— Промахнулись, кажись, — неуверенно ответил я.

И тотчас же, подтверждая мое предположение, откуда-то издалека уже, глухо донесся голос Коловрата:

— Я убью тебя, Костоеда!..

Алёнка ринулась вперед. Я за ней. Теперь тропинка стала более отлогой, но извивалась, как бегущая змея, между скалами и валунами. И временами только виднелся в расщелины голубой лунный простор Волги. Вскоре камни кончились, мы бежали уже по траве, дымившейся от тумана. А затем пошел песок, тянувшийся до самой воды.

Борьба Миров

Двухвесельная душегубка стояла в тени ивы. Я, по приказанию Алёнки, вооружившись кормовым „пером", сел на корму, она же с веслами поместилась на средней банке. С неожиданной для ее тонкой фигуры силой, Алёнка оттолкнулась багром от берега. Быстрое течение захватило нас и понесло вниз. Но я поставил лодку носом против струй, Алёнка взмахнула веслами, и мы пошли вверх. Высокий горный берег медленно отодвинулся, луговой затерялся вдали, и казалось мы выплывали в безбрежное море.

Я оглянулся на Вислый Камень. Этакая высота! Не верилось, что я сам только-что спустился по этой отвесной стене. Мухе только впору такое путешествие. И у меня вырвалось невольное и удивленное восклицание:

— И как только мы голов не свернули?

— Тише! — прошептала Алёнка. А когда я непонимающе посмотрел на нее, она молча мотнула головой влево, на середину реки. Я поглядел туда, и в лунном обманчивом мареве разглядел неясные огоньки: белый, зеленый, красный.

— Что это? — спросил я.

— Нас ищут, — попрежнему шопотом ответила она.

Разноцветные огоньки приближались и вскоре я разглядел небольшой буксирный пароход, тихо шедший параллельно берегу, навстречу нам. Темная человеческая фигура перевесилась через борт и шарила по волнам электрическим фонарем, как будто недостаточно было яркого лунного света.

— К берегу, — зашептала нервно Алёнка, — в тень держите.

Я налег на кормовое весло, и душегубка ушла под самый берег. Теперь она была абсолютно невидимой с реки. Мы беззвучно крались в тени береговых гор. Алёнка, тоненькая, но мускулистая, делала широкие взмахи, как настоящий моряк. Я любовался ею и думал: „Настоящая волгарка, на воде родилась!"

Буксир потонул где-то в лунной дали. Впереди забелели пески, на них остов парохода, а дальше темная неясная полоса, — повидимому лес. Я взял круто к берегу. Лодка начала тереться днищем, а затем врезалась в песчаную отмель. Мы выскочили, и на руках втянули душегубку на берег. Затем бегом пронеслись чер з открытую отмель, врезались в кусты низкорослого, но густого тальника, и выбрались к пароходу.

Это был старинный — „пассажир", с одним огромным колесом на корме и двумя стоявшими поперек палубы тонкими трубами. При луне я разобрал полустертую надпись, тянувшуюся по всему борту, — „Князь Косожский".

Мы взобрались на палубу. Алёнка устало опустилась на чугунный кнехт, я встал в тени уцелевших палубных надстроек. Мы долго, томительно долго молчали и смотрели туда, где в лунном свете высилась черная, мрачная громада Вислого Камня. — „Что там? Ведь в этих ущельях отстаивает свою, да и нашу жизнь, дорогой для обоих нас человек. Жив ли он?"

Я заметил, что Алёнка дрожит мелкойознобливой дрожью. А ночь была жаркая, душная.

— Вы боитесь, Алёнушка? — участливо спросил я

На вале, саженях в ста от нас стоял Коловрат.

Борьба Миров

Она молча отрицательно кивнула головой.

— За него, за Василия боитесь?—снова тихо спросил я.

Опять молчаливый кивок, но уже утвердительный. Я погладил вздрагивающую голову девушки:

— Ничего, родная! Все хорошо будет. Ничего!

— Вот так же этой весной, — неожиданно заговорила она, — водка ему понадобилась, а в „Разувае“ не нашлось. Так он на ту сторону попер, в Горелово, к шинкарке. А на реке-то „сдвижка“ началась. Посинела уже Волга-то, вздулась. И только он отошел — тронулась! Боже ты мой! Я на берегу об землю бьюсь, а он хоть бы што, со льдины на льдинку, как заяц, прыгает, да палочкой подпирается. Бешеный он какой-то! Если бы не...

Со стороны Вислого прилетел выстрел. Алёнка смолкла на полслове, и как-то странно сжалась, точно приготовилась прыгнуть, бежать на помощь любимому человеку. За первым выстрелом хлестнул второй, третий, затем рассыпался нестройный залп, а с реки ему ответил продолжительный хриплый вой буксира.

Теперь уже сомнений быть не могло. Конец! Пойман или убит!

АЛЕНКА, как подкошенная, упала на трухлявые доски палубы. Несказанная жалость к ней и презренье к самому себе затопили мое сердце.

— Алёнушка, подожди здесь, — крикнул я, — а мне нужно... Я туда... к Василию!

Она вскочила, как освобожденная пружина, и вцепилась в мою полу:

— Не пущу! Ни за что не пущу! Нельзя!

— Пусти! — свирепея крикнул я и рванул с силой полу. Девушка, потеряв равновесие, упала, но тотчас же обеими руками крепко обвила мои ноги.

— Не пущу! Не пущу!..

— Алёна, лучше пусти! — крикнул я, теряя всякое самообладание. — Неужели ты думаешь, что ежели Василий приказал... то я, как мерзавец...

— Не то, не то! — истерически выкрикнула она. — Я боюсь! Не уходи! Боюсь!..

Я оцепенел. Если это была уловка с ее стороны, и уловка конечно нечестная, то

как же я все-таки узнаю истину? Бежать к Василию, помочь ему, умереть вместе с ним, — а как же будет с Алёнкой? А если она теряет рассудок от темного ужаса и тоски? Имею ли я право бросить ее? А имею я право бросить в опасности Василия? Что же делать?

Это был ужасный непередаваемый миг.

— Алёнка, прошу тебя, — крикнул я и сам не узнал своего голоса, — прошу... всем святым, дорогим для тебя... Пусти! Я должен итти!

— Не пущу, — прошептала девушка, — я боюсь, боюсь. Миленький... не уходи...

Я стиснул ладонями виски до боли в черепе. Река, кусты, небо, луна кружились вокруг меня в плавном, замедляющемся хороводе. И вдруг...

Вдруг совсем рядом, в нескольких саженях, я услышал голос Коловрата:

— Сорок медведей поддел на рогатину...

Я сначала подумал, что это обман слуха. Но когда увидел, что Алёнка уже бежит к лодке, скатился с парохода, в бешеном беге пролетел кусты и поспел-таки, — одновременно с девушкой прыгнул в душегубку.

Коловрат стоял на маленьком мысочке и встретил нас песней:

— Сорок медведей поддел на рогатину,

— А на сорок первом тоже не сплошал! — добавил он уже от себя и расхохотался.

Я прыгнул прямо в воду и побежал к Василию.

— Ну? Как? — вцепился я ему в плечи. — Говори же!

— Все так же! — блестел он в улыбке зубами. — Обдул их, выходит-вылазит. В Пустынный овраг завел, они себе там носы-то и порасквасили. Слышал, они сейчас паляли, это пароход вызывали. Уехали обратно в город. На вот тебе обратно твой пистолет. И на кой ляд ты мне его всучил?

Но я не видел протягиваемого мне браунинга. В глазах Коловрата горело дикое торжество зверя, умчавшегося от погони, глубоко вырезанные ноздри его радостно раздувались. Он был весь борьба, отвага, и... победа!

А сзади нас судорожно вздыхала после недавних слез Алёнушка.

Я вдруг рывком повернулся и, положив ей на плечо руку, строго спросил:

— Алёнушка, скажи, только правду говори! Там, на пароходе, почему ты меня не пустила? Правда боялась или...

— Я нарочно это, — прозвенел девичий голос. — Ведь Василий не велел вас пускать, ну вот... Надо же было как-нибудь.

Я опустился на траву, мотая головой, как бык, получивший удар от той стены, которую он сам думал разнести вдребезги...

9. Арбузная корка.

ТЕПЕРЬ мне остается рассказать немногое, я подхожу к концу. Но это и будет для меня самое трудное. Прошло десять лет и все же мне тяжело ворошить прошлое, поднимать со дна памяти именно то, что сам я старался схоронить особенно тщательно.

... Чехи доживали последние дни. Об этом говорило все: и безнадежная растерянность, царившая в „чистых“ кварталах, и усилившиеся дикие кутежи в „Олене“, и нервный тон воззваний учредилки, и даже окопы, в два ряда опоясавшие город и нагло блестевшие свежим песком. Но особенно четко и ясно, языком пушек, говорили о крахе чешской авантюры советские суда, — „Саратовский Ледокол“ и нижегородский теплоход „Волгарь-Доброволец“, превратившиеся теперь в речных „броненосцев“. Канонада их орудий ясно была слышна в городе. Приближаясь—один сверху, другой снизу — они зажимали город в тиски.

Мы, Коловрат и я, проводили эти тревожные дни на пристанях, снова работая в артели. Чехам было не до нас. Да если бы и грозила нам открытая опасность — мы все таки остались бы на пристани. Здесь был наш боевой пост, здесь мы были нужны. Ведь белые готовились к уводу волжского флота в Каму.

По приказанию военного начальства на пристанях дежурили теперь ночами грузчицкие артели, спешно вызывавшиеся по мере надобности на погрузку или выгрузку. Делалось это для того, чтобы не задерживать излишне суда под „паузками“.

В ЭТУ ночь дежурной была наша артель. Несмотря на конец сентября, ночи были теплые, удушливые, влажно-горячие. Поэтому артель расположилась прямо на берегу Волги, на мягком песке. „Бражка" спала, похрапывая с усердием и смаком. Один я не спал, выполняя роль своеобразного дневального. На мне лежала обязанность разбудить артель по первому приказу с дебаркадера.

Помню, я сидел, прислонившись к толстому причальному столбу и глядел на Волгу. Она была тиха и черна. Лишь вдали, на темных громадах барок, мигали одинокие огни.

Где-то за поворотом, еще невидимый, завздыхал пароход. Вскоре раскатился по реке басовитый густой гудок, и из-за мыса показался „пассажир", скользящий по воде, как гигантский многогранный светящийся фонарь. На зыби заплясали отблески его огней.

Я видел, как осветился пассажирский дебаркадер, а вскоре прибежал и посыльный с приказом будить артель.

Артель, почесываясь и поругиваясь под нос, поплелась на пристань. Там уже началась „толока", короткая, но жаркая страда, всегда предшествующая причалу парохода. А пароход, — это был „Двенадцатый Год", — выбросив стальные швартовы, уже подтягивался к дебаркадеру. Толпа, и на пароходе и на пристани, с интересом следила за этой манипуляцией. На Волге считается особенным шиком пристать так, чтобы пароход скользнул по борту дебаркадера совершенно бесшумно. Я видел, как на капитанском мостике метался молоденький третий помощник и надрывался то в рупор то в машинный рог:

— Трави носовую!.. Назад тихий!.. Кормовую заверни!..

Но юному „речному волку" не повезло. „Двенадцатый Год" притерся с треском и визгливым скрежетом. Раздосадованный неудачей, боцман остервенело рявкнул со среднего пролета:

— На месте!

Теперь, пока пароход пьет нефть, мы должны были разгрузить его трюм. Пристанский агент предупредил нас особенно строго:

— Поворачивайся, ребята, чтоб одна нога здесь, другая там! Лётом! Какой-то французский генерал едет. На верх спешат! Не задержите!

— Растудыт твое генеральё! — выругался Коловрат. — Нашел чем пугать!

Но все же, лишь грохнулись сходни, мы бросились на пароход, словно пираты на абордаж богатого „купца". Отдохнувшая артель работала особенно весело, перекидываясь на ходу хлесткими шуточками. Я любил эти моменты дружной, а главное веселой работы, этакую смесь напряженного труда с добродушным озорством.

КАК ни нажимала наша артель, все же даже к рассвету мы не управились. „Двенадцатый Год" давно уже гудками просил отвала, а мы еще все возились в его трюме. У нас заело с громадным ящиком, набитым кажется аэропланными частями. Как мы с ним не копошились, все же — „ни вару ни товару". Поднимали мы его втроем, — в люк не пролезть, мешаем друг-другу. Обругали и друг-друга, и ящик, и французского генерала, и все на свете, а толку никакого. Первый раз такой конфуз случился. А тут, как на зло, боцман просунул в люк голову и заорал:

— Долго вы валяшки устраивать будете? Из-за вас даром нефть жгем!

— Заткнись, водохлеб! — огрызнулся Коловрат. И вдруг обратился к нам: — А ну, братва, вали-ка мне ящик на спину!

— Да что ты, Вася, — испугался я, — в нем ведь двадцать два пуда!

— Ты еще покудахтай, — разозлился Коловрат. — А хошь и тебя на добавок посажу? Вали, говорят вам!

Что Коловрат упрям и напорист, мы все уже знали. Поэтому втроем молча подняли ящик и опустили его ему на „подушку". Он крякнул, согнулся и пошел.

Лестницу из трюма на нижнюю палубу, т.-е. самую трудную часть пути, он преодолел почти легко. Лишь чуть дрожали колена, да ставил ноги на ступеньки он с какой-то особенной расчетливой осторожностью. Теперь ему оставалось через средний пролет выйти на сходни, а там уже и конец, — дебаркадер. Я шел сзади Коловрата и удивлялся: какую же нечеловеческую силу надо иметь, чтобы и под

таким грузом сохранить мягкую кошачью походку.

Коловрат осторожно спустился на сходни. Я не отставал от него ни на шаг. Перед глазами моими тихо колыхалось клеймо на ящике. Оно колышется и сейчас, вот, стоит лишь мне закрыть глаза:

Шютте-Ланц.

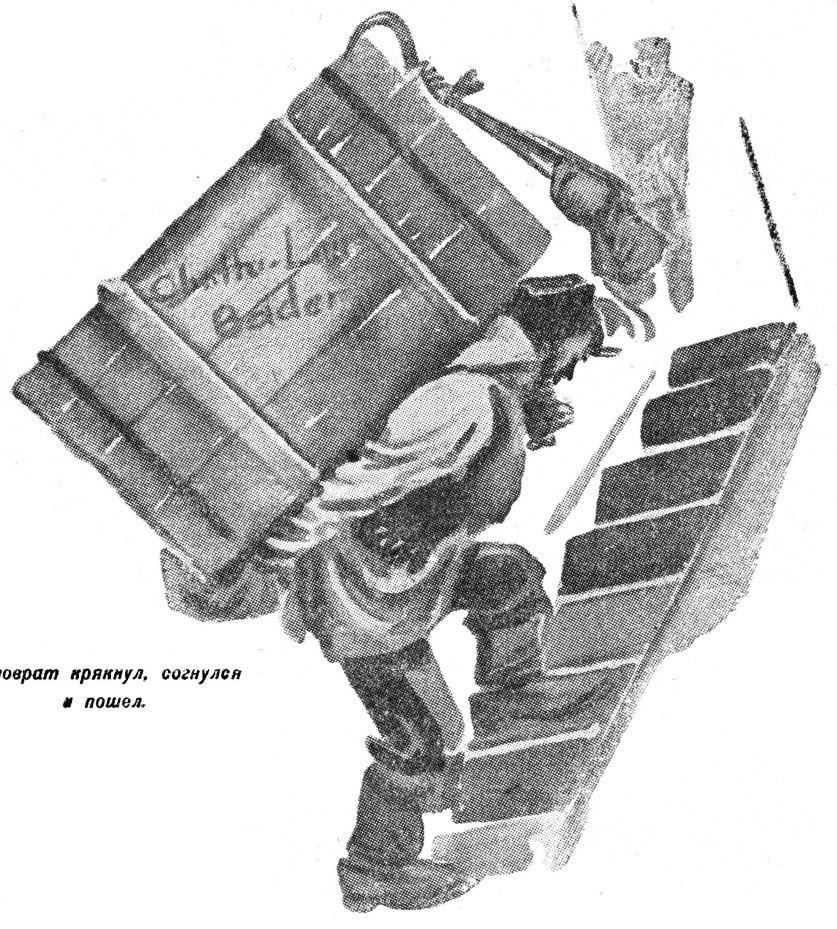
Баден.

Коловрат был на середине сходней. Сейчас конец. И вдруг, я ясно увидел человека, пробежавшего по дебаркадеру мимо сходней и тотчас же скрывшегося в толпе. И в следующую же секунду Василий покачнулся. Правая его нога почему-то поехала в сторону, тщетно стараясь удержаться на месте. Мы бросились к нему, надеясь поддержать ящик, но не успели. У Коловрата сначала выгнулись колени, а потом он и сам грохнулся на дебаркадер. Ящик придавил его сверху.

Толпа бросилась к Коловрату и загородила мне путь. Бешено расталкивая ее, я вдруг услышал фразу, которая остановила меня на месте.

— Что? Что ты сказал? — сгреб я за грудь одного из крючников нашей артели.

— Да говорят же тебе, Костоеда! — крикнул он. — Костоеда подбросил на сходни арбузную корку, ну Васька-то и поскользнулся. Сам видел!..



Коловрат крякнул, согнулся и пошел.

КОГДА я добрался до Василия, ящик с него уже сняли. Но Коловрат не встал. Он лежал попрежнему ничком, недвижимый, только пальцы его левой руки дрожали мелко-мелко. Мы подняли

его и перенесли на ворох рогож. Кто-то побежал за пристанским доктором, так как „Двенадцатый Год", воспользовавшись суматохой, отвалил: нехорошо расстраивать каютных пассажиров видом умирающего человека.

Я жадно, чувствуя, что это в последний раз, смотрел на Василия. Он был без сознания. Разбитое при падении лицо его было совершенно спокойно, лишь нос уже заострился. Лежал он попрежнему неподвижно, в позе отдыхающего, и лишь пальцы дрожали, жутко беспрерывно дрожали, как будто угасавшая уже жизнь уцепилась именно за эти пальцы, не желая покидать такое мощное и красивое тело.

Пришел не доктор, а фельдшер, посмотрел пытливо и безнадежно махнул рукой:

— Старая история! Позвоночник сломан, да и грудная клетка вдребезги.

— Не получшает? — спросил кто-то робко.

— Видишь, кончается! — сурово сказал фельдшер.

Все, словно по команде, сняли шапки. Фельдшер махнул еще раз рукой и ушел. А на его месте, словно из земли, вырос... Костоеда.

Посмотрел внимательно на Василия, обвел взглядом крючников и вдруг, подмигнув, сказал всем и никому:

— Дело небогато, да сделано рогато!

Тут произошло то, чего я стыжусь до сих пор. Я бросился смаху на Костоеду, повалил его и начал... Ты думаешь, наверное, — бить? Нет! Бьет, по-моему, все-таки человек, осмысленное существо. А я, как зверь, кусал, царапал ногтями эту гадину, раздирал пальцами его щеки, пытался выдавить ему глаза. Поистине, — „зверь вышел из оков" и темные звериные инстинкты захлестнули меня на этот миг. А Костоеда даже не защищался. Дикий панический ужас охватил его. И вдруг он закричал, заверещал, как заяц в зубах собаки, тоненько, прерывисто и жалобно.

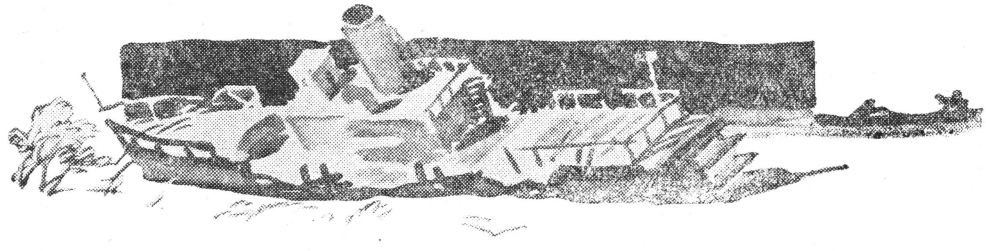
Этот крик снова вернул меня к человеку. Я вскочил, пнул его еще раз ногой в ребра и побежал к дверям. Но у порога на миг задержался. Многоголосый крик, вопль, рев, хрипы сотен глоток остановили меня. Я оглянулся. Крючники сжимали кольцо вокруг кого-то (я знал, вокруг кого), лежавшего на земле. И вдруг крики смолкли. Толпа глухо ахнула и навалилась. Живое кольцо тел сомкнулось...

Я рванул поспешно дверь и выбежал на улицу. Свежий утренний воздух окончательно отрезвил меня. Но не израсходованная до конца ярость, тоска по ушедшем друге, сжали мое сердце. Я чувствовал, что не смогу видеть человеческое лицо, кто бы этот человек ни был, не смогу слышать ничей голос. И я сначала бегом, а потом, немного успокоившись, перейдя на шаг, начал подниматься на „Старцеву гору".

На полдороге я увидел женщину, бежавшую по мостовой, мне навстречу. Она, как лунатик, вытянула перед собой руки и колесила из стороны в сторону, словно пьяная. Я узнал Алёнку. Кто-то уже сообщил ей.

Только один миг размышлял я, а затем, вдавившись в стену дома, пропустил ее мимо себя, не окликнув. Чем я мог помочь ее горю?

Когда я добрался до вершины „Старцевой горы", по Волге раскатились пушечные выстрелы. Они гремели где-то очень близко. Наши пароходы дрались уже на соседних плёсах.



Великий Вопрос

Джек Лондон

Иллюстрации худ. И. Колеснинова.

I.

ПОЯВЛЕНИЕ миссис Сейтер в Даусоне было неожиданно, как метеор. Она приехала весной в санях, запряженных собаками, в сопровождении французских канадцев. Она оставалась в Даусоне всего один месяц, блистая, как луч солнца, и лишь только река освободилась ото льда, спустилась по ней вниз по течению. Бедный женщинами Даусон плохо уяснял себе этот неожиданный отъезд, и 400 человек, составляющих население города, чувствовали себя оскорбленными этой поспешностью. Продолжалось это до тех пор, пока в Номе не нашли нового месторождения золота, и это событие не вытеснило своей значительностью воспоминания о миссис Сейтер.

Все жители Даусона были в восхищении от миссис Сейтер и принимали ее с неподдельным радушием. Она была действительно очаровательна и привлекала к себе решительно всех. К тому же миссис Сейтер была вдовой, и ее тотчас же окружили местные богачи, купцы и жаждущие приключений молодые люди, соскучившиеся в глуши по мягкому шелесту женского платья.

Память ее покойного мужа — полковника Сейтера—чтили горные инженеры, работающие в Даусоне, купцы с большим уважением отзывались о его умении работать. Полковника Сейтера хорошо знали в Штатах, как владельца крупных рудников, а в Лондоне имя его было очень популярно.

Что могло заставить его вдову приехать сюда, в эту глушь?

Жители сурового севера были людьми практичными и органически ненавидели предположительные теории, предпочитая иметь дело с действительностью. Некоторым из них Карэн Сейтер представлялась этой желанной действительностью. Однако, по поспешным отказам на сделанные ей предложения можно было судить о том, что сама она придерживается особого мнения в вопросе о замужестве.

С ее отъездом рассеялась действительность и осталась только неразгаданной тайна ее приезда.

ОДНАКО случай помог, некоторым образом, разрешить трудную задачу.

Последняя жертва обаяния Карэн Сейтер — Джек Куграм, тщетно предлагавший ей свое сердце и богатый золотом участок, решил отметить свою неудачу грандиозной попойкой, длившейся целую ночь. В полночь он неожиданно столкнулся с Пьером Фонтеном — начальником небольшого от-

ряда канадцев, сопровождавших Карэн Сейтер. Встреча эта явилась поводом к продолжению пьянства. К середине ночи оба были достаточно одурманены выпитым ими вином.

— Гм, — неразборчиво бормотал Пьер Фонтен. — Для что, мадам Сейтер приезжать в эта страна? Лучше ты сам говорить с ней! Мой не знайт ничего. Совсем ничего. Она все время спрашивайт об один мужчина. — „Пьер", — скажийт она — „Пьер, вы найдет этот человек, и я вам дайть много золот. Тысяча долларов за этот человек. Имя его — Давид Пэн!" — Да, мосье. — „Давид Пэн" — мадам повторяйт это имя. Мой хорошо искайт, как дьявол работайт, но не может нашел этот проклятый мужчин и получайт тысяча долларов. Проклятье! — Один раз из Серкел-Сити приходил люди. Люди знайт этот мужчин. Они сказаль — он живет Ривер-Крик. И мадам, мадам, она смотрит счастливо и весело говорил со мной. — „Пьер", — она говорил, — „запрягайт собак в санка, мы быстро бежать. Мы найдет этот мужчина. Я вам давал еще 1.000 доллар". И я отвечайт. — „Oh oui, allons vite, мадам". О, теперь я думал наверно получайт тысяча долларов. Потом, несколько человека пришло из Серкел-Сити и говорит: — „Нет, там мужчина этот нет. Давид Пэн скоро приехать в Даусон". — Нет, надо ехал Серкел-Сити!

— Да, мосье, сегодня мадам сказал: „Пьер", — и давал мне 500 долларов. — „Иди купил баркас! Завтра мы ехал вниз по река". А? Завтра вниз по река, а проклятий Ситка Чарли заставлял мне платить за баркас 500 долларов! Проклятье!

Когда на следующий день Джек Куграм рассказывал о слышанном, он вызвал волнение во всем Даусоне. Все были заняты мыслью о том, кто мог быть Давид Пэн, и какая существует связь между ним и Карэн Сейтер. Сразу не удалось выяснить ничего. Миссис Сейтер в сопровождении канадцев отправилась в Клондайк-Сити, ловко избегая встречающиеся на пути рифы, обогнула западный берег и скрылась в массе островов, расположенных южнее Даусона.

Борьба Миров

II.

ДА, мадам, вот этот место! Три остров от Стэвен-Ривер.

Пьер Фонтен вонзил багор в мягкий берег и повернул баркас против течения. Проворный метис легко соскочил на берег и крепко привязал канатом судно.

— Мадам, немного ждать, я пойти смотреть.

Он скрылся за высоким берегом. Через минуту раздался громкий лай собак, и Пьер вернулся обратно.

— Да, мадам, здесь хижин. Я искайть, но мужчин нет дома! Он уйшел близко, скоро пришел. Собак дома! Он скоро пришел.

— Помогите мне выбраться, Пьер. У меня все тело ноет. Вы могли бы устроить меня поудобнее.

Из пушистых шкур, занимающих всю середину лодки, как из теплого уютного гнезда, появилась Керэн Сейтер, стройная и красивая. В этой первобытной обстановке, она казалась нежной, тонкой лилией. Когда она с трудом взбиралась по крутому откосу, опираясь на руку Пьера, в ее движениях чувствовалась уверенность и сила, противоречащие нежности ее внешнего облика. Несмотря на мягкие, чудесные формы, Карэн Сейтер была женщиной сильной.

Она приблизилась к хижине, охваченная смутным чувством страха, щеки ее покрылись нежным румянцем. На ее лице появилось выражение теплоты, и сердце забилось быстрее, чем обыкновенно.

— Мадам смотреть, смотреть! — Пьер указал на стружки, в беспорядке разбросанные около кучи дров. — Это свежий, два-три дня, больше нет!

Миссис Сейтер вместо ответа кивнула головой. Она старалась заглянуть в окошко, но оно было затянуто промасленным пергаментом, который пропускал свет в жилище, но не давал возможности видеть то, что про-

исходит внутри. После тщетных попыток увидеть что-нибудь, она подошла к двери, хотела было нажать грубо выструганную ручку, но, точно вспомниво чем-то, переменила свое решение. Неожиданно, она порывистым движением опустилась на колени и приникла губами к порогу двери.

Заметил Пьер Фонтен ее порыв или нет, он никогда никому не рассказывал. Но голос Пьера прозвучал необычно резко, когда он окликнул одного из лодочников, мирно закуривавшего свою трубку.

— Эй, ты там, Леглуар, ты делать мягко, гораздо мягше. Много медвежьих шкура, много одеял! Чорт возьми!

ОЧЕНЬ скоро, однако, уютное гнездышко было разрыто, а шкуры и одеяла выброшены на высокий берег, где устроилась миссис Сейтер. Она лежала на-боку и смотрела на широкий простор Юкона. Вдали, за горами, по ту сторону реки, все небо было черно от дыма невидимых лесных пожаров, и полуденное солнце, едва пробиваясь сквозь эту завесу, бросало на землю неясные призрачные тени. До линии далекого горизонта во все стороны простиралась девственная пустыня, острова, поросшие соснами, темные воды и обледенелые цепи холмов. Всюду царила ничем ненарушаемая тишина, ничто не указывало на присутствие человека.

Возможно, что именно эта тишина раздражала миссис Сейтер. Она беспрерывно меняла положение, пристально вглядываясь в обе стороны реки. Прошел час. Команда баркаса отправилась на берег, чтобы разбить палатки. Пьер остался с миссис Сейтер и все время, не отрываясь смотрел вверх по реке.

— Вот он ехал теперь, — прошептал он после долгого молчания.

По реке плыл челн. По обеим сторонам его поблескивали короткие весла. Посреди челна сидел мужчина, на носу вырисовывался силуэт женщины. Они оба гребли размеренными, ритмическими движениями. Миссис Сейтер не замечала женщины, пока челн не приблизился. Потом внезапно ей бросилась в глаза ее своеобразная, полная экзотики красота.

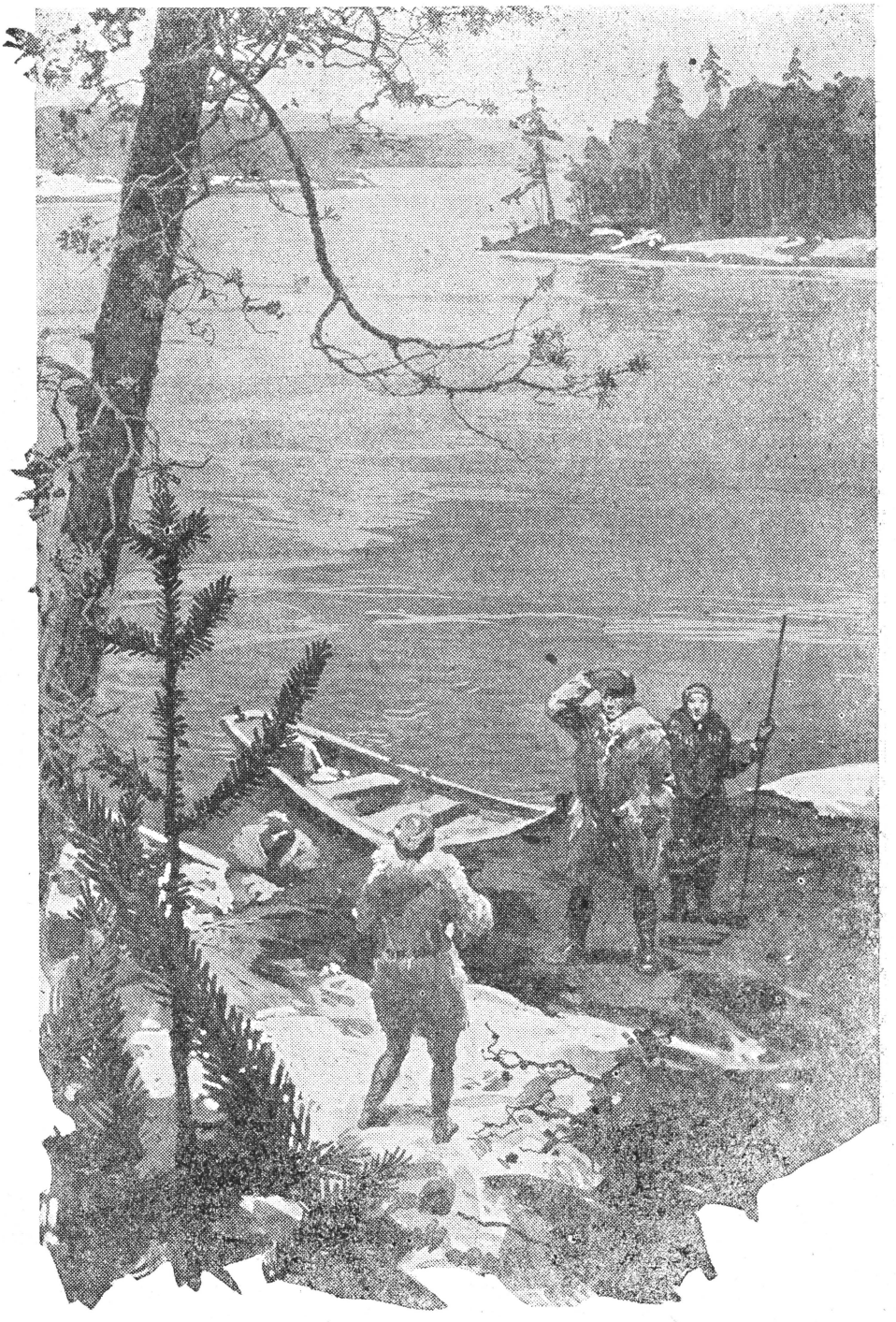
На женщине была плотно облегающая тело куртка из оленьей шкуры, причудливо расшитая жемчугом, на великолепные черные с синим отливом волосы был наброшен пестрый шелковый платок. Однако, внимание миссис Сейтер было привлечено не нарядом женщины. Ее жадный взгляд вонзился в лицо незнакомки, неподвижное, точно отлитое из бронзы. Под остро очерченными, слегка изогнутыми бровями блестели большие черные, слегка раскосые острые глаза. Несмотря на характерно выдающиеся скулы, щеки мягко закруглялись, переходя в правильную линию рта с тонкими губами. Было что-то гордое и дикое во внешности этой женщины с орлиным носом и узкими вздрагивающими ноздрями.

Не отставая от мужчины, женщина гребла размашистыми сильными ударами. Внезапно она повернула челнок против течения и смело направила его к берегу. Через мгновение она уже стояла на откосе и, при помощи последовавшего за ней мужчины, тянула челн наверх. Собаки окружили их, громко заливаясь раскатистым лаем. В то время, когда женщина наклонилась, чтобы погладить их, мужчина увидел поднявшуюся ему навстречу Карэн Сейтер,

Непонимающими глазами, он рассеянно смотрел на нее, затем провел рукой по глазам, точно не доверяя тому, что видел.

— Карэн, — просто проговорил он и подошел к ней с протянутой рукой. — Мне на минуту показалось, что это сон. Последней весной глаза мои болели от снега. Я почти ослеп и с этих пор уже не доверяю им.

Щеки миссис Сейтер покрылись ярким румянцем. Она приготовилась ко всему, но никак не ждала этой спокойно протянутой к ней руки. Огромным усилием воли она овладела собой и крепко пожала его руку.



...мужчина увидел поднимающуюся ему навстречу Карэн Сейтер.

— Вы знаете, Давид, я часто угрожала вам своим приездом и давно сделала бы это, если бы только...

— Если бы только я позвал вас.— Давив Пэн улыбнулся и посмотрел вслед скрывшейся в хижине индианке.

— Я прекрасно понимаю вас, Давид, и поступила бы вероятно так же на вашем месте, но теперь я здесь...

— Ну, в таком случае входите в хижину, и я предложу вам чего-нибудь поесть, — весело сказал он, будто не замечая или не желая заметить мольбы, послышавшейся в ее голосе. — Вы должно быть устали. Куда направляетесь? Вверх по реке? Значит вы зимовали в Даусоне? — Он взглянул на канадцев и распахнул перед ней дверь. — Прошлой зимой я пришел сюда по льду из Серкл-Сити, — продолжал он, — и обосновался здесь на некоторое время. Я исследую местность близ Гендерсон-Крик, и если моя работа не увенчается успехом, то думаю осенью попытать счастья в Стэварде.

— Вы ведь не очень переменились? — спросила она, пытаясь сделать разговор более интимным.

— Пожалуй сбавил жира и нагулял мускулы. Что вы скажете?

Она пожала плечами и в полумраке, царившем в хижине, стала рассматривать индианку. Женщина развела огонь и приготовилась жарить несколько больших кусков оленины вместе с тонко нарезанными ломтями сала.

— Вы долго пробыли в Даусоне?— Он стругал топорище и задал вопрос, не поднимая головы.

— Всего лишь несколько дней, — рассеянно ответила она, не спуская взора с молодой женщины. — Что вы спросили? В Даусоне? Я там пробыла месяц и была рада когда удалось оттуда выбраться. Мужчины на севере первобытны и довольно настойчивы в проявлениях своих чувств.

— Это неудивительно, становишься таким, когда живешь в такой непосредственной близости к природе. Все условности остаются там, дома, вместе с пружинными матрацами и прочей ерундой. Вы выбрали очень удачное время для возвращения домой. Когда появятся москиты, вы будете уже далеко за пределами этой страны, а это — счастье, которое вы едва ли, по своей неопытности, можете достаточно оценить.

— Может-быть. Но расскажите мне что-нибудь о себе, о своей жизни, кто ваши соседи? У вас ведь есть сеседи?— Лихорадочно осыпая его вопросами, она все время не спускала взгляда с молодой женщины, которая толкла кофейные зерна на камне. Уверенными и ловкими движениями, свидетельствующими о здоровых нервах, она разбивала зерна тяжелым куском кварца.

Давид Пэн поймал взгляд своей гостьи, и легкая улыбка скользнула по его губам.

— У меня были соседи, — ответил он, — из Миссури и Корнвайля, но они отправились в Эльдорадо на заработки.

Карэн Сейтер смотрела задумчиво.

— Разве здесь много индейцев?

— Все уже давно перекочевали в Даусон. В этих краях нет ни одного индейца, кроме Винапи. Она родом из Кайокук, 1000 миль отсюда вниз по реке.

Карэн Сейтер внезапно почувствовала усталость, и, хотя напряженная улыбка ни на минуту не покидала ее лица, ей показалось, что она видит разговаривающего с ней мужчину где-то далеко, далеко, как в бинокле и стены хижины, сложенные из бревен, вертятся вокруг нее в пьяном танце.

Давид предложил ей сесть за стол, и когда она начала есть, то почувствовала себя лучше. Она мало говорила, только изредка задавала вопросы о стране, населяющих ее жителях и климате.

— Вы не спрашиваете меня, зачем я приехала, — проговорила она. — Вы наверно и так знаете. — Она отодвинула стул и встала из-за стола. Давид снова принялся за свое топорище.

— Вы получили мое последнее письмо?

— Последнее? Нет, не думаю. Оно вероятно валяется где-нибудь в Веру-Крике или в блокгаузе одного из торговых представителей. Здесь безобразно доставляется почта. Никакого порядка, никакой системы...

— Перестаньте болтать глупости, Давид, помогите мне. — Голос ее прозвучал властно и решительно. — Почему вы ничего не спрашиваете обо мне? О наших старых знакомых? Разве это вас больше не интересует? Знаете ли вы о том, что мой муж умер?

— В самом деле? Жаль...

— Давид! — Она готова была заплакать от обиды, но почувствавала некоторое облегчение от упрека, который послышался в ее тоне. — Получали вы мои письма? Некоторые из них должны были попасть к вам, хотя вы никогда не отвечали мне.

— Последнего, в котором вы, очевидно, сообщали мне о смерти вашего мужа, я не получил. Некоторые другие тоже затерялись. Несколько писем я получил. Я прочитал их Винапи, чтобы показать ей, какие скверные ее белые сестры, и я думаю, что это послужило ей на пользу. Как вы думаете?

Карэн Сейтер сделала вид, что не поняла острого намека, и продолжала:

— В последнем письме, которого вы не получили, я сообщала вам, как вы уже догадались, о смерти полковника Сейтера. С этого времени прошел год. Я писала вам также о том, что если вы не приедете ко мне, то я приеду к вам. И сейчас я исполнила свое обещание.

— Я не знаю ни о каком обещании.

— Из моих прежних писем.

— Да, вы обещали, но так как я никогда не просил у вас ничего и не отвечал вам на ваши письма, то данное вами обещание не было подтверждено, и я ничего не знал о нем. Но я помню другое, то, что должно быть не забыли и вы. Это было давно.—Он беспомощно опустил руки, топорище упало на пол.— Это было давно, и все же мне представляется это так ясно. Я, как сейчас, вижу перед собой этот день, час, каждую мелочь. Мы стояли в саду, заросшем розами, вы и я, в саду вашей матери. Все кругом цвело, у нас в крови переливались весенние соки. Я привлек вас к себе в первый раз и приник к вашим губам. Вы не помните этого, Карэн?

— Не вспоминайте, Давид! Я помню каждую мелочь и мне стыдно. Как часто я плакала потом! Если бы вы только знали, что я пережила...

— Тогда вы дали мне обещание и тысячу раз подтверждали его потом в незабываемые дни, последовавшие за этим. Каждый ваш взгляд, каждое нежное прикосновение вашей руки, каждое слово, срывающееся с ваших уст — было обещанием. А потом... Как это объяснить? Появился человек, старый, достаточно старый, чтобы быть вашим отцом. Он не был красив, но был тем, что принято называть „порядочным человеком". Он не сделал ничего дурного. Он жил по закону, и все его уважали. К тому же, и это, пожалуй, самое главное, он был владельцем многих земель и рудников, коммерческим человеком и спокойно резал купоны.

— Но было еще много других причин, заставивших меня пойти на это! Я ведь вам рассказывала. Принуждение, материальные условия, нехватки в семье — вы, ведь, знали в каком я бедственном положении. В этом же я не виновата! Это была не моя воля... Меня принесли в жертву, или, может быть, вернее, я пожертвовала собой—называйте это, как хотите. Но, господи, Давид, иначе я не могла! Вы всегда были несправедливы ко мне. Подумайте только о том, что мне пришлось перенести.

— Не ваша воля! Принуждение! На всем свете нет ничего такого, что могло бы заставить вас броситься в объятия того или иного мужчины.

— Но ведь я любила вас все время— с мольбой проговорила она.

— Ваша любовь непонятна мне.

— Но теперь, теперь...

— Мы только-что говорили о человеке, за которого вы считали нужным выйти замуж. Что он собой представлял? Чем он завоевал вашу душу? Какими великими добродетелями обладал он? Правда все, к чему он при-

касался—превращалось немедленно в золото. Он умело играл на бирже. Он хорошо разбирался в делах. Он располагал некоторой долей ума, которая помогала ему заполучать в свой карман деньги других людей. Закон с улыбкой смотрел на его поступки, христианское учение не осуждало его, и он встречал всеобщее одобрение. С точки зрения общества он был неплохим человеком, но с точки зрения вашей, Карэн, и моей, с нашей точки зрения — что он представлял собой?

— Не забывайте, что он умер!

— Это ничего не меняет. Что он представлял собой? Большое, грубое существо, глухое к музыке, слепое к красоте, бесчувственное к внутренним переживаниям. От жизни в довольстве он разжирел, щеки его свисали и огромное брюхо указывало на то, что он ест сверх меры.

— Но он уже давно умер! А мы живы, живы сейчас, вы слышите? Вы говорите, что я изменила вам. Я согрешила. Прекрасно! Но разве вы не согрешили? Пусть я не сдержала своих обещаний, но и вы нарушили свои. Любовь, которую вы предлагали мне в саду роз была вечной,—так, во всяком случае, говорили вы. Где она теперь, эта любовь?

— Здесь! — воскликнул он и ударил себя кулаком в грудь. — Здесь она была всегда!

— И любовь ваша была велика, равной ей не было на свете,—продолжала Карэн.—Так говорили вы, в прекрасном саду роз. Но сейчас, повидимому, она недостаточно великодушна, чтобы простить меня в минуту, когда я плачу от отчаяния.

Давид колебался. Губы его шевелились, но он не проронил ни одного звука. Она заставила его обнажить самые сокровенные уголки своей души и открыть истину, которую он скрывал даже перед самим собой. Она была прекрасна, когда, светясь от огромного чувства любви, охватившего ее, стояла перед ним и воскрешала прошлое. Жизь снова загоралась в нем. Он отвернул голову, чтобы не видеть ее, но она старалась заглянуть ему в глаза.

— Посмотрите на меня, Давид, посмотрите на меня! Я все та же, прежняя, и вы тоже прежний, если вы только захотите увидеть мой настоящий образ. Мы оба нисколько не изменились. — Она положила ему руку на плечо, он хотел уже прижать ее к себе сильным объятием, но в эту минуту его слуха коснулся звук зажигаемой спички. Винапи, не обращавшая внимания на то, что происходило рядом с ней, приготовилась разжечь плохо разгоравшийся фитиль масляной лампы. На темном фоне при свете мерцающего пламени ее бронзовая красота сияла чистым золотом.

— Вы сами видите, что это невозможно, — пробормотал он, отстраняя рукой белокурую женщину. — Это совершенно невозможно!—угрюмо повторил он.

— Давид, я не молодая девушка с наивными взглядами на вещи,—кротко проговорила она, не решаясь, однако, приблизиться к нему. — Я взрослая, зрелая женщина и прекрасно понимаю все. Мужчина всегда остается мужчиной. Этот обычай очень распространен в этой стране. Мне это не помешает. Я сразу поняла. Но ведь это только один из тех браков, какие заключаются здесь, в этой стране, не настоящий брак, не правда ли?

— Об этом у нас в Аляске не спрашивают, — нерешительно возразил он.

— Я знаю, но...

— Ну да, конечно, это один из тех браков, какие заключаются в этой стране.

— Ребенка нет?

— Нет, но все равно это невозможно!

— Нет, это не невозможно! — Она снова стояла рядом с ним, и пальцы ее ласково касались его загорелой руки. — Мне хорошо знакомы обычаи этой страны. Мужчины не могут жить здесь одни, отрезанные от всего мира. Они временно женятся, а потом поручают Компании выдать женщине на год провианта и некоторую сумму денег. Она этим довольствуется. Потом

появляется другой мужчина...—Карэн Сейтер пожала плечами.—Точно так же будет и с этой девушкой. Мы поручим Компании снабдить ее провиантом не на год, а на всю жизнь. Что она представляла собой, когда вы встретились с нею? Первобытная женщина, питающаяся мясом, — летом рыбой, а зимой олениной. Когда достаточно еды, — она счастлива, когда еды не хватает—голод! Если бы не было вас, она и дальше продолжала бы так жить. Если вы оставите ее, жизнь ее потечет сравнительно благополучно, во всяком случае гораздо благополучнее, чем если бы она не встретилась с вами.

— Нет, нет!—перебил он ее. — Это несправедливо?

— Вы должны понять, Давид. Она человек не вашего круга. Она—полудикое существо, выросшее на земле, которое не может подняться далеко от земли. Она рождена среди дикарей и останется дикаркой до самой своей смерти. Мы же, вы и я, более развиты и созданы друг для друга. Идемте, Давид, идемте. Мы еще молоды, а жизнь прекрасна. Идем!

Взгляд его в это время упал на Винапи, которая выходила из хижины, чтобы накормить собак. Он покачал головой, и тихо прошептал сказанные им раньше слова. Карэн обняла его и крепко прижалась щекой к его щеке.

Вся его тяжелая жизнь с мучительной ясностью встала перед ним. Тщетная борьба с жестокими силами природы, ужасные годы голода и холода, жизненные лишения и томительная пустота, которую нельзя заполнить животным существованием. Здесь сейчас, рядом с ним — страшное искушение. Голос, шепчущий о более светлых и теплых странах, о музыке, свете и радости, воскрешающий воспоминания о давно прошедших днях. Помимо его воли эти мысли мелькали у него в голове. Образы, воспоминания о забытом, о весело проведенных часах в песнях и звенящем смехе, толпились вокруг него.

Борьба Миров

— Идемте, Давид, идемте! Моих денег хватит для нас обоих. Перед нами свободная, светлая дорога. — Она окинула взглядом голую, бедно обставленную хижину. — Весь свет принадлежит нам, все радости, которые сулит жизнь, — наши! Идемте, идемте! — Она дрожала, прижимаясь к нему.

Давид встал... Громкий лай собак и резкое покрикивание Винапи, пытавшейся водворить среди них мир и порядок, долетали в хижину, заглушенные толстыми бревенчатыми стенами.

Взбешенный медведь склонялся над ним...

Внезапно перед ним промелькнула другая картина. Лес. Страшная борьба. Медведь с перебитыми ногами, жуткий вой собак и пронизывающие крики Винапи, приказывающей им нападать. Он увидел себя, окруженного диким шумом, стонущим, задыхающимся, пытающимся

отвратить неизбежную смерть. Собаки с переломанными позвоночниками, вырванными внутренностями, воющие в бессильной муке. Осквернённая девственность снежной белизны, окрашенная в красный цвет кровью человека и животных. Взбешенный медведь неотвратимо склонялся над ним, пытаясь когтями и зубами вырвать из него жизнь. И... Винапи, ринувшаяся в страшный хаос, с развевающимися волосами, сверкающими глазами, олицетворение безумия, с поднятым наготове длинным охотничьим ножом.

Пот крупными каплями выступил на лбу Давида. Одним движением он освободился от обнимающей его женщины и отпрянул к стене. Она почувствовала, что роковая минута наступила, но не могла точно угадать, что в нем происходит. Она видела, что все, чего ей удалось добиться, медленно, но верно, ускользает от нее.

— Давид, Давид! — вскричала она.— Я не покину вас. Если вы не пойдете за мной, мы останемся здесь вместе. Весь мир для меня — ничто по сравнению с вами. Я буду вашей женой, такой, какие бывают только здесь на севере. Я буду готовить вам еду, кормить ваших собак, грести вместе с вами, — я могу делать все, поверьте, я сильна!

Он отстранил ее протянутые вперед руки, и видно было, что он не сомневался в искренности ее слов. Но лицо его стало строгим, побледнело, глаза потухли.

— Я отпущу Пьера и всех других, я останусь здесь у вас, с вами. Я буду всюду следовать за вами. Давид, Давид, послушайтесь меня! Вы обвиняли меня в несправедливости. Да, я виновата. Дайте мне возможность искупить свою вину. Если раньше я не понимала, что значит настоящая любовь, то дайте мне возможность показать вам теперь, что я знаю, как надо любить. — Рыдая, она бросилась на землю и протянула к нему руки. — Ведь и вы любили меня. Вы любите меня и сейчас. Опомнитесь! Вы никогда не поймете, сколько мне пришлось пережить за эти жуткие годы ожидания.

Он наклонился над ней и помог ей встать.

— Выслушайте меня, Карэн! — повелительно проговорил он, открыл дверь и вынес Карэн на руках из хижины. — Это невозможно. Мы не смеем думать только о себе. Вы должны итти. Желаю вам счастливого пути. Ваше путешествие может сделаться весьма затруднительным, когда вы подойдете к Сикст-Майль. Но у вас лучшие в мире лодочники, и вам нечего бояться. Хотите проститься со мной?

Она быстро овладела с собой, но взгляд ее был полон отчаяния.

— Если... Если... Винапи...—начала она дрожащим голосом и остановилась.

Он понял ее невысказанную мысль, и невольно проговорил: — да, — и только сказав это, понял весь страшный смысл невыговоренных ею слов.

— Вы не должны даже думать об этом. Это невозможно! Мы не смеем об этом думать... — вскричал он.

— Поцелуйте меня, — прошептала она, и лицо ее прояснилось.

ПОСЛЕ этого Карэн Сейтер повернулась и ушла.

— Разберите палатки, — приказала она Пьеру, который лежал, ожидая ее возвращения. — Мы будем продолжать путь.

Его зоркие глаза при свете огня увидели ее измученное лицо, но он повиновался ее приказу, даже намеком не показав своего удивления.

— Да, мадам, — предупредительно сказал он. — В какая сторона, мадам? Даусон?

— Нет, — со спокойным равнодушием ответила она. — Вверх, в Дайя!

Пьер растолкал спящую команду. С ворчанием принялись они за работу. Голос Пьера разносился по всему лагерю. В одно мгновение была разобрана крошечная палатка миссис Сейтер, уложены горшки, сковородки, свернуты одеяла, и раскачивающиеся под тяжелой ношей люди направились к лодке. Миссис Сейтер выжидала на берегу, пока разложили ее багаж и приготовили уютное гнездо.

— Мы направляемся к верхняя часть остров, — пояснил Пьер, отвя-

зывая причальный канат. — Затем мы плыть по канал, где вода не так быстрый. Я думал, мы будем имел хороший поездка.

В эту минуту острый слух Пьера уловил шуршащий звук шагов в сухой прошлогодней траве, и он повернул голову. Окруженная целой стаей овчарок, появилась молодая индианка. Миссис Сейтер заметила, что ее до сих пор безразличное, спокойное лицо пылало гневом.

— Что ты делать мой муж? — внезапно спросила она, обращаясь к миссис Сейтер. — Он лежать постель, очень больная. Я говорит:—„Что случилось, Дав? Ты больная?" —Но он не хотел говорить. Потом он говорит:— „Хороший девушка, Винапи. Уйди. Я скоро опять здорова". — Что ты делать, мой муж, что? Ты плохой женщина!

Карэн Сейтер с любопытством смотрела на дикарку, связанную с человеком, от которого она сама принуждена была уехать.

— Я думать, ты плохой женщина,— медленно повторила Винапи, точно подыскивая на чуждом ей языке непривычные слова. — Лучше ты уходишь прочь и больше не приходишь! Как ты думать? Я иметь один муж! Ты— американский женщина! Твой красивый лицо. Ты находишь много мужчин. Твой глаза сини, как небо. Твой кожа белый, мягкий... — Неожиданно она погладила миссис Сейтер по щеке коричневым пальцем. Карэн Сейтер не отшатнулась. Пьер, стоявший рядом с ней, сделал движение, готовый вступиться за нее. Она дала ему знак удалиться. Он почтительно отошел и, очутившись на таком расстоянии, откуда не слышна была их беседа, начал бормотать что-то про себя.

Борьба Миров

— Белый, мягкий, как маленький ребенок... — Винапи опять погладила миссис Сейтер по щеке и тотчас же отдернула руку.

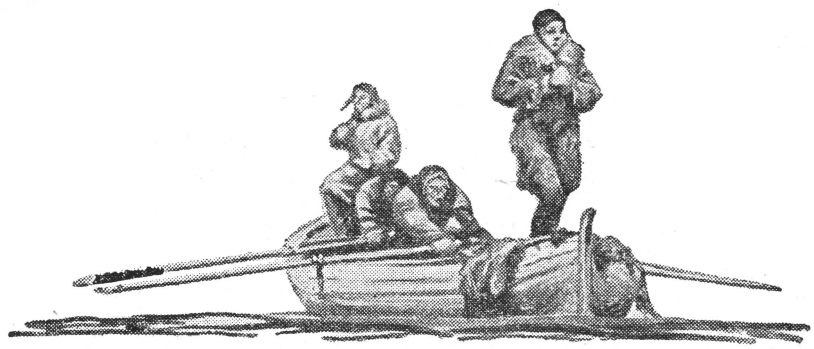
— Скоро приходить москиты! Будет больно кожа, пятна, красные пятна и опухоль. Много москиты, много пятна! Я думать, ты лучше ехал, пока москиты не приходить. — Она указала на реку. — Ты ходить Сент-Микаель. Лучше ходить в Дайя. Будь здорова!

И тут Карэн Сейтер сделала нечто, поразившее Пьера. Она обняла индианку, крепко поцеловала ее и заплакала.

— Будь добра к нему, — крикнула она. — Будь добра!

Затем она легко скользнула по крутому откосу, еще раз крикнула: — Будь добра!—и прыгнула в лодку. Пьер последовал за ней, и они отчалили. Он пристроил руль и подал знак команде.

Леглуар затянул старую французскую песню. Лодочники, в звездном свете напоминавшие привидения с согнутыми спинами, налегли на канат. Руль прорезал черное течение, и лодка понеслась во мрак.



H. J. Magog — Les buveurs d'océans.

ПОБЕДИТЕЛИ ОКЕАНОВ

Перевод Толкачева.

Иллюстрации худ. Н. Кочергина.

Автор романа „Победители Океанов" А. Магог — сравнительно молодой французский писатель, почти неизвестный в СССР. Им написано несколько научно-фантастических романов, пользующихся во Франции значительным успехом. Темы романов Магога до известной степени напоминают темы произведений Тудуза, известного советскому читателю по нескольким романам, вышедшим на русском языке („Победители вулканов", „Человек, укравший Гольфштрем" и др.). Оба автора дают в своих произведениях, часто недостаточно научно-обоснованные, но грандиозные по замыслу научно-фантастические проекты и строят вокруг них легкий занимательный сюжет.

В „Победители Океанов" Магог развертывает один из таких проектов — попытку осушить океаны и тем самым намного увеличить площадь занимаемой и обрабатываемой человеком земли. Действие романа происходит в 1950 году.

1. Два разговора.

Я ИМЕЮ честь просить руки мадемуазель Сюзанны де-Гландев, вашей дочери.

— Тысяча извинений, дорогой мой, но... моя дочь белая...

Эти слова слетели с губ важного седеющего джентльмена и были адресованы маленькому желтому человеку, который встретил их с чисто-японской невозмутимостью.

— Это из-за моего цвета? — спокойно спросил он.

— Прошу простить меня. Я хотел сказать, что моя дочь выйдет замуж только за европейца.

В узких глазках японца вспыхнуло пламя и сейчас же погасло.

— Вы мне отказываете? — сказал он несколько взволнованно. — Между тем я весьма неплохой кандидат.

— Вы были любезны самым ясным образом дать мне понять, что перед вами не устоять ни одному гражданину Сан-Франциско, будь он даже, как я, миллионер и француз. Но в таком вопросе я должен считаться только с мнением моей дочери.

— Так спросите ее.

— Я так и сделал. Она ответила... еще до вашего формального предложения. Вы, мосье Кацуга... с вами может быть брак только по расчету, а моя дочь питает отвращение к такого рода союзу.

— Хорошо, — сдержанно ответил японец. — В таком случае, я принужден отказаться...

— Это весьма благоразумно с вашей стороны, — иронически заметил француз.

— Отказаться от получения вашего согласия, — возразил Кацуга, — но вовсе не от надежды жениться на мадемуазель де-Гландев. Буду действовать иным путем.

В голосе его прозвучали металлические нотки.

— Как вам угодно, — усмехнулся француз.

Кацуга вышел в вестибюль, где его поджидал гигантский слуга в ливрее.

— Могу я видеть мистера Джима Санди? — спросил японец.

Слуга подошел к телефонному аппарату.

— Я узнаю, сэр, — ответил он

Через несколько секунд японец входил в кабинет Джима Санди, владельца одного из крупнейших состояний в Сан-Франциско, старика с пожелтевшей кожей, ввалившимися щеками и шапкой седых кудрей.

Борьба Миров

Между этим деловым человеком и японцем произошел лаконический обмен слов.

— Мистер Джим Санди?

— Иес.

— Доктор Кацуга.

— По какому делу?

— О женитьбе.

— Вздор! Не моя специальность.

— Дело идет о вашей внучке.

— Бесполезно. Всего хорошего.

— Виноват, я сто́ю...

— ...ни сента вы не стоите, раз Сюзанна вас не любит.

— Вы можете убедить ее, если узнаете...

— Хорошо. Но быстро.

— Я не буду говорить вам о долларах. Я сто́ю больше, чем вы могли бы реализовать при всем вашем богатстве и связях. И завтра же я буду самым видным человеком в Японии, если вам или мадемуазель Сюзанне угодно, чтобы я имел титул. Для ваших дел я могу предложить свое мировое влияние. Я могу легко открыть для вашей торговли все японские рынки.

— Все?

— Спросите у меня подробности, цифры.

— Нет! Всего хорошего.

— Вы не поняли меня. Я не обманываю вас. Все, что я сказал — не блеф, а правда. Я вам докажу это.

— Не волнуйтесь. Для меня это ровно ничего не значит. Я не продаю свою внучку.

Доктор Кацуга нетерпеливо пожал плечами. В глазах его блеснул злой огонек.

— Берегитесь! — проворчал он. — Сегодня, Джим Санди, вы потеряли ваш обычный деловой нюх. Я — сильный человек, и Япония тоже имеет право на место под солнцем.

Янки расхохотался,

— Бросьте молоть вздор. Япония абсурдно мала...

— Это неверно. Она растет и ширится гораздо сильнее, чем вы полагаете; я знаю, что говорю. Вы мне отказываете. Почему? Дело вовсе не в моей расе. Мы живем в 1950 году, когда цивилизация формально уравняла в правах все расы

— Совершенно верно: формально, — флегматически отозвался Санди.

Доктор Кацуга невольно встал в ораторскую позу.

— В переживаемое нами время, больше не существует сотен маленьких государств, которые три-четыре нации стараются опекать и эксплоатировать. Весь современный мир состоит из шести объединений: западно-европейской федерации Соединенных Штатов обеих Америк и республик: африканской, океанийской и азиатской. Особняком стоит огромная Россия, продолжающая свой грандиозный социальный эксперимент и не претендующая ни на новые захваты ни на доминирующую роль в концерте держав. Такова политическая карта мира.

— Правильно.

— Азиатскую республику возглавляет Япония. Она подчинила себе ослабленный бесконечными гражданскими войнами Китай, маньчжуров, тибетцев, отпавшую от Англии Индию, тонкинцев, сиамцев. От границ Сибири до индокитайских болот, от бывшей Турции до Японского моря мы переделали и обновили всю громадную территорию. Огромный союз народов Азии могуч, и Япония — мозг этого колоссального организма.

Покачивая головой, Джим Санди слушал этот курс политической географии. Потом серьезно заметил:

— И в этом опасность. Мозг человека находится в голове, отделенной от тела шеей, и это обстоятельство позволит сравнительно легко уничтожить весь организм, отрубив голову. В древних республиках одни народы теснили другие, и всегда страдали мень-

шинства. Теперь, эта борьба до некоторой степени ослабела; территории отдельных республик естественно разграничены, ослабела и внутренняя борьба, потеряв национальные фетиши. Правда, за счет этого выросла и страшно обострилась борьба классов, борьба социальных групп. Но вы, японцы, как были, так и остались хозяевами и палачами. Вы управляете со своего острова, как некогда Англия, и утверждаете свою тиранию в союзных областях. Там вы чувствуете себя, как дома; зато китайцы, турки и индусы, часто даже вне зависимости от их социального положения, не могут вступить на японскую землю иначе, как в роли рабов, и

попав туда раз, больше не возвращаются. Поэтому они грозят вам, они мечтают об освобождении, об отделении. Наступит час, когда вы потеряете свою власть над ними. И не в одном этом скрыта для вас опасность. Вы изолируете себя от всего мира.

— Ваш мир неблагодарен. В жертву ему мы открыли для международной торговли азиатские рынки.

— Да, но окончательно изолировали Японию.

— Только отчасти. Киу-Сиу, Сикок и Ниппон, всегда открыты для посещения наших иностранных друзей.

— А Иезо, этот таинственный остров? Что там происходит? Почему ни один европеец, африканец, американец, океанец не может приблизиться к нему? Почему вы никого не допускаете туда, как и на северную часть Ниппона? К чему

этот барьер крейсеров и торпедных судов, огораживающий Иезо от глаз соседей? Вы сами создаете атмосферу таинственности. Но вашу тайну разгадают. Разве вам не известны слухи, касающиеся ваших таинственных приготовлений?

Кацуга улыбнулся.

— Пусть вас не обманывают никакие слухи, — ответил он. — Скажу вам одно: вскоре Япония докажет свою силу, и вы сами, побежденные грандиозностью ее замыслов, начнете ее уважать.

Но янки уже перестала волновать эта тема, и он снова стал флегматичен и сух.

— Бесполезно! — оборвал он собеседника. — Я и так сказал слишком много. К чему все это? У нас свои дела, у вас свои. Я думаю о своих делах и только о своих.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее.

— Тогда я устрою все помимо вас.

— Нет.

— Да!

2. Чрезвычайный посол.

РЕСПУБЛИКА „Восходящего Солнца" переживала критический период. Ей угрожала мощная коалиция других республик. Кризис назрел лишь теперь, но причины его стали намечаться еще пятнадцать-двадцать лет тому назад.

Несмотря на то, что образовались гигантские этнографические группировки, упростившие карту мира и превратившие весь мир в подобие парка, открытого для всех, имеющих деньги, Япония снова нагромождала опрокинутые было барьеры. Она ревниво охраняла недоступность своей семерки островов. Особенно Иезо, запретный для иностранцев, стал загадкой, пугавшей весь мир. Что там таилось? Руководители остальных республик мира немедленно предположили, что там куется сила, направленная против соседей.

В первое время над этой гипотезой много смеялись. В самом деле, достаточно было гигантской Америке шевельнуть пальцем, чтобы стереть Японию с лица земли.

И все же, хотя никто серьезно и не верил в опасность, неудовлетворенное любопытство восстановило общественное мнение против Японии. Всем хотелось знать, каково же было истинное положение вещей.

А тайн было много, и не проходило года, чтобы мировая пресса не ставила новых огромных вопросительных знаков по основным вопросам, связанным с азиатскими странами.

Самым непонятным, даже пожалуй, грозным, было невероятное обезлюдение Китая. Этот гигантский человеческий резервуар, с переполнением которого не могли справиться ни голод, ни эпидемии, ни опустошительные гражданские войны, теперь опустел.

Всемирная перепись сороковых годов поразила всех, как громом: слишком неожиданны оказались ее результаты. Население азиатских стран оказалось в десять раз меньше предполагаемого.

Потом появились письменные и устные донесения очевидцев. Путешественники рассказывали о невероятном обезлюдении монгольских равнин и тибетских гор. Кипевшие жизнью города южных провинций Китая теперь казались опустевшими, и год за годом это вымирание гигантского народа становилось все более очевидным.

Странные вещи рассказывали путешественники о причинах этого сокращения народонаселения. Из месяца в месяц толпы, армии эмигрантов, вербуемые или сгоняемые японской полицией, исчезали из городов и селений, чтобы никогда не вернуться обратно. Путешественники не решались определять в каких-либо цифрах эту убыль населения.

Что же делала Япония со всеми этими людьми?

Одновременно, японское правительство заключало займы на совершенно фантастические суммы, обложило торговлю невероятными пошлинами, давило население налогами. Миллиарды стекались в государственное казначейство Японии, но попрежнему ее банки были пусты: все народы земли так или иначе оказались ее кредиторами, и теперь, исчерпав кредит, она уничтожала своих вассалов и даже собственный пролетариат.

Все это могло бы объясняться огромным индустриальным ростом, тем более, что Япония производила гигантские закупки сырья. Но никаких следов этого ро-

ста не замечалось ни на большом острове Ниппон, ни на маленьких Киу-Сиу и Сикок, и вообще ни на одном из трех тысяч восьмисот островов республики.

Оставался только таинственный Иезо. Но могла ли его небольшая территория вместить подобные чудовищные запасы?

Военно-морские силы Японии, сконцентрированные вокруг Иезо, и часу не продержались бы перед соединенным флотом соседей. Державы прекрасно это понимали. Их терпенье истощалось.

Надвигался призрак войны; официальным поводом к ней явилось странное обезлюденье Азии, колебавшее мировую торговлю, а тайной причиной — легкая возможность захвата территории слабой, больной азиатской республики, расчленение и раздел Азии.

В то время, когда доктор Кацуга добивался руки Сюзанны де-Гландев, весь мир ожидал разрыва, и носились упорные слухи, что Америка берет в этом деле инициативу на себя и посылает ультиматум Токио.

Доктор Кацуга.

ЧЕРЕЗ несколько дней после разговора с Джимом Санди, маленький японец прибыл в Панаму и появился во дворце президента, где заседал Совет трестов.

Америка, кичившаяся своей „чистой демократией", на самом деле управлялась королями, — королями всех видов промышленности.

Под председательством миллиардера Т. А. Эпстерса Совет трестов управлял страной, ставя в зависимость от своих личных дел, судьбу обеих Америк.

Борьба Миров

Какое заклинание произнес Кацуга чтобы пленум Совета принял его? Неизвестно. Но двери дворца президента раскрылись перед ним, и он предстал перед Советом трестов.

— Чрезвычайный посол? — сухо произнес Т. А. Эпстерс.

— Совершенно верно. Я приношу вербальный ответ на ваш ультиматум.

— Мы предпочли бы ответ в письменной форме, — грубо возразил председатель.

— Предварительно нужно сговориться; подписать успеем всегда, — спокойно ответил японец. — Мне необходимо дать вам кое-какие объяснения. И, если мои комментарии окажутся интересными, я предложу вашему вниманию договор, который лежит у меня в кармане.

Американцы широко раскрыли глаза. Что это .. издевательство, насмешка или дипломатия дурного тона?

— До-го-вор? — задохнулся Т. А. Эпстерс.

Кацуга улыбнулся кончиками губ.

— Господа, — ответил он, — мне известны условия вашего ультиматума, и я знаю, что в нем и речи не было о каких-либо переговорах; он содержал простое и ясное требование о безусловной сдаче на вашу милость. И тем не менее я явился сделать вам деловые предложения, более значительные, чем требуемая сдача.

— Предложения? Какие еще предложения?

— Союза, — просто ответил японец тем же спокойным тоном. — Или, если вы предпочитаете — сотрудничества.

Слова чрезвычайного посла японской республики повергли американцев в жестокое недоумение. Но практическая сметка не позволила негодованию вырваться наружу. Один из трестовиков флегматично спросил:

— Какие же могут быть реальные выгоды от такого... сотрудничества?

Кацуга подавил вздох облегчения и, уже свободнее, продолжал:

— Вы их оцените сами. Но сначала я хочу получить ваше согласие на сделку. Представляя Японию, я в то же время выступаю, как комиссионер, и желаю получить куртаж с будущей сделки.

— Хорошо. Посмотрим, что вы нам предлагаете.

— Тайну Японии.

Раздался взрыв смеха. Члены Совета сочли слова японца за шутку.

— Бесполезно покупать, раз можно взять силой,—ответил председатель.

Кацуга покачал головой.

— Нет, господа, взять вы не сможете,— возразил он. — Вы сможете только разрушить ее. Вот что мне поручено передать вам. Слушайте.

3. Заложники.

В ТОТ ЖЕ вечер Совет трестов передал печати лаконическое сообщение.

„Сегодня правительство получило ответ Японии на ультиматум Американских Соединенных Штатов. После его рассмотрения, между обоими государствами был заключен наступательно-оборонительный союз и подписан формальный договор. Он обязывает американскую республику к вооруженному вмешательству в случае, если третья держава будет угрожать безопасности азиатской республики".

Соглашение с Японией вызвало общее удивление и негодование. Массы открыто возмущались самовластием Совета трестов. Возбуждение росло с часу на час.

Для одной американской семьи правительством был приготовлен сенсационный эффект: Джиму Санди пришлось узнать, что один из пунктов знаменитого договора касался не только его, но и его семейства.

На следующий день после опубликования сообщения о договоре в кабинете Джима Санди зазвенел телефонный звонок.

— Алло! — сказал он, взяв телефонную трубку.

— Алло Мистер Санди?

— Он самый. Кто говорит?

— Председатель Совета трестов.

Старик был, по своему, демократ, и то обстоятельство, что фактический глава государства пожелал иметь с ним личную беседу, не удивило и не польстило ему.

— Слушаю, — просто ответил он.

— Совет дает вам поручение.

— Какое?

— Нам необходимо направить в Токио специального посла. Хотите вы быть этим послом? Америка взывает к вашему патриотизму.

Старый янки не выразил никакого удивления.

— Так. Сколько продлится моя командировка?

— Неопределенное время. Нужно будет оставаться, пока вас не отзовут.

— Хорошо.

— Вы должны выехать завтра.

— Выеду.

— Вместе с семейством, то есть, с вашей женой, дочерью, зятем и внучкой.

— Невозможно! Поеду один.

— Совет дает вам точное распоряжение. В договоре значится, что наш посол переедет в Токио со своей семьей. Это цена соглашения.

Несколько секунд Джим Санди обдумывал эти слова. На лбу его выступали капли пота, глаза горели.

— Должен ли я понимать, что Америка обязалась дать заложников?—крикнул он в трубку.

— Это категорическое требование нашего союзника,— ответил глухой голос.

— Заложники Японии! — воскликнул Джим Санди в негодовании. — Никогда этого не потерпит Америка.

— Америка не будет знать.

— Я объявлю всем, и взрыв негодования неминуем. Ищите других исполнителей! Я не ваш служащий

— Совет дает вам точный приказ. Вы поедете?

— Нет.

— Как пленник, в таком случае.

— Значит Америка перестала быть страной свободных людей?

— А вы этого не знали? Впрочем, никто никого не принуждает... гм... но порой интересы страны требуют жертв. Позже вы все поймете, мистер Санди. Добрый вечер!

— Добрый вечер!

На следующее утро миллионер с семьей были силой посажены на военное судно, отплывающее в Японию.

4. Две встречи

СТОЙ минуты, как милиция доставила Джима Санди на крейсер „Американ-Стар", он ни в малейшей степени не испытывал ощущения плена. Ему и его семье были предоставлены лучшие каюты крейсера, они могли передвигаться по всему кораблю.

Но приказ Совета трестов выполнялся. Джим Санди не мог высадиться в какомлибо порту.

Сюзанна проводила время довольно весело. Она получила разрешение на пользование радио и послала своему жениху, Жану д'Антрево, радиограмму в Константинополь, где он в то время находился.

Через два дня показался остров Ава, крейсер вошел в пролив Урага, и пройдя в виду Токио, бросил якорь в порту Иокогамма.

Важный японский чиновник, окруженный группой других, рассыпался в приветствиях.

Но грубоватый, прямой янки резко прервал японца.

— Где находится наша тюрьма?

— Дворец в Токио совершенно готов к вашему приему. Мы умоляем вас принять этот почтительный акт гостеприимства...

— Что же, поедем... пока что... Я подумаю, что следует делать дальше.

Специальный поезд быстро пролетел расстояние от Иокогаммы до Токио, и через несколько часов, избавившись, наконец, от назойливого эскорта, американцы очутились в комфортабельном помещении на бульваре Гинца.

Борьба Миров

Прислуга, предоставленная для обслуживания семьи, состояла из шести японцев, одетых в европейское платье. Кроме мужчин были две японки с загадочными улыбками на лице.

С первых же шагов Джим Санди и его зять заметили, что за ними неуклонно следовали двое слуг; то же пристальное наблюдение велось и за тремя женщинами.

ВСКОРЕ после приезда произошел один знаменательный инцидент.

Однажды Джим Санди вместе с зятем прогуливались по улицам Токио. Они шли молча, каждый погруженный в свои невеселые мысли. Внезапно перед ними появилась маленькая фигурка японца в модном европейском костюме. Это был доктор Кацуга.

— Чрезвычайно рад встретить вас, господа, в Японии и принести вам уверения в моей совершенной преданности.

В сверх-вежливом обращении слышалась сдержанная насмешка.

Джим Санди угрожающе сдвинул брови, а француз крепче стиснул свою трость.

— Осмелюсь спросить, мистер Санди, не изменилось ли ваше мнение о Японии со времени нашего последнего свидания?— продолжал Кацуга.

— Нет, сударь, — возразил холодно янки.

— И все же ваша родина не сочла для себя унижением вступить с нами в союз. Это добрый признак. Мое отечество сильно, раз вы здесь.

— Ваше отечество, может быть, — спокойно отвечал старик,—но не вы, сударь.

— Я тоже обладаю могуществом, — улыбнулся японец.

— Что это значит?

— Это значит, что моя воля,— или мое желание, — в данном случае это одно и то же, — доставили мне удовольствие видеть вас здесь. Вы можете этому верить, мистер Санди; чтобы Америка вас назначила, а Япония приняла, нужно было вмешательство человека, которому ни в чем не могут отказать.

Глаза американца сверкнули.

— Так значит,— произнес он, — это вам мы обязаны..

— Своим приездом в Японию. Совершенно верно! Я хотел иметь вас под

рукой, главным образом, мисс Сюзанну...

Рассвирепевшие американцы кинулись на Кацугу, но он ловко увернулся и бросился бежать.

Де-Гландев бросился в погоню.

Завернув за угол, он неожиданно столкнулся с двумя европейцами. К счастью, его встретил не удар кулака, а веселый звонкий голос:

— Что я вижу? Мосье де-Гландев в Токио?!

— Жан д'Антрево! — воскликнул француз, бросаясь в объятия молодому человеку.—Как я рад, что вы здесь... Но мне надо догнать этого негодяя...

— Умоляю вас, не волнуйтесь. Если вам нужен этот японец, мой слуга его сейчас достанет.

И Жан д'Антрево обратился к своему спутнику, меланхоличному верзиле.

— Слышал, Гайеду? Беги и тащи сюда.

Тот печально покачал головой:

— Попробую, но мосье знает, что мне дьявольски не везет.

Потом он открыл чудовищный циркуль ног и помчался с такой быстротой, что спасение Кацуги стало весьма сомнительным.

— Мой Гайеду неврастеник,— объяснил молодой человек. — Он уверен, что его преследует неудача. Но славный парень, преданный и храбрый. Однако, скажите, что вам сделал этот японец?

— Этот дурак? Он просил у меня руки Сюзанны, я отказал, а он пригрозил, что женится на ней помимо моей воли.

— Ого-го! — засмеялся Жан. — Знай я это раньше, я не отправил бы Гайеду, а побежал бы сам.

— И это, пожалуй, было бы лучше. Наш охотник возвращается без дичи с печальной физиономией.

Действительно, долговязый слуга молодого атташе возвращался, испуская печальные вздохи.

— Я же вам говорил,—жалобно сказал он,—этот японец исчез...

В это время подошел Джим Санди, радостно приветствуя молодого человека.

— Мне пришла в голову одна мысль. Раз жених Сюзанны здесь, отпразднуем их свадьбу!— воскликнул он.

— Браво!— вскричал Жан д'Антрево.— Замечательная идея

— Что ж, пожалуй,— нерешительно сказал де-Гландев.—Только никому ни слова. Этот японец, знаете, может... Однако, пойдемте пока повидать вашу невесту. И пожалуйста, оставьте у нас вашего слугу, а то вокруг нас одни японцы, и мы им не доверяем.

— Гайеду, слышишь? С этого момента ты состоишь на службе у мосье де-Гландев.

5. Необыкновенное похищение.

ДЕНЬ свадьбы Сюзанны приближался, а доктор Кацуга не подавал никаких признаков жизни.

Кацуга бросил вызов. Джим Санди принял его: он выдаст внучку замуж под носом японца и отпразднует победу.

На этот праздник он пригласил весь состав американской, европейской, африканской, русской и австралийской колоний.

Довольный старик, улыбающийся де-Гландев и сияющая невеста принимали гостей так сердечно, что сразу отпала церемонность и чопорность обычных посольских приемов.

Вечер обещал быть интересным, так как были приглашены лучшие артисты национальной труппы Токио.

Быть может пресыщенные зрители и не находили особого удовольствия в японской музыке и танцах маленьких гейш, но все заинтересовались, когда появилась труппа фокусников.

Фокусники были, действительно, замечательные. Все их фокусы проделывались с необыкновенной чистотой, и были новы и оригинальны.

Проделав ряд совершенно необъяснимых фокусов, японцы вынесли старинный паланкин. В него вошел один из фокусников и наглухо задернул занавески со всех сторон, чтобы не было видно, что делается внутри. Настала мертвая тишина.

Вдруг послышался голос японца, сидевшего в паланкине. Он отдал приказ, и четверо его помощников, подняв паланкин, пронесли его перед зрителями, а сидящий внутри в это время нараспев скандировал старинные стихи.

Снова короткий сигнал и носильщики остановились.

Японцы просунули руки под занавес и объявили, что сейчас будут вынимать своего товарища... по частям. Затем они стали входить в паланкин и выходить из него, вынося пакеты, которые бросали вверх. Пакеты исчезали на глазах у всех точно расплывались в воздухе.

Человек, сидевший в паланкине, безостановочно пел, но его голос все слабел и слабел по мере того, как пакеты расплывались в воздухе.

На момент фокусники прервали свое занятие и, приподняв паланкин, показали, что вес его значительно уменьшился. Потом опять возобновилась выноска пакетов, пока голос совсем не замер.

Тогда глава труппы распахнул занавески паланкина, и изумленные зрители увидели, что внутри совершенно пусто.

Человек исчез.

Зрители с шумом повскакали с мест, чтобы осмотреть паланкин, но им пришлось сознаться, что объяснить исчезновение японца невозможно, — само строение легкого паланкина не допускало мысли о каком-либо тайнике.

Тогда глава труппы объявил, что он вернет исчезнувшего товарища.

Теперь японцы складывали в паланкин пакеты, которые, казалось, хватали прямо из воздуха. Через минуту из паланкина послышался слабый голос, который все усиливался по мере того, как паланкин становился все тяжелее.

После нового шествия с паланкином мимо зрителей, занавески распахнулись, и из паланкина под гром аплодисментов вышел исчезнувший японец.

Когда стихли аплодисменты, зрители единодушно потребовали объяснения фокуса.

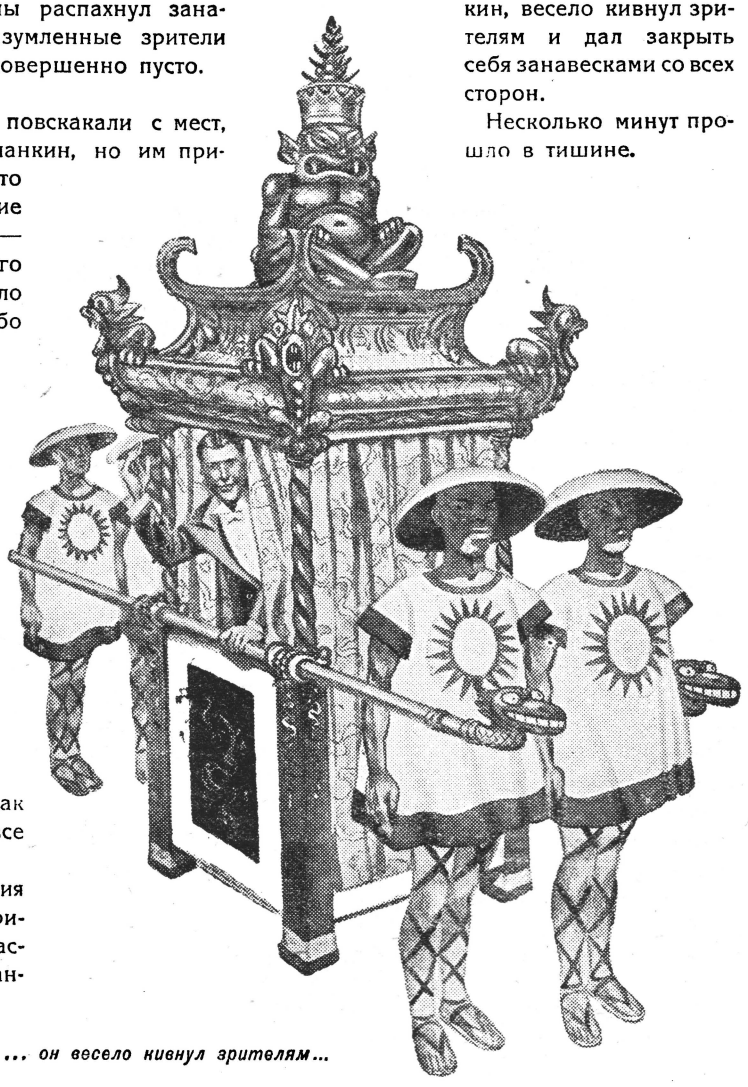
Борьба Миров

— Джентльмены, — сказал глава труппы, — если у одного из вас хватит смелости войти в этот паланкин и подвергнуться опыту, я заставлю его исчезнуть, как моего помощника, и уверяю, что никто не сможет разгадать тайну исчезновения.

Взгляд его пробежал по ряду зрителей и остановился на Жане д'Антрево. Тот поднялся, принимая вызов.

Со скептической улыбкой он вошел в паланкин, весело кивнул зрителям и дал закрыть себя занавесками со всех сторон.

Несколько минут прошло в тишине.



... он весело кивнул зрителям...

Наконец Сюзанна сказала:

— Жан, пойте, а то мы подумаем, что духи уже унесли вас.

— Еще не унесли! — раздался из-за занавесок голос молодого человека.

Фокусник улыбнулся и дал знак. Японцы подняли паланкин и начали свое шествие.

Не имея возможности приспособиться к ритму японских напевов, Жан стал разговаривать со зрителями.

Фокусники остановились и начали выбрасывать таинственные пакеты.

Жан весело комментировал:

— Вот мои руки исчезают. Ноги. Уничтожение начинается. Видите, от меня уже остаются клочки.

Но голос его слабел, и зрители начали поддаваться обаянию фокуса.

Несколько человек по приглашению фокусника проверили вес паланкина и подтвердили, что он стал легче.

— Ого, Жан д'Антрево! — закричали они. — Вы еще здесь?

— Здесь, конечно, — раздался очень слабый голос Жана.

— Но вас почти не слышно.

— Пустяки. Какой-нибудь акустический трюк.

Но голос его перешел в шопот.

Неожиданно прекратился и шопот, и Жан перестал отвечать на вопросы.

Носильщики опустили паланкин и по знаку главы труппы вышли

— Проверьте, — сказал фокусник. — Испытуемый исчез.

Сюзанна быстро отдернула занавески, и группа любопытных окружила паланкин. Он был пуст.

Несколько минут салон гудел от веселых криков. Все поднялись с мест, чтобы удостовериться своими глазами в загадочном исчезновении.

— Прекрасно!—воскликнула Сюзанна.— Жан сам объяснит нам, в чем дело.

Зрители уселись на места, сгорая от любопытства.

— Теперь, — предложил де-Гландев, — перейдем ко второй части опыта...

Он замолк и удивленно оглядел всех.

— Гм, — сказал она — а куда девались наши фокусники?

Японцы исчезли.

6. Бегство.

ВСЕ розыски Жана д'Антрево оказались безрезультатными. Ни официальные агенты ни частные сыщики не нашли ни малейших следов пропавшего. Единственным результатом поисков было то, что под домом был обнаружен погреб с выходом на улицу, и там была найдена визитная карточка.

Д-р Кацуга.

Через две недели после исчезновения Жана д'Антрево всякая надежда на его возвращение пропала. Оставалось одно— бежать. И Джим Санди, не жалея денег, принялся за организацию бегства. Приготовления двигались медленно, приходилось соблюдать осторожность. В самый разгар подготовки исчез Гайеду, оставив лаконичную записку:

„Иду к мосье Жану".

Наконец, все было готово. Обманув бдительность слуг, американцы ночью вышли из дома, в автомобиле добрались до берега и сели на заранее приготовленную яхту.

Отплытие прошло благополучно. Никто еще не догадывался о их бегстве.

Однако, тревога могла подняться в любую минуту. С биноклями в руках Джим и де-Гландев не переставали вопрошать горизонт, ожидая с минуты на минуту увидеть грозные силуэты военных судов, посланных за ними в погоню.

Они ясно отдавали себе отчет, что в случае появления военного судна, они пропали.

Единственно, что могли они предпринять, это — удирать на всех парах прямо в открытое море. Вдали от берега, в открытом просторе огромного океана они имели шанс затеряться, избегнуть бдительного ока преследователей.

КОГДА от берега осталась только узенькая полоска песку на горизонте, еле заметная в предрассветных сумерках, из-за нее неожиданно поднялись бледные облачка, сквозь которые прорывались языки пламени, рассыпавшиеся огненным дождем и столбами темного дыма. Через несколько минут весь горизонт превратился в цепь кратеров, извергающих широкие потоки огня.

Страшный пожар пожирал остров Нипон. Зрелище было в одно и то же время и грандиозно и ужасно.

— Что там происходит? — воскликнул старый янки.

— Землетрясение и сопутствующее ему вулканическое извержение, — ответил де-Гландев. — В Японии это совсем не такая редкость, но чудовищные размеры катастрофы удивляют меня.

— Да, мне кажется, что подобного извержения еще не бывало так же, как и такого невероятного отлива,—заметил капитан.—Посмотрите, на какое небывалое расстояние отступило море. Мало того этот отлив продолжается. Наша яхта мчится по волнам, подгоняемая сильнейшим течением.

— Верно, — ответил де-Гландев, всматриваясь в высокие гребни волн, бегущих правильными рядами параллельно движению корабля.

— Я остановил машины, — сообщил капитан, — и мы движемся с такой скоростью одной лишь силой течения.

— Это поразительное явление, — задумчиво произнес Джим Санди. — Может быть, мы попали в Куро-Сиво?

— Нет, нет, — уверенно произнес капитан. — Несущее нас течение не отмечено ни на одной карте.

— Но чему же тогда приписать его существование?

— Я предполагаю, что в каком-то пункте Тихого океана, примерно близ американских берегов, в настоящее время происходит прилив невероятной силы. Только этим одним и можно объяснить тот небывалый отлив у берегов Японии, который мы наблюдаем.

— Предположим. Но причины?

— Кто же может это сказать?.. Подводная буря, вулканическое извержение на дне океана, связанное с тем же сейсмическим феноменом, который в настоящую минуту разрушает остров Нипон. Все возможно. Позже все выяснится.

— Ну, а пока насколько нам на руку эти феномены и течения?

— Для нас это прекрасно. При подобных обстоятельствах нас не догонит быстрейший корабль.

— Великолепно! — воскликнул Джим Санди. — Больше нам ничего не надо.

— Значит, мы спасены? — живо спросил де-Гландев.

Борьба Миров

— Похоже на то,— ответил капитан, — но боюсь, что мы попали из огня да в полымя.

Катаклизм разрастался.

Гладь океана уже не была невозмутима, как прежде. Воздух потерял прозрачность, какая-то мутная дымка заволокла водные просторы. Океан не переходил постепенно в небесную лазурь. Точно две стены воды вдруг поднялись из океана. Казалось, что корабль скользил в сильно вогнутой чашке, наполненной водой.

Весь день путешественники с изумлением наблюдали непонятный феномен. Наконец, ночь спустилась над океаном, скрыв странное зрелище.

Сон одолел измученных пассажиров.

УТРОМ тревога снова овладела ими. Стало ясно, что со дна океана справа и слева поднималась новая почва. И это поднятие почвы заключало яхту в коридор в несколько километров шириною.

Проносясь с быстротою поезда и случайно попав в поток, отводивший яхту от центра чаши, путешественники смогли подробнее рассмотреть странный феномен.

Стены чаши вовсе не стояли перпендикулярно, а образовали постепенный уклон, издали казавшийся сплошной стеной: они скользили под очень тупым углом, постепенно понижаясь и переходя в воронку.

Весь день опять прошел в наблюдении феномена. Увлекаемая боковым течением, яхта с бешеной быстротой неслась по коридору, постепенно удаляясь от воронки.

На следующий день вид океана изменился.

До сих пор путешественники думали, что на дне океана происходит извержение вулкана и две стены воды есть результат напора выделяющихся газов.

Теперь они увидели, что плывут в относительно тихом потоке, огибающем огромную скалу, вынырнувшую за ночь из недр океана.

Потом течение совсем прекратилось и за горой показалась целая цепь бесформенных вершин, переходившая дальше в бесконечную сохнущую равнину, под-

нятую со дна океана неведомым катаклизмом.

— Да ведь это настоящие материки поднялись из недр океана, — тихо сказал капитан.

Никто не ответил. Все молчали, не понимая, что происходит вокруг них.

— Мы куда-то ушли из океана, — пробормотал де-Гландев. — Посмотрите, разве это не похоже на большую реку, текущую в высоких берегах?

— Что происходит за этими горами? — произнес старый янки. — Что стало со всем миром? Подумать только, что произошло, если громады вод, покинувшие ложе Тихого океана, кинулись на сушу. Они могут затопить всю Азию и Америку, найдем ли мы еще какой-нибудь берег, кроме этого?

Теперь их уже не заботило собственное положение. На карте стояла судьба всей земли.

В СЛЕДУЮЩИЕ дни поток все сужался и сужался, а горы росли все выше и выше. Из воды поднимались новые континенты. Яхта точно плавала на дне большой чашки, из которой постепенно испарялась вода.

Все выше и выше приходилось им поднимать головы, чтобы видеть небо. Чашка превращалась в подобие колодца. Теперь уже никто не следил за скоростью течения.

Неожиданно раздался крик капитана:

— Посмотрите, вот жертвы катаклизма...

Путешественники кинулись к борту яхты и увидели множество китов и кашалотов, обессиленных борьбой с течением. Процессия трупов плыла бесконечной вереницей, опережая яхту.

Вода кишела невиданными обитателями морского дна, странные существа извивались, испуская фосфорический свет.

— Фауна глубоких вод, — рассеянно констатировал моряк.

Де-Гландев хмуро посмотрел на темные очертания гор.

— В таком случае, — произнес он дрожащим голосом, — это не отлив, а..

— Осушение океана, — невозмутимо добавил старый Джим.

— Нет, — воскликнул капитан, — этого не может быть. Невозможно!

А уровень воды все понижался. Теперь уже отчетливо было видно дно.

Тут и там подыхали морские гиганты, выброшенные течением, справиться с которым у них не хватало сил.

Вдруг раздался страшный треск, и пассажиры повалились друг на друга.

Когда они поднялись на ноги, то увидели, что яхта неподвижно лежит на боку, а впереди убегает вода, оставляя яхту на суше в образовавшейся долине.

Вода ушла совсем, обнажив илистую почву, покрытую умирающими рыбами.

Океан высох.

7. В плену.

КОГДА Жан д'Антрево вошел в паланкин фокусника, он и не подозревал, что для него начинается серия разнообразных приключений.

Внутренность паланкина имела самый мирный вид. Во всяком случае, ничего необычайного Жан не заметил.

Машинально опустился он на потертое плюшевое сиденье. Насмешливая улыбка еще кривила его губы.

Внезапно сиденье под ним перевернулось, и на голову ему упала тяжелая материя. Это произошло в одно мгновение. Какая-то рука схватила его за горло, а другая приставила к груди острие кинжала.

В следующую минуту он почувствовал, что куда-то падает, затем его заставили сделать несколько шагов.

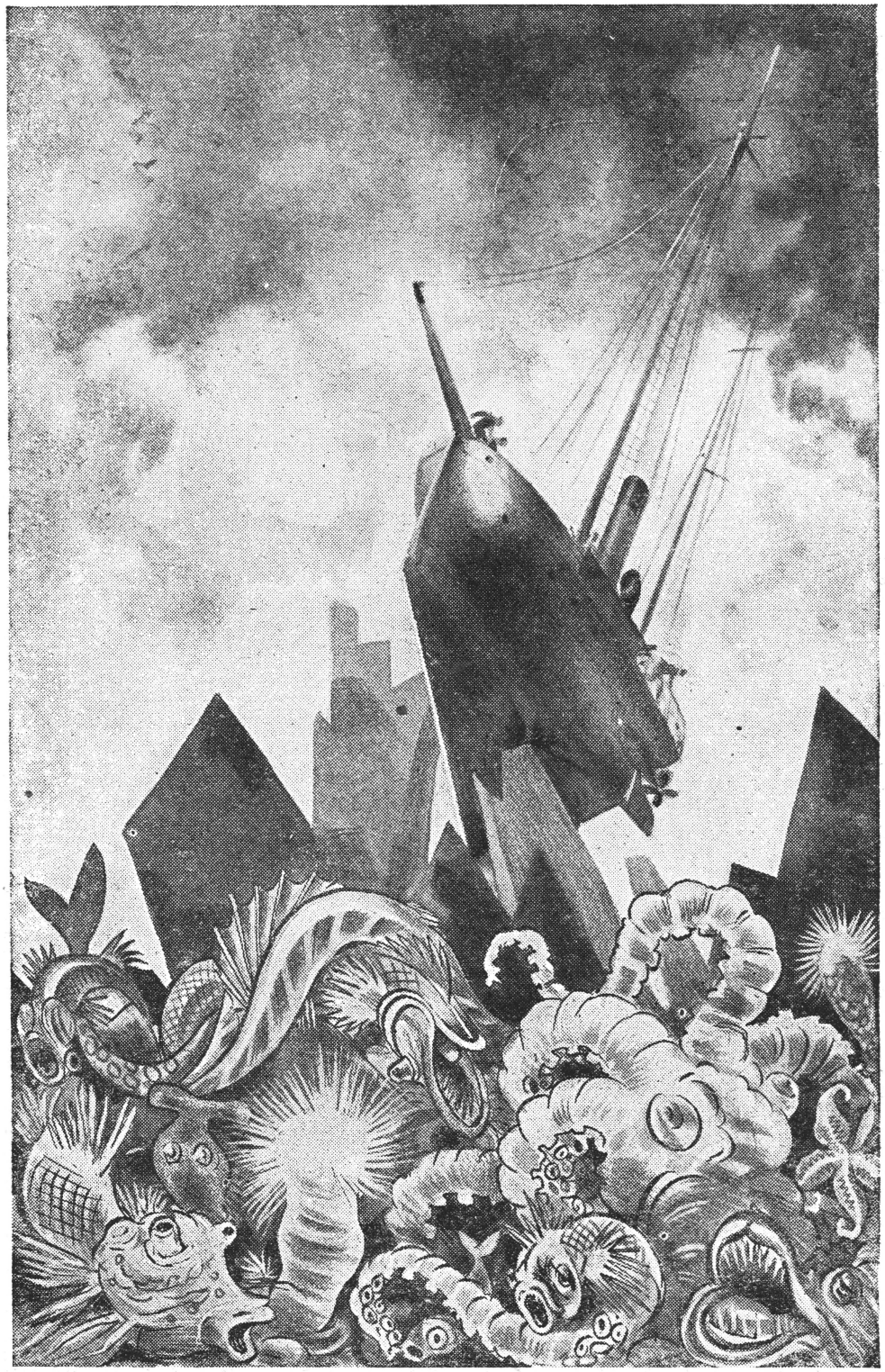
Чьи-то руки грубо сорвали у него с головы мешок, и он увидел около себя трех японцев. Двое держали его за руки, парализуя всякое сопротивление, третий прошипел;

— Не кричать... — в руке у него тускло блеснул кинжал.

Все, что произошло потом, Жан помнил очень смутно. На него надели что-то вроде японского кимоно, страшно стеснившего его движения. Затем один из японцев закрыл его лицо маской, удивительно похожей на лицо японца, другой надел ему черный парик и прикрепил его к маске.

Когда переодевание было закончено, Жана подвели к окну, за которым тоже оказались японцы. Они вытащили его наружу и немедленно усадили в автомобиль, тихонько пыхтевший у тротуара.

Маска закрылась наглухо, пропуская лишь немного воздуха, и кимоно крепко



Океан высох...

сжало его локти, совершенно лишив способности двигаться.

С Жаном село четверо японцев, вылезших из подвала, и через минуту автомобиль уже несся через лабиринт токийских улиц.

У подъезда вокзала автомобиль остановился. Четверо японцев, тесно окружив пленника и делая вид, что заботливо ведут тяжело-больного, повлекли Жана на перрон.

Здесь его со всеми предосторожностями внесли в купе первого класса.

Через несколько минут поезд тронулся.

Японцы сидели молча, и Жан мог спокойно обдумать свое положение. Он ничего не понимал, но чувствовал, что творится что-то странное.

Его похитили, это ясно. Но зачем?

Поезд мчался, наступала ночь, разгадки не было и, наконец, он заснул со всей беззаботностью молодости.

Пробуждение было неприятным.

Было утро, и поезд подходил к какой-то станции. Японцы, гримасничая, заставили Жана подняться.

Через десять минут автомобиль привез их в незнакомый Жану порт. Вся группа села на военный корабль, который немедленно вышел в море.

ЧЕРЕЗ несколько часов на горизонте показался берег.

— Остров Иезо! — объявил один из японцев.

Жан вздрогнул.

Его везут на таинственный остров, куда, вот уже двадцать лет, не попадал ни один европеец. Откуда такое доверие?

Сойдя вместе с японцами на берег, Жан попал в страну фабрик, непрерывно коптивших небо тысячью труб.

— Это напоминает орудийный завод Крезо, — разочарованно подумал он, — или горный округ на севере Франции.

Его повезли к группе строений, напоминавших типичные постройки над спусками в колодцы шахт, только грандиозных размеров.

Жана втолкнули в один из них.

— То, что вы увидете, — улыбаясь, сказал ему один из спутников, — не видел еще ни один человек белой расы. Откройте глаза. Страна, которая смогла осуществить такое великое начинание, имеет право на первое место в мире Сейчас вы в этом убедитесь.

8. Подземное царство.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ подъемник с огромной быстротой спускался в шахту.

Этот бешеный спуск продолжался около двадцати минут, и Жан приходил в ужас, догадываясь, на какой громадной глубине они теперь находятся.

Выйдя из лифта, молодой дипломат очутился в огромной сводчатой пещере, освещенной, как днем. В ней толпились военные части. Каждый лифт охранялся японским вооруженным отрядом, как и входы в коридоры грандиозной ширины, полого уходившие вниз.

В пещере царило оживление и деловая суматоха. Свистки локомотивов, шум моторов, заглушенные звуки взрывов, удары молотов создавали впечатление не то вокзала, не то громадной фабрики.

Жан д'Антрево не смог сдержать восхищения.

Настоящие поезда, пассажирские и товарные, появлялись из недр земли и останавливались на площади у платформ.

Большею частью поезда были товарные, и их длинные платформы были нагружены горами земли и горных пород, обломками скал и камнями.

Гигантские краны брали платформу за платформой и опрокидывали в огромные ящики грузовых подъемников, непрерывно снующих вверх и вниз по широкой шахте.

Людской муравейник суетился и сновал по огромной площади.

В пещере были только одни азиаты. Но японцы, все до одного вооруженные, играли роль стражи, тогда как измученные рабочие состояли из представителей всех народов Азии.

Один из японцев, привезших Жана, хлопнул его по плечу:

— Удивляетесь? — спросил он иронически.

— Восхищаюсь, — ответил молодой человек. — Я не знаю, для чего ведется эта колоссальная работа, но я поражаюсь ее гигантскому размаху.

— Это еще что, — загадочно сказал японец. — Это — только преддверие того мира, куда мы отправляемся.

С помощью других спутников, он освободил молодого человека от маски и кимоно.

— Отсюда бежать невозможно, — холодно улыбнулся он. — Поэтому я возвращаю вам свободу движений.

— Мы сядем в поезд, — сказал он через минуту, направляясь к открытому вагону, прицепленному к хвосту длинного поезда с пустыми платформами.

Поезд тронулся и вошел в туннель, своды которого закруглялись на высоте тридцати метров. Жан увидел ряд толстых чугунных труб, подвешенных на железных крюках, вдоль стен туннеля; диаметр каждой трубы был свыше полуметра.

Два японца держали его за руки.

— Эти трубы, — объяснил японец, — ведут к нашей центральной фабрике воздуха, посылающей по ним колоссальные массы сжатого воздуха. В шахтах поставлены мощные вентиляторы, а оригинальная система труб позволяет нам посылать потоки свежего воздуха в самые отдаленные и глубокие уголки нашего подземного царства. Таким же способом мы охлаждаем галлереи, где температура слишком высока. Сейчас мы подъезжаем к центральной группе фабрик.

Поезд вылетел на огромную площадь среди зданий фабричного типа, высеченных в скале. Жана ослепил яркий электрический свет и оглушил грохот машин.

Пять галлерей звездой расходились с площади.

По каждой из них тянулись две колеи железнодорожного полотна и сеть чугунных труб. Сложная система вертикальных и горизонтальных лифтов грузила и разгружала прибывающие и отходящие поезда.

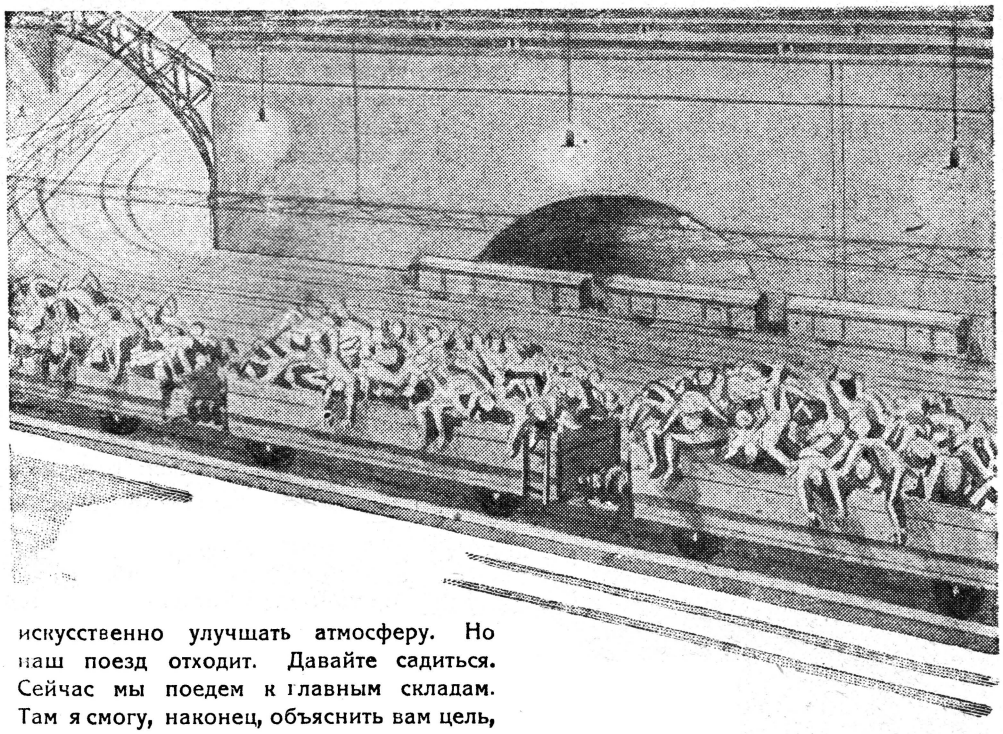
Жан удивился, не видя над фабриками обычных труб.

— Мы работаем на белом угле, — ответил проводник на его недоуменный вопрос. — Здесь все приводится в действие электричеством.

— Вы используете силу найденных потоков?

Японец улыбнулся.

— Мы не нашли их, а создали; и они неистощимы... почти. Мы не можем терпеть дыма здесь, где и так приходится



искусственно улучшать атмосферу. Но наш поезд отходит. Давайте садиться. Сейчас мы поедем к главным складам. Там я смогу, наконец, объяснить вам цель, которую мы преследуем.

Они пересели в другой вагон, и снова перед глазами Жана замелькали однообразные километры галлерей.

Каждую минуту попадались встречные поезда, груженные обломками. При виде их молодой человек подумал о том, какое невероятное количество камней и земли надо было вывезти, чтобы пробить эти бесконечные туннели.

— И все это идет наверх? — спросил он.

— Да, поднимается наверх и спускается в океан, — ответил проводник. — Пока мы ведем работу в этой и других шахтах, обломки образуют новый барьер вокруг острова Иезо, потом сливаются с ним. За короткое время территория острова увеличилась вдвое.

В эту минуту мимо них медленно прошел поезд. Он вез груды обнаженных желтых тел.

— Трупы, — холодно заметил японец. — Под землей часто умирают. Среди рабочих дальних шахт смертность колоссальная. Только принеся в жертву миллионы жизней, сумели мы реализовать это великое дело. Вот причина обезлюдения Азии. Нам нужны работники, много работников.

Жан хмуро провожал глазами поезд мертвецов.

— Но зачем, зачем? — пробормотал он.

— Вы узнаете. Какой народ сделал больше для мирового благополучия, чем Япония? Там, наверху, было слишком много народу, мы расчистили место, — добавил японец с жесткой улыбкой. — И мы будем продолжать, — закончил он.

— Сколько трупов! — бормотал подавленный Жан. — Что вы с ними делаете?

— Их сжигают, — ответил японец. — Мы только-что проехали мимо группы крематориев.

Часы тянулись, как блестящие колеи рельс за поездом. Японец предоставил своего спутника его печальным мыслям. Кругом было довольно тихо, мирно постукивали колеса, и лишь иногда с грохотом пролетал встречный поезд.

Потом послышался отдаленный шум, все усиливающийся по мере приближения. Показались сооружения из бетона и железа. Туннель вдруг расширился, и показались группы зданий. Они образовали ряд улиц, по которым мчались поезда.

Это был настоящий город. Улицы кишели людьми, которые торопливо шны-

ряли по тротуарам, входили в дома, выходили.

Очарованный этим зрелищем, молодой француз не обратил внимания на усиливающуюся жару, которая стала вскоре непереносимой.

На площади поезд остановился, и Жан вместе с проводником сошли.

— Здесь мы остановимся и переночуем, — сказал японец. — Наверху теперь ночь, хотя вы этого и не замечаете. Наше путешествие продлится несколько дней.

Они шли по странным улицам. Жан, непривыкший к этой атмосфере, тяжело дышал. Японец заметил это.

— Внутри дома вы будете чувствовать себя лучше, — заметил он. — Высшие служащие имеют комфортабельные жилища, снабжаемые кислородом, и в них температура поддерживается на нормальном уровне.

Действительно, дом показался Жану воплощением комфорта после всего того,

что он видел в этом подземном царстве. Короткий отдых восстановил его силы, в нем снова проснулась любознательность и он захотел осмотреть город.

Он поразился при виде ужасной внешности подземных жителей. На всех было какое-то клеймо смерти: одни были худы, как скелеты, у других был совсем трупный вид.

— Они похожи на приговоренных к казни, — пробормотал молодой дипломат.

— Они, действительно, приговоренные, — криво усмехнулся его спутник. — Изо всех этих людей едва ли ничтожные единицы снова увидят дневной свет. Остальные так или иначе погибнут здесь. Необходимость охранять тайну наших работ заставила нас ввести суровые правила.

— И они знают это?

— Они видят, что никто живым отсюда не выходит. Одни умирают, на их место приходят новые. Это неотвратимо.

— И они не восстают?

— Иногда случаются вспышки возмущения, но наши войска расстреливают в этих случаях несколько десятков зачинщиков, и на пару недель спокойствие восстанавливается.

НА УТРО путешествие началось снова. Вид бесконечных унылых коридоров действовал угнетающе, редкие города напоминали об ужасной судьбе миллионов рабов.

Жан собрал все силы, чтобы не закричать от ужаса перед этими мрачными тоннелями, каждый метр которых стоил человеческой жизни.

Наконец, на восьмой день поезд остановился около гигантского колодца, казалось уходившего в самые недра земли.

Наверху свод образовал гигантский четыреугольный купол, диаметром около километра и высотой в несколько сот метров. Стены, поддерживающие купол, испещренные балкончиками и висячими галлерейками, соединялись подвесными мостками, на которых кишел человеческий муравейник. Сверла и электрические буры, подвешенные над бездной, без устали сверлили потолок.

— Эта бездна доходит до центрального огня, до расплавленного земного ядра, — сказал японец. — Это одна из естественных трещин, способствующих остыванию земли. Тысячи людей пробовали опускаться в нее, и девять десятых из них погибли. Но оставшиеся произвели важнейшие для нашего дела наблюдения.

— И это дело...

— Это тайна Японии. Но для вас она перестанет быть тайной. Заметьте, что этот свод имеет свыше километра в длину и точно совпадает с размерами провала, ведущего к центру земли. Мы находимся сейчас на пятьсот метров под дном глубины Тускакора, одного из самых глубоких мест океана: шесть тысяч метров, это серьезная глубина! Не догадываетесь ли вы теперь, что делают эти люди?

Жан с ужасом смотрел на него.

Странный проводник улыбнулся.

— Они готовят брешь, через которую Тихий океан уйдет в недра земли. Они хотят осушить океан.

9. Тайна Японии.

ОСУШИТЬ океан!

Жан окаменел.

Он закрыл глаза, точно очутившись на краю бездны. Грандиозность замысла привела его в ужас. Он не поверил. Он решил, что это бред сумасшедшего.

— Невозможно! — воскликнул он.

— Вы не верите? Пойдемте к человеку, который составил этот проект. Он вам приведет цифры и убедит, что нет ничего невозможного для человеческого гения.

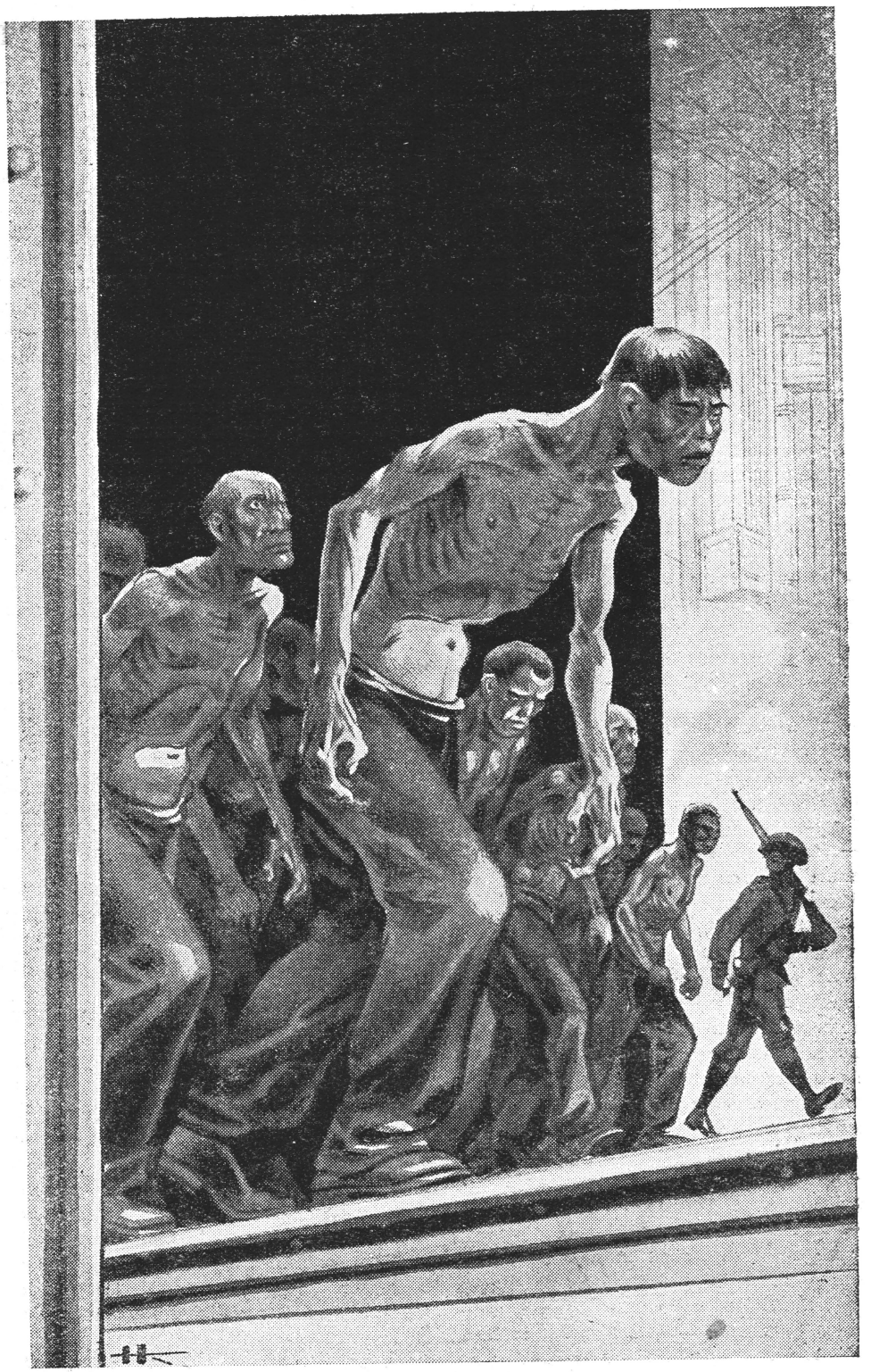
Под двойным стальным канатом у края бездны болталась в воздухе вагонетка.

— Сядем сюда, — предложил японец. — Это довольно примитивный способ подъема, но все же достаточно удобный. Он доставит нас под купол.

Вагонетка поднялась вверх, визг и скрежет электрических буравов раздавался над самой их головой.

Рабочие подхватили вагонетку, и проводник предложил Жану выйти. Избегая смотреть вниз, они медленно двинулись по досчатому мостику.

На некотором расстояния от них начинался довольно широкий коридор, высверленный в скале. Он заканчивался



На них было какое-то клеймо смерти...

обширной пещерой, где над освещенными электричеством столами склонились люди. Среди них жестикулировал высокий, худой человек, одетый в рабочий костюм из коричневого вельвета.

— Вот один из членов бюро руководителей, технический директор всего предприятия, — сказал японец. — Он — американец, единственный, кроме вас, белый во всем подземном царстве; это организатор всего дела, гений, которого Япония сумела использовать.

Японец подошел к янки.

— К вам посетитель, мистер Биг, —сказал он. — Молодой француз, о котором я вам говорил.

И обернувшись к Жану, представил ему американца.

— Мистер Биг, наш инженер, который посвятил себя нашему делу и тридцать лет не видел солнца.

— С меня достаточно и электричества,— ответил странный инженер. — Рад вас видеть, мосье. Если я вам нравлюсь, пождем друг другу руки и покончим с формальностями.

— Я в восторге от встречи с вами, — пробормотал Жан.

— Ладно. И вы попали в эту чертову дыру? Ах, как безрассудна молодость!

Японец скорчил гримасу.

— Мосье д'Антрево не верит, что вы можете осушить океан.

Инженер рассмеялся.

— С первого взгляда это кажется, конечно, вздором. Но присмотревшись, можно и поверить. Общая поверхность океанов равна, приблизительно, трем стам семидесяти миллионам квадратных километров. Взяв за среднюю глубину четыре тысячи метров, мы получим массу воды в тысячу пятьсот квадралионов кубических метров, которую нужно разместить в недрах земли.

— Но земля же не пустая внутри? — вскричал Жан.

— Спокойно! Конечно, не пустая. Внутри земного шара находится смесь земли и металла, окружающая раскаленную массу. Но, охлаждаясь, тела сжимаются. На этом факте и строится весь мой расчет. Остывшие массы занимают меньший объем, чем расплавленные. Совершенно логично предположить, что в недрах земли существует большое количество пещер, впадин, словом, свободных помещений, из которых некоторые достигают центрального расплавленного ядра.

— Одну из таких расщелин вы и видете, — вмешался японец.

— Эти расщелины и пещеры, — продолжал американец, — образуют огромные пустоты, куда можно спустить массу воды.

— Но тогда необходимо соединение между всеми подземными помещениями.

— Именно. Но это дьявольски сложная работа: найти их все, соединить между собой и с дном океана. К счастью, это нам не нужно. Если поток воды не сможет разместиться в предоставленной ему подземной квартире, достаточно прорыть небольшой ход к центральному огню...

— Но вода его потушит.

— Вздор! Она достигнет его лишь в виде пара.

— И этот пар...

— А это дело вулканов! — захохотал мистер Биг, и глаза его странно сверкнули.

— А, чорт! — продолжал он, — эта перспектива обещает потухшим от безделья беднягам некоторый период новой жизни. Но они привыкли к таким вещам. Все извержения не что иное, как результат проникновения морской воды в земные недра. Это будет немного посерьезнее, только и всего.

В тоне инженера Жан прочел какую-то затаенную угрозу.

— Вернемся к нашей задаче, — продолжал инженер, — в общем, для ее разрешения достаточно открыть сток для вод в дне океана. Практически, для осушения океанов, в виду разности глубин, потребуется целый ряд брешей в самых глубоких местах. Это заставило бы нас вскровырять пол-мира, и мы отказались от этого плана. Мы не собираемся осушать все океаны; мы уберем только две трети их. Таким образом, нам остается убрать всего миллион триллионов кубических метров воды. Мы пробили в почве острова Иезо четырнадцать колодцев-шахт того типа, что мы видели. В тот день, когда работа будет окончена, я нажму несколько

кнопок и открою в дне океана семьдесят трапов, куда хлынут воды океанов. Эта пещера, где помещается мой главный штаб, находится под самым глубоким местом океана; здесь заложена главная мина, которая взорвет Тускарору, имеющую в этом месте пять с половиной тысяч метров глубины. Видимо, все-таки нам не удастся осушить всю Тускарору, которая порой доходит до восьми тысяч метров; ну, что ж, у нас будет небольшое запасное озеро. Надо же оставить немного воды для рыб.

И снова усмехнулся странный инженер.

Жан молчал, и янки заговорил снова;

— А знаете, сколько времени продлится моя маленькая операция? Двадцать три дня! Ни часу больше. Ровно двадцать три дня с той минуты, как я открою шлюзы. Разумеется, тут могут быть разные привходящие обстоятельства, которые сейчас трудно учесть. Но, так или иначе, океан уйдет под землю и покажет свое дно.

— Предположим, — возразил Жан. — Ну, вот океан высох. Зачем это нужно?

— Слово принадлежит господину, — оскалился инженер, насмешливо указывая на японца.

Тот улыбнулся.

— Разве вы не понимаесе? Я же вам говорил, что там наверху для людей не хватает места. На земле слишком много безработных и слишком много умирающих с голоду. Необходимы новые свежие пространства для колонизации. Это необходимо не только для того, чтобы предотвратить революцию, заняв свободные руки и вдохнув новые надежды в сердца отчаявшихся; это необходимо еще для того, чтобы мировое богатство не стабилизировалось в худшем смысле этого слова, чтобы не прекращалось поступательное движение культуры. Мы же дадим земле новые громадные материки. Какие огромные новые возможности расселения! Какие богатства скрыты в недрах новых земель! Вообразите только новую жизнь, которая начнется здесь.

В глазах японца сверкал энтузиазм.

— Не все увидят это, — вздохнул француз.

Глаза японца метнули молнию.

— Нет,—оскалился он.— Многие падут жертвами за новую, лучшую жизнь, будут вольные и невольные мученики. Если твердые породы не поддадутся действию взрыва, понадобятся люди, чтобы просверлить их. Те, кто останутся до этой минуты, не смогут спастись.

Борьба Миров

— И вы хладнокровно решаетесь на такую жертву?

— Так будет. Так должно быть! — твердо ответил японец. — Тот, кто обречен, не выйдет отсюда. А некоторых из них тоже ждут невесты, Жан д'Антрево.

Молодой человек вздрогнул.

— Невесты? — растерянно повторил он.

Он вспомнил о Сюзанне.

Но при чем тут этот японец?

— Вы никогда не выйдете отсюда, Жан д'Антрево! Вы умрете здесь и никогда не увидите больше дневного света.

Жан яростно сжал кулаки.

— Кто это сказал?

— Господин.

— Но кто это? Что я ему сделал?

— Что ты ему сделал? — глаза японца вспыхнули. — Ты все поймешь, если я скажу его имя.

— Его имя?

— Кацуга.

Жан побагровел.

— Где он?

Японец презрительно скривил губы.

— Это я.

— Ты?!.

Жан бросился на него, но двое японцев крепко схватили его за руки. В следующую минуту Кацуга исчез.

В отчаянии Жан опустился на землю и закрыл лицо руками.

Мистер Биг, неодобрительно наблюдавший за происходившим, подошел к нему.

— Чорт побери! — сказал он. — Этот Кацуга — последний негодяй. Жаль, что я не всадил ему пулю в башку. Но к чему? Все равно ничем не поможешь.

Потом он поднял Жана и пожал ему руку.

— Мужайтесь, мальчик мой! — воскликнул он. — Не все ли равно, где умереть, если подпрыгнет вся наша планета?

Борьба Миров

10. Катастрофа.

Мистер Биг был, несомненно, человек весьма знающий, в своем роде гениальный. Жан инстинктивно чувствовал, что ему можно верить.

Почему же он произнес такую странную фразу:

— Подпрыгнет вся наша планета?..

Почему он сказал это только после ухода Кацуги?

Жан нашел в себе силы спросить:

— Что вы хотите этим сказать?

— Что совершенно безразлично, где быть — наверху или внизу — в тот день, когда мы пробьем дно океана. Неужели вы думаете, что хватит на свете вулканов, чтобы выбросить наружу грандиозные массы пара, которые получатся в результате нашей операции? Вся планета подскочит, потому что никакие стены, будь они в сто раз толще земной коры, не выдержать подобного давления. Океан, ворвавшийся в центр земли в область вечно-кипящей массы, произведет эффект факела, брошенного в пороховой склад.

— Но вы говорили Кацуге...

— Я говорил ему то же самое, что говорил тридцать лет подряд; что он делает замечательное дело, что это гениальная попытка, чудесный проект, достойный японских мозгов. Но правда в том, что он меня обокрал, он меня эксплоатирует и не задумается прикончить меня, если я пожелаю уйти отсюда; а я его заставляю верить в свой проект, не раскрывая всех карт. А мой проект отличается от его. Весь мир в порошок! Земля вдребезги! Все эти идиотские создания во главе с человеком будут превращены в ничто, без надежды на возрождение. Я очаровал желтого дьявола и добился от Японии нужных мне миллиардов золота и миллионов жизней, а они думают, что я работаю на них. Идиоты!

Это говорил сумасшедший, безумец, но безумец, способный осуществить свои бредовые идеи. Жан видел это. Американец сделал ему свои страшные признания, чтобы утешить его, показав бесполезность борьбы. Раз ни один человек не спасется, о чем, собственно, жалеть?

И сверху и снизу смотрела смерть.

ЖАН бродил по пещере в каком-то отупении.

Сперва он возмущался, мечтал о побеге, готов был даже попасть под выстрелы стражи, лишь бы сбросить этот гнетущий кошмар.

Но скоро он сознался в своем бессилии и блуждал по галлерее, неизменно упираясь в глухие тупики, искал случайного выхода и не находил его. Он машинально ел, пил и спал, и все думал о том, что делается там, наверху.

Одна из боковых пещер была пустая и темная. Здесь жил инженер Биг, здесь можно было укрыться от визга буравов и беспощадного электрического света. Большинство времени Жан проводил в ней.

Инженер относился к Жану с грубоватой симпатией и пригласил его жить вместе с ним.

На смену ежедневно умиравшим рабочим, поезда подвозили к краю бездны все новые и новые полки рекрутов. Жан ежедневно наблюдал за их прибытием.

Однажды, когда Жан уныло сидел на обломке скалы у провала и наблюдал за прибытием нового транспорта, он увидел, как один китаец гигантского роста отделился от группы прибывших и побежал по мосткам к нему, крича:

— Мосье! Вот вы где, мосье!..

Японская стража хотела его задержать, но один из начальников что-то крикнул, и японцы отступили.

— Гайеду! — воскликнул Жан, узнавший, несмотря на грим, в этом китайце своего слугу.

Он посвятил Гайеду в курс событий, рассказал про угрозы Кацуги и о том, что их ожидает.

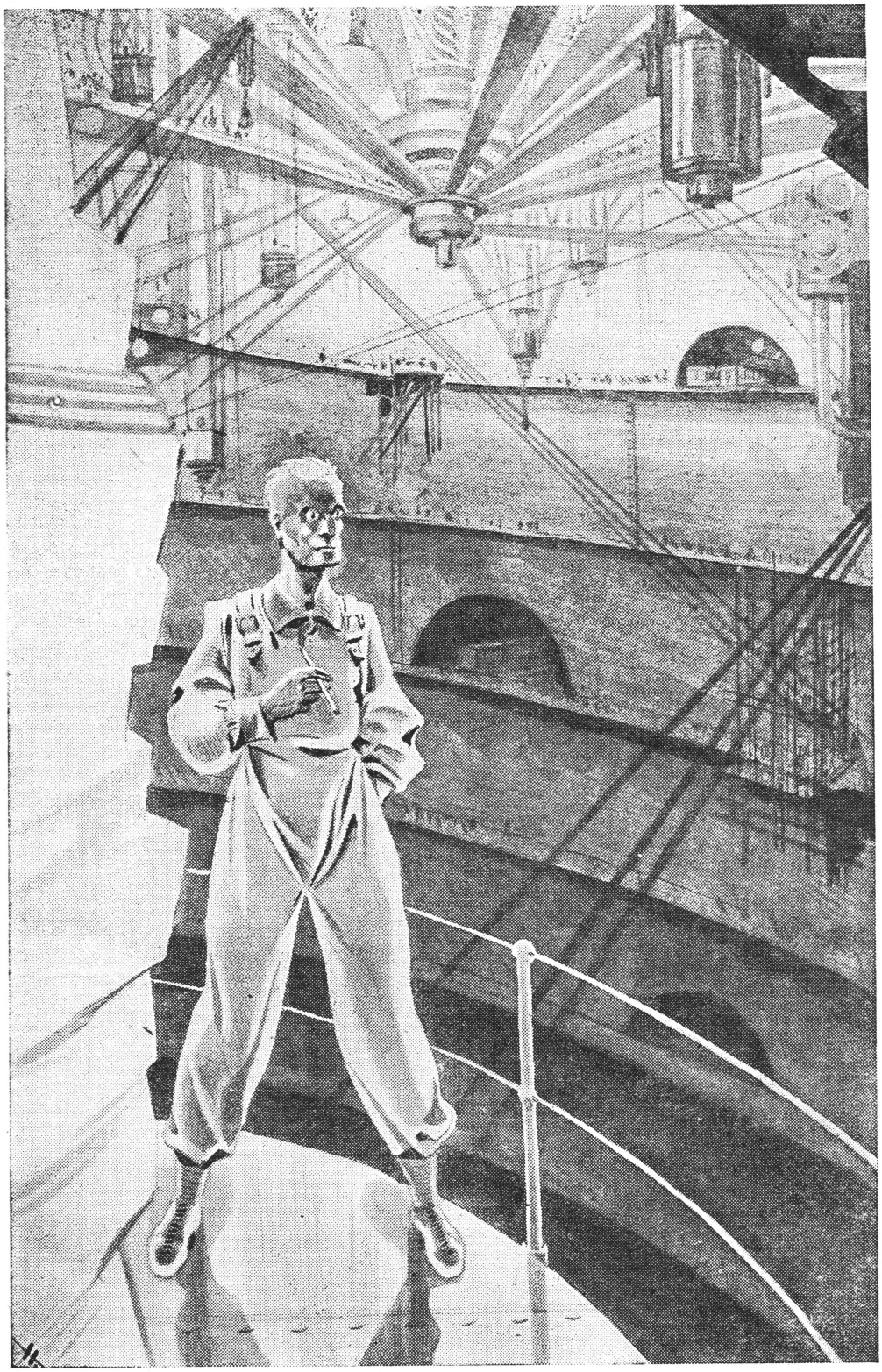
ПРОШЛО еще несколько дней, унылых, похожих один на другой, посвященных бесполезным скитаниям между пещерой и провалом.

Работы, видимо, подвигались к концу.

Мало-по-малу тысячи рабочих, работавших на подвесных мостиках, сводились вниз, к краю бездны, и поезда увозили их.

Однажды утром французы не услышали больше воя машин. Под куполом не было ни души.

С Жаном и Гайеду остались только мистер Биг и несколько японцев. В пещере царила непривычная тишина.



Мистер Биг.

Инженер вызвал французов в галлерею.

У него был сияющий вид и он энергично потирал руки:

— Алло, ребята! Это будет сегодня.

Жан побледнел.

— Вы взорвете дно?

— Обязательно! Здесь вы будете сидеть, как в ложе, и наблюдать кончину мира. У нас будет время насладиться зрелищем, прежде, чем все полетит к чертям. Право, это будет замечательный спектакль, какого еще не видели со времени старика Ноя.

— Я не хочу умирать здесь, — простонал Жан.

— Э, бросьте, мальчик. Не падайте духом, ваши братья наверху тоже передохнут. Мы умрем здесь, зная и видя все, а они умрут глупо, как клопы в свечке.

Но Жан не слушал его.

— Не хочу! Не хочу умирать! — кричал он. — Нельзя ждать этого хладнокровно. Гайеду, бежим!

И он бросился вдоль по галлерее.

Мистер Биг не тронулся с места.

Подбежав к краю бездны, Жан вскрикнул: японцы стояли на другом краю пропасти и уничтожали остатки мостика.

Белые были заперты в галлерее с пещерой.

Наверху копошились фигурки. Это японцы в последний раз проверяли соединение электрических проводов с миной, которая должна взорвать купол.

Смертельный ужас объял французов.

Позади них раздался голос инженера.

— Не сходите с ума, дети! Умереть вовсе не так страшно. Лучше полюбуйтесь на последок моим фейерверком.

— Готово там, наверху?—раздался громкий голос инженера.

И в ответ раздался хор десяти голосов:

— Мы готовы!

— Начинаем.

Секунда страшного ожидания.

Потом — взрыв. Сверкнула молния, раскат грома разодрал настороженную тишину. Купол треснул, разлетелся на сотню кусков и полетел в бездну.

Страшный поток воды хлынул в образовавшуюся брешь.

Жан и Гайеду всплеснули руками, точно пытаясь отстранить надвигающуюся гибель.

Американец, сверкая глазами, безумно кричал, стараясь покрыть страшный шум водопада.

В этот же момент послышался дикий свист, поток воздуха втолкнул их в глубь галлереи, опрокинул и разбросал по каменному полу.

11. На новой земле.

КАЦУГА, выйдя из шахты, в глубине которой он оставил Жана д'Антрево, отправился в Америку. Надо было сделать много приготовлений, надо было согласовать работу союзников и заранее разделить сферы действий.

Раньше всего надо было захватить новые земли и организовать там жизнь, придать им ценность. На новых материках должны были подняться города, получающие все из метрополии в долг, в счет будущих своих богатств.

Все это дело необходимо было провести чрезвычайно быстро. Надо было захватить лучшие куски, прежде чем остальные народы устремятся на новые земли.

И план был найден.

Япония уже сделала необходимые приготовления, и Кацуга приехал сообщить об этом союзникам.

Вечером того дня, когда он прибыл в Америку, морское министерство объявило мобилизацию флота, и через несколько дней дредноуты и крейсера, сопровождаемые отрядами более мелких судов, отплыли из различных портов по неизвестному направлению.

Все совершалось в полнейшей тайне. Каждый командир судна вез с собой запечатанный приказ, который должен был вскрыть лишь в открытом море. Только тогда он мог узнать точное место, куда должен был плыть его корабль.

Эти точно намеченные пункты были предложены Кацугой.

По его плану нужно было рассеять по всему пространству Тихого океана японский и американский флоты таким образом, чтобы к моменту ухода воды, корабли, находящиеся на определенной дистанции друг от друга, образовали тройную цель

между американским континентом и японскими островами.

Таков был японский план.

Однако, таинственное отплытие могучей армады, для которой были мобилизованы все без исключения пароходы и даже яхты и рыбачьи суда, не могло не возбудить всеобщей тревоги. Начали усиленно распространяться слухи о войне с Европой. Последняя лихорадочно вооружалась, собирала свои рассеянные по всем морям корабли для защиты берегов от предполагаемого нападения заокеанских врагов.

Чтобы не попасть между двух огней и не быть втянутыми в вооруженное столкновение, флоты Африки и Океании тоже собрались в своих портах. Весь мир замер, ожидая событий.

Эта повсеместная приостановка морских рейсов была как-раз на руку Японии и Америке, очистив им поле действий. Кроме того, это великолепно маскировало их истинные намерения.

Они отлично понимали, что когда высохнут океаны, флоты всего мира станут ненужным хламом и могучие сверх-дредноуты превратятся в немощных паралитиков.

И вдруг грянул давно подготовляемый удар. В три недели огромная водная поверхность, покрывавшая две трети земли, исчезла, как по волшебству. Океаны высохли, и только в наиболее глубоких местах образовались соленые озера и миниатюрные замкнутые моря.

С другой стороны, природные возвышенности, вроде Комморской группы островов и Реюньона, превратились в громадные горы. Образовался большой горный массив Мадагаскара и колоссальный австралийский континент, поглотивший Тасманию и Новую Зеландию.

Северная и средняя часть Тихого океана, где находились поглощающие бреши, пробитые японцами, высохли целиком. Обнажилось дно самого глубокого места на земном шаре — Тускарора.

Но все это узнавалось постепенно, много позднее самого события, когда географы обоих полушарий смогли беспрепятственно исследовать новые очертания земли. На следующий день после взрыва, все подумали, что отлив у берегов Европы, Австралии и Африки вызван усиленным прибоем у берегов Америки. И когда на следующий день американское официальное радио не без сарказма сообщило всему миру истинное положение дел, никто ему не поверил.

Борьба Миров

Однако, уже через неделю стало очевидно, что американцы правы. Океаны исчезли, материки изменили свои очертания. Начиналась новая эра в жизни земли.

Кацуга торжествовал.

Однако, одно обстоятельство заставляло его тревожиться, и с каждым днем он волновался все больше. Япония не отвечала на вызовы по радио. Радиограммы со всех пунктов земного шара сообщали об усилении вулканической деятельности. Проснулись кратеры вулканов, потухших много веков тому назад, разверзались новые бездны и с небывалой яростью выбрасывали потоки лавы.

Все это заставляло Кацугу стремиться в Токио.

Но как туда попасть?

Морского сообщения более не существовало, и оставался единственный путь — по воздуху.

Ранним утром с аэродрома Сан-Франциско поднялся аэроплан. Оторвавшись от земли, он сделал круг над городом и взял курс на запад. Доктор Кацуга покинул Америку.

В тот момент, когда Кацуга начинал свой полет в Японию, около одного из крейсеров, стоявшего на дне Тихого океана на полдороге между американским берегом и новой границей с Японией, показалась группа измученных людей. Это были Джим Санди с семьей и команда яхты, три дня назад покинувшие остатки своего корабля и бродившие с тех пор по вязкому дну океана в поисках помощи.

12. Три недели агонии.

ПОТОК воздуха, сбивший с ног трех свидетелей страшного взрыва, пронесся, не причинив им особого вреда.

Гайеду первым пришел в сознание. Кругом была абсолютная темнота.

— А ведь я еще не умер, — пробормотал он, — впрочем, это только начало, дальше будет хуже.

Бороба Миров

Он ощупал себя: все тело болело и ныло, на лбу красовалась огромная ссадина от удара о камень.

Падение воды продолжалось; гул ее наполнял галлерею.

Вдруг рядом с собой Гайеду услышал жалобный стон.

Быстро ощупав руками пол тоннеля вокруг себя, он наткнулся на тело.

— Это вы, мосье? — вскричал он.

Ему ответил тихий стон:

— Гайеду... мы еще живы?

— Повидимому, мосье, раз можем говорить...

— А мистер Биг?

— Сейчас поищу.

Оба француза ползком направились внутрь галлереи. Вскоре они наткнулись на тело инженера.

Ему пришлось хуже, чем им. Потоком воздуха его ударило головой о каменную стену, и потребовалось немало времени, чтобы привести его в чувство.

Наконец, он застонал и пришел в себя:

— Алло, ребята, что тут случилось! — воскликнул он. — Машина отказалась работать?

— Брешь пробита, — ответил Жан. — Разве вы не слышите шум водопада?

— Так значит, мир не полетел к чертям? Планетка наша еще вертится?

— Пока вертится, — не удержался от улыбки Жан.

Глубокое разочарование инженера было комично.

— Может быть вода еще не добралась до центральной кочегарки? Тогда мы еще попрыгаем.

— Веселенькая перспектива, — пробормотал Гайеду.

Пробормотав что-то непонятное, янки пошел в глубь галлереи, в пещеру, и через минуту там вспыхнул огонек.

Держа в руке электрический фонарик. инженер прошел мимо французов к выходу из галлереи.

Французы видели, как он стал на четвереньках приближаться к водяной стене, толкая что-то перед собой.

Слабый свет фонарика не позволял им рассмотреть, что он делает. Но вдруг их уши, уже привыкшие к монотонному гулу водопада, различили новый звук.

Инженер вскочил с радостным криком и побежал обратно в боковую пещеру.

Неожиданно вспыхнул яркий свет, и Жан с недоумением увидел, что вдоль стены тянется провод, к которому подвешен ряд электрических ламп.

Гайеду радостно воскликнул:

— Вот это великолепно! Умирать, так при свете!

Инженер довольно потирал руки.

— Я принял кой-какие меры предосторожности, — заявил он. — Взрыв заставляет себя ждать. Я это предполагал. Но все-таки я не думаю, что все пойдет и дальше так же тихо и мирно. Что ж, подождем светопреставления. Пещера наша крепкая, и мы дождемся начала спектакля.

— Но как вы ...

— Осветил галлерею? Чепуха! — захохотал Биг. — Перед нами водопад, и я использовал его силу. Все было подготовлено заранее, и моя электростанция была готова к работе.

— Припасов нам хватит месяца на три, если не больше, — продолжал американец. — Да и напитки имеются. Я не сторонник сухого режима. Мы будем дышать не отвратительным спертым воздухом, а чистым, нормального состава. Видите машинку в углу? Это ее работа. Она питается углекислотой и производит воздух. Своего рода механическое растение. Мы выдержим до конца, ребята!

Он взглянул на часы и помрачнел.

— Я сейчас займусь кой-какими вычислениями, чтобы посмотреть, чего нам следует ожидать. Вода должна была уже достигнуть центра.

— Вы уверены, что произойдет катастрофа? робко спросил Жан.

Американец яростно сверкнул глазами.

— Уверен? Разве можно быть уверенным в чем бы то ни было? Мое мнение, что все это кончится катастрофой.

— Ну, а если взрыва не будет, что тогда произойдет?

— Видите ли, у нас есть несколько возможностей погибнуть. Когда океан опорожнится, поток уменьшаясь зальет нас. Мы потонем, как крысы. Другой случай: пар под бо́льшим давлением идет снизу, вытесняя воду, несет с собой газы, заполняет все ходы и наносит и нам маленький визит до выхода наружу. От чего вы

предпочитаете умереть: от воды, от ожогов пара или от ядовитых газов?

— Значит...

— Ничего не значит, — перебил инженер. — Я просто перебираю возможности. С уходом воды, мы очутимся в темноте. Нет воды, стоит турбина, нет счета. Представляете себе всю прелесть существования в темной пещере?

— Но мы увидим небо. Раз вода уйдет, мы увидим дневной свет и довольно близко.

— Но не сможем до него добраться. Два месяца вы сможете смотреть в окошко, а потом придется умирать от голода. Хотя я все же надеюсь, что мы выпрыгнем, если, конечно, нас раньше не зальет, не зажарит и не задушит.

И мистер Биг пошел слушать шум водопада.

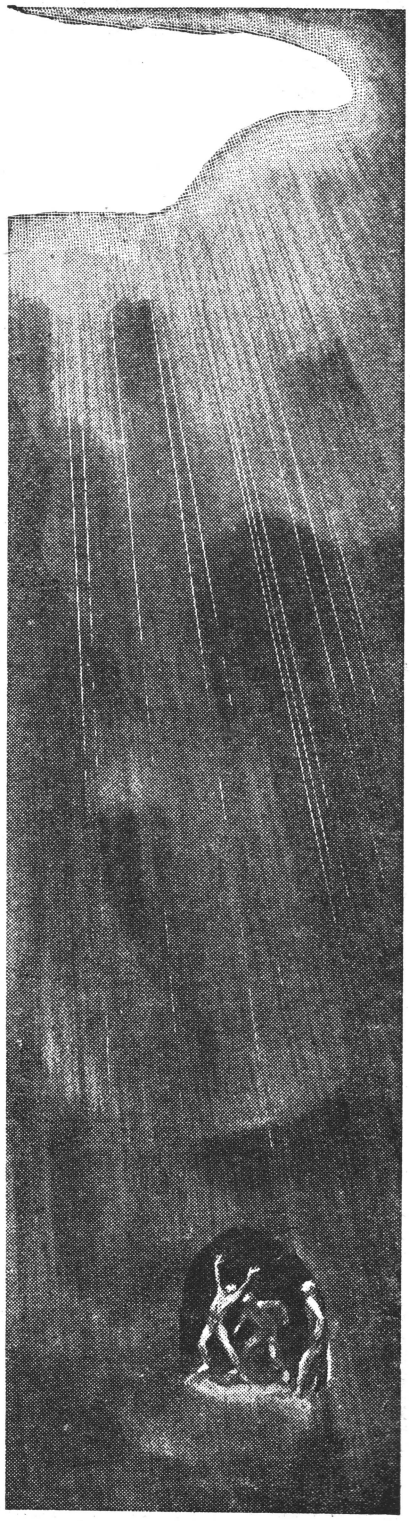
Появилась новая надежда. Однообразное существование в пещере не казалось таким безрадостным. Это было тюремное заключение в достаточно просторной и удобной камере.

ПРОШЛО несколько дней. Вода наконец начала замедлять падение. Предсказание инженера начало оправдываться. Шум стал затихать.

Но это почти беззвучное падение воды было еще страшнее.

Проснувшись однажды утром, затворники увидели, что галлерея залита водой.

— Это конец? — спросил Жан и прибавил: — Но вода как будто не прибывает?



Над ними зияла брешь купола...

— Так и должно быть, — откликнулся инженер. — Пол галлереи повышается к пещере. Вода не пойдет дальше: ей мешает сопротивление сжатого воздуха. Мы очутились в водолазном колоколе.

— Но что будет, когда поток схлынет и очистит доступ притоку свежего воздуха?

— Да вода попросту уйдет. Раз отступив, она не вернется.

События вскоре подтвердили его слова. Пещера оставалась сухой, и вода начала медленно спадать.

Тогда потускнел свет электричества.

— Ток слабеет, — сказал инженер. — Вот когда начинается неприятность.

— Пойдем и посмотрим на небо!—воскликнул Жан.

Все бросились к выходу из галлереи.

Жан радостно закричал, и его крик подхватил Гайеду.

Невысоко над ними зияла брешь купола, а над ней—лазурное небо.

Они простирали к нему руки и полной грудью вдыхали воздух, насыщенный иодистыми испарениями и солью.

У их ног расстилалось озеро. В центре его был небольшой водоворот, но по краям оно было совершенно спокойно. Его уровень медленно, но непрерывно понижался.

Вода основательно размыла купол, и теперь

края его были шире, чем отверстие колодца. Стены, когда-то гладкие, были основательно разворочены, испещрены трещинами и глубокими выбоинами.

Жан с надеждой всматривался в стены. Ведь только десять метров неровной, почти отвесной поверхности отделяли их от солнца, от жизни.

— Можно бы... — начал он

— ... попробовать... — подхватил инженер.

— ... взобраться!—закончил Гайеду.

У всех голова закружилась от волнения.

— Нет ли у вас кирки? — решительно спросил Гайеду.—Я... того... полезу...

— Свалитесь!

— Не свалюсь!

— Свалитесь, чудак-человек!

— Ну, и наплевать! А не свалюсь, вас вытащу. Да чем я рискую?

Жан и Гайеду атаковали инженера, и он сдался.

— Ладно, но киркой тут ничего не сделаешь. Нужна система. Время у нас есть, провизия тоже. Я вам покажу, на что способен инженер-янки. Если не боитесь работы, вырубим здесь лестницу и поднимем с собой кой-какие инструменты и провизию. Почем мы знаем, что вас ждет наверху?

РАБОТАЛИ с энтузиазмом. Три дня ушло, чтобы вырубить первые четыре гигантских грубых ступени. Работали по ночам при свете горелок, сооруженных американцем из тряпок и виски. Пришлось закладывать ряд мин и взрывать их, при чем не всегда взрывы бывали удачны: иногда они губили труд целого дня.

Наконец, была вырублена двенадцатая ступень. Больше не требовалось. Дальше была земля.

Был уже вечер, когда они, нагруженные провиантом, шатаясь, выбрались на подсохшую почву.

Вокруг было почти темно, но вдалеке чернела какая-то быстро удалявшаяся точка.

— Аэроплан!—воскликнул инженер.

— Не может быть!—возразил Жан,

— Верно, мосье, — поддержал Гайеду. Ведь если желтые осушили океан, то не для смеху же только. Вот теперь их аэропланы и носятся здесь.

— Так надо звать на помощь!

— Стоп!—вмешался инженер.—Если это японцы, то лучше помолчать. Ведь Кацуга приговорил нас к смерти. Пойдемте лучше потихоньку. Куда? Да хоть за аэропланом!

И они тронулись в путь.

13. Неожиданная развязка.

АЭРОПЛАН доктора Кацуги снизился у крейсера „Огайо“, неуклюжей громадой возвышавшегося над илистой равниной. До новой японской границы оставалось еще около тысячи километров, которые Кацуга решил покрыть на гусеничном автомобиле, прекрасно преодолевавшем вязкую почву.

На крейсере японца ждали две новости.

Первая из них заключалась в известии о спасении Джима Санди и его семьи. Сюзанна была жива, и только несколько сот километров отделяли японца от крейсера, на котором она находилась.

Вторая новость была хуже. На японских островах и в тех местах дна океана, где были пробиты бреши в глубь земли, бушевало невиданное извержение. Всякое сообщение с Японией было прервано.

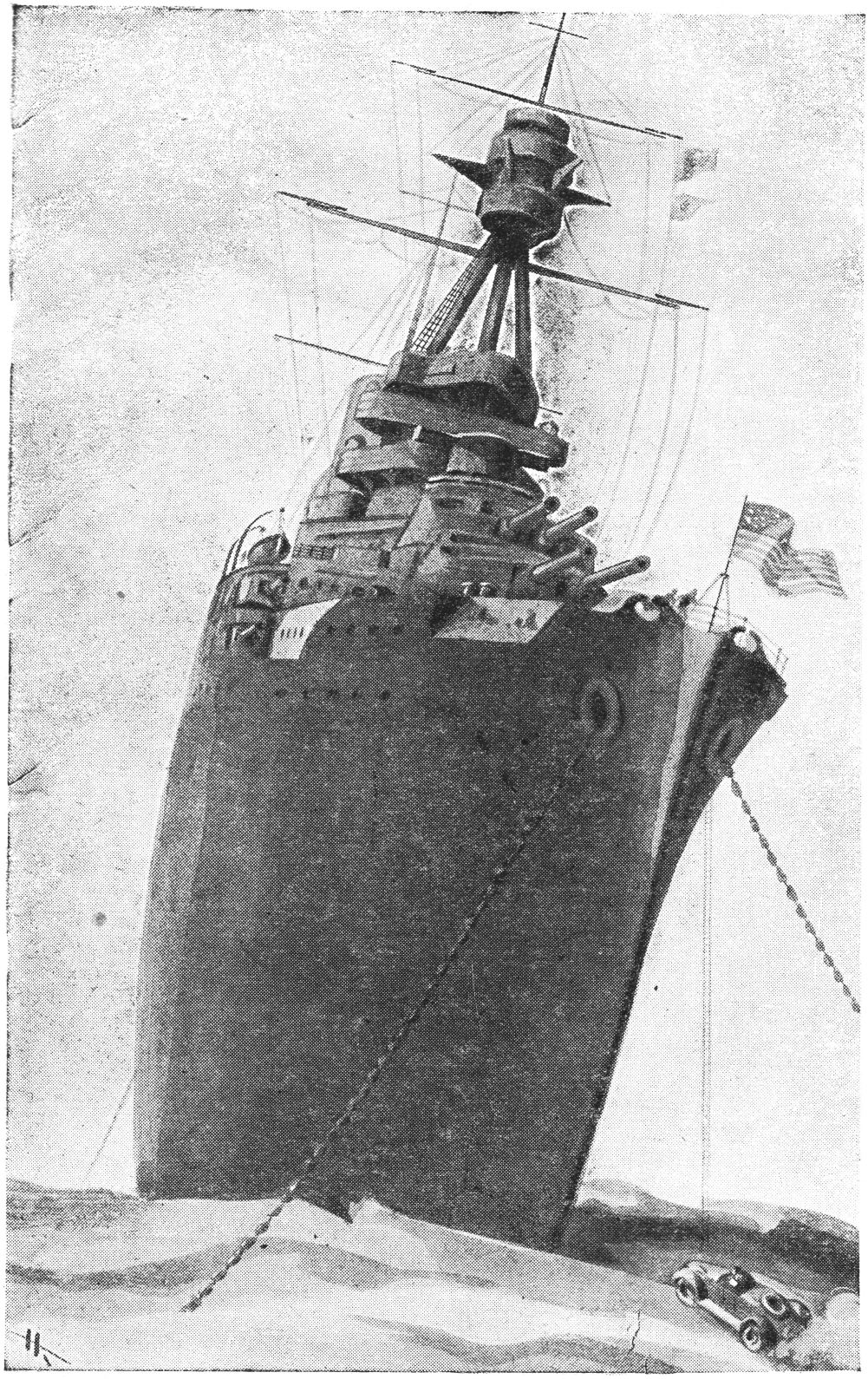
Кацуга с минуту колебался. Наконец, влечение к родине победило, и он приказал приготовить автомобиль.

Перед отъездом японец имел продолжительный разговор с командиром крейсера, результатом которого был обмен шифрованными радиограммами между крейсером и Советом трестов и приказ по радио командиру того крейсера, на котором находилась семья Джима Санди. В тот же день американцам были отведены две лучшие каюты крейсера, но им было сообщено, что они будут задержаны на крейсере впредь до нового приказа Совета трестов.

Кацуга уехал с „Огайо“, уверенный, что Сюзанна будет его женой.

Пять дней длилось утомительное путешествие.

На шестой день далекое розовое зарево показалось на горизонте. Потом можно было различить языки пламени



... крейсер „Огайо" неуклюжей громадой возвышался над плоской равниной.

вздымавшиеся высоко к небу. Столбы черного дыма, смешиваясь с облаками, образовали тяжелые черные и рыжие завесы, закрывавшие горизонт. Непрерывно раздавались подземные удары, создававшие впечатление, что путешественники приближались к полю гигантской битвы.

Чем ближе подъезжала машина, тем яснее становилась страшная картина извержения и вызванного им пожара.

Машина остановилась у броненосца в нескольких километрах от пожарища.

Это было последнее звено в цепи кораблей, развернутой между Америкой и Японией.

Кацуга, нервно посматривал в сторону пожарища, пока с борта броненосца спускали лестницу.

— Япония?—закричал он, бросаясь к группе офицеров, с биноклями в руках следивших за приближением автомобиля.

Голос его дрожал, может быть первый раз в жизни.

Один из офицеров махнул рукой в сторону моря огня.

— Больше не существует Японии! — сказал он просто.

Кацуга покачнулся.

Япония не существует!

Страшный катаклизм, вулканическое извержение, равного которому не знало человечество, в день осушения океана обрушился на острова Ниппон, Иезо, Сикок и сотни мелких островов, когда-то составлявших страну Восходящего Солнца.

Теперь на их месте бушевало огненное море, извергали пламень и лаву десятки разъяренных вулканов, в недра которых проникла вода океанов.

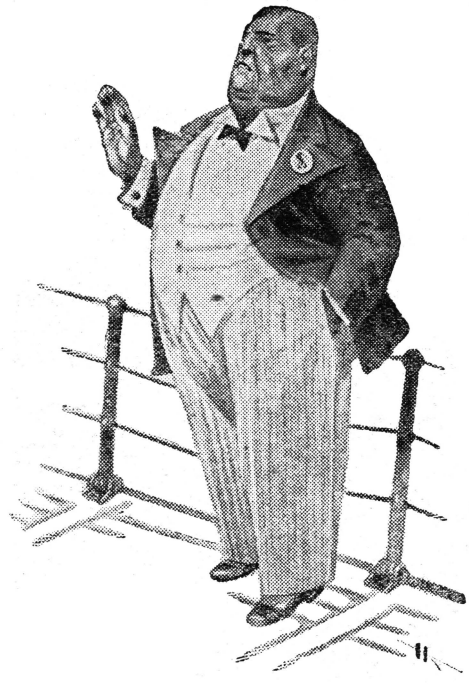
Катастрофа, которую готовил инженер Виг, осуществилась лишь частично. Пары со всей силой бросились в ближайшие вытяжки центрального огня, — группу японских вулканов.

Кацуга окаменел. Все погибло: его гордость, его надежды. Оставалась только Сюзанна, за которую он боролся.

Он взял себя в руки и спокойно сказал:

— Япония уничтожена, но она возродится! Америка унаследует все океанские земли. Но договор имеет один пункт, касающийся лично меня. Сдержит ли Америка свое слово?

— Америка заплатит!— ответил толстый джентльмен в штатском. Это был полномочный представитель Совета трестов, человек, имевший право оформить брак Кацуги и Сюзанны.



— Америка заплатит!

— Хорошо, — поклонился японец. — Я знал, что в коммерческих делах американцы честны.

— Вы получите плату за комиссию,— холодно сказал янки.

В это время вдали послышалось какое-то странное жужжание.

Неожиданно раздался крик. На палубу вылетел пьяный от возбуждения радио-телеграфист, размахивая бумагой:

— Слушайте! Слушайте! — кричал он.

За бортом послышались отдаленные крики.

К броненосцу мчался автомобиль, в котором стояли пятеро людей, жестикулировали и кричали.

А откуда-то сбоку доносилось жужжание все слышнее и ближе.

Один из офицеров выхватил бумагу у телеграфиста, прочел, побледнел и дрожащими руками протянул ее представителю Совета трестов.

Тот начал читать вслух.

„Всему миру. Всем странам.

Совет трестов низложен восставшими американскими рабочими. Вся власть...“

Он побледнел, как смерть.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Все обернулись на крик.

С запада надвигалась туча. Ее жужжание превратилось теперь в мощный рокот.

Тысячи громадных аэропланов плыли по воздуху, закрывая небо могучими крыльями.

На нижних сторонах крыльев алели пятиконечные красные звезды.

Россия спешила на помощь американской революции.

Все стояли, затаив дыхание.

Вдруг на борт ворвались Жан и Гайеду.

Мистер Биг возился внизу с автомобилем.

Сразу поднялся хаос звуков. Все говорили, кричали вместе. Повалившие на палубу матросы сначала недоверчиво смотрели на группу офицеров, но когда капитан неожиданно обнял ближайшего матроса и пожал ему руку, раздались крики радости.

Борьба Миров

Телеграфиста высоко подкидывали в воздух.

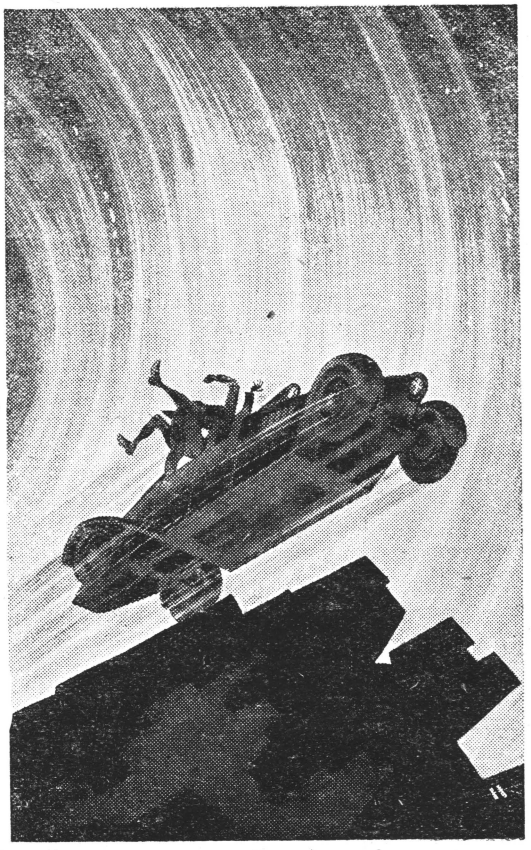
Воспользовавшись суматохой, Кацуга спустился вниз, к автомобилю.

Жан, нагнувшись через борт, видел, как Кацуга пытался пустить машину в ход, но Биг отстранил его и стал что-то говорить, злорадно показывая в сторону пожара.

С невероятной силой схватил его японец и, бросив в машину, дал полный ход.

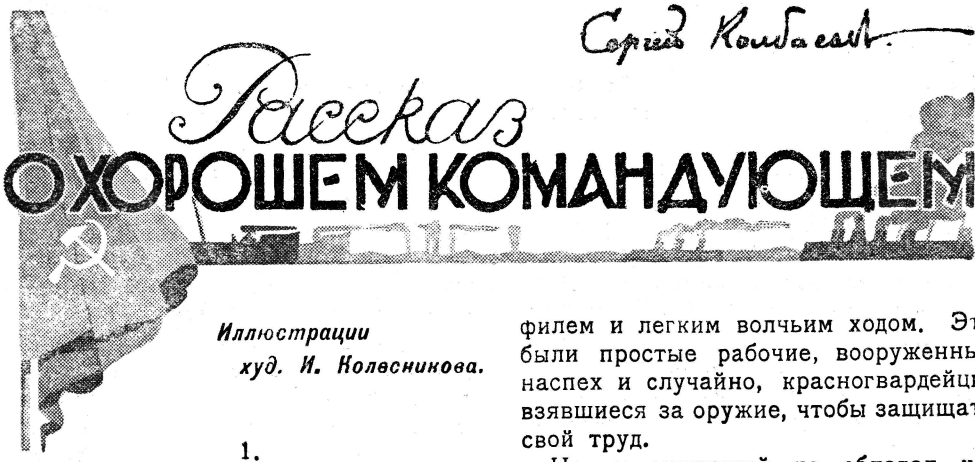
Все дальше мчалась машина, полускрытая клубами дыма. Вот, бестолково лавируя между камнями, пролетела она мимо потока дымящейся лавы, и в следующий миг все на палубе броненосца вскрикнули.

Небольшой язык пламени показался там, где была машина, и она исчезла в море огня.



Сергей Колбасьев

Рассказ о хорошем командующем



Иллюстрации худ. И. Колвснинова.

1.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ литература в общем безвредна, но изучать по ней стратегию не стоит (то же относится и к настоящему рассказу). Стратегию следует изучать на войне, где она является одним из элементов быта.

Хороший командующий не должен обладать излишним воображением, — только тогда он сможет видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Очень важен для него хороший характер и необходим профессиональный юмор.

Одного хорошего командующего я знал лично.

Вместе со своим комиссаром он прогуливался по пристани между двумя рядами боевых кораблей. Было яркое солнце, и совершенный мир в небесах и в порту. Торговки с зелеными горами арбузов, босоногие мальчишки с удочками и военморы в различных формах одежды кучками вокруг балалайки, котла со щами, розовой машинистки из управления порта и взволнованного поросенка, только-что прибывшего на истребителе из Ахтарской станицы.

Боевые корабли тоже выглядели мирно, потому что иначе не умели. Их сделали из ледоколов, насыпных пароходов и землеотвозных шаланд, тех, что вывозят грязь от землечерпалок.

Это не была морская аристократия — серые корабли с волчьим профилем и легким волчьим ходом. Это были простые рабочие, вооруженные наспех и случайно, красногвардейцы, взявшиеся за оружие, чтобы защищать свой труд.

Но командующий не обладал излишним воображением и этого пафоса своей флотилии не ощущал. Ему не нравилось, что она ходила пять узлов.

Канонерские лодки! — Одно название. На них даже 130 миллиметровые пушки выглядели грузовыми стрелами [1]). Командующему захотелось плюнуть на корму флагманского корабля, но он удержался.

Собственно говоря, сердиться на корабли было не за что. Они пришли служить, потому что других не было, и служили хорошо.

У землеотвозных шаланд открывающееся днище и воздушные ящики вдоль борта. Значит в трюмах до ватерлинии вода. Поверх этой воды положили досчатые настилы и на них устроили артиллерийские погреба. Ледокол подняли со дна, назвали „Знамя Социализма“, поставили пушки и сразу пустили в дело. За два года подводного плавания на нем погнило все дерево. Новые помещения заканчивали на ходу: внизу работают плотники, а наверху стоит у заряженных орудий походная вахта. Два раза принимали бой, и от стрельбы сыпались недостроенные переборки. Тогда начинали строить наново.

— Строительство! — пробормотал командующий.—Строить можно в тылу, а тут не тыл, а безобразие. Белые развлекаются всякими операциями,

[1]) Балки, прикрепленные к основанию мачты и служащие для подъема грузов.

а из Москвы по рельсам приплыло высшее морское командование. Срочность! От этой срочности в бою происходят нежелательные чудеса... И потом — команды! Гонят людей со всех четырех морей, а которые из них моряки — неизвестно.

Здесь я должен заметить, что пессимизм командующего был необоснован. Моряков узнавали очень просто. Прибывшего спрашивали:

— Где плавал?

— На Балтийском море.

— На каком корабле?

Почему-то чаще всего отвечали:

— На „Рюрике".

— А на гальюне плавал?

Если говорил: — плавал, — гнали в пехоту, потому что гальюн значит уборная.

Но пессимизм командующего, кроме того, был случаен и ограничен лишь до известной степени, — он проявлялся только перед обедом. И от этой мысли командующий улыбнулся.

Что с того, что у противника настоящие канонерские лодки и даже миноносцы, а в тылу весь Севастополь. Свое дело верное.

— Весело, — сказал он.

— Ничего не весело, — ответил комиссар, тоже думавший о высшем морском командовании.

— Десант, заслон, обстрел, заградительная операция, — все сразу и все в припадке боевой срочности, — засмеялся командующий. — Веселый мужчина! — И бросив окурок в воду, пошел к торговкам. Он очень любил арбузы и безошибочно выбирал их наслух.

2.

Он стоял расставив циркулем длинные ноги, сжав арбуз широкими ладонями и склонив голову набок, немного по-петушьему, и перед ним стоял флаг-секретарь. Флаг-секретарь был очень молод, одет во все белое и очень розов. Фамилия у него была французская и знаменитая.

— Товарищ командующий, — с трудом выговорил он. — Телефонограмма из Бердянска.

Борьба Миров

На флотилии был необычайный процент французов. Предки их в свое время бежали из Франции, чтобы не стать синими, но потомки загладили их вину, став красными, а не белыми. Кровь в их жилах была голубая: — Паттон Фантон де Веррайон, Дандрэ, Гизи, Бернард де Граве. Самого флаг-секретаря звали Василий Фуше де ля Дюбуазель.

Сейчас он был сильно взволнован, но командующий продолжал внимательно выслушивать арбуз, и это действовало успокоительно. Флаг-секретарь начал понимать, что двумя делами сразу заниматься не следует, а начав одно, надлежит его закончить. Что мелочей на морской службе не бывает, а потому арбуз — тоже дело.

— Даю сто, — сказал наконец командующий, и торговка немедленно согласилась. Это была хорошая цена, не слишком дорогая, но и не слишком дешевая.

Оперативные телефонограммы не следует читать, где попало, — и командующий направился к сходню „Буденного", на котором помещался его штаб. За командующим пошел комиссар, увидевший телефонограмму, а за комиссаром Александр Андреевич Сейберт, начальник дивизиона канонерских лодок, увидевший арбуз.

На развернутом синем листке оказалось свидетельство о чьей-то смерти. Оно было неинтересно и неудивительно. На таких использованных бланках велась вся оперативная переписка. Но на обороте было две строки крупных карандашных букв.

Командующий прочел телефонограмму, взглянул на стенные часы и задумался. Комиссар тоже прочел и вполголоса выругался. Флагманский штурман, плотный и светлобородый, протянул руку к синей бумажке и вопросительно взглянул на командующего.

— Вслух, — тихо сказал командующий. Штурман степенно откашлялся и медленно прочитал.

— Белые обстреливают город. Пять канлодок и один миноносец. Пост Бердянск... — И подумав добавил: — Надо выходить.

Выходить! Флаг-секретарь задрожал от напряжения. Это будет его боевым крещением, и он сумеет себя показать.

— Совсем не надо, — сказал командующий. — У них эскадренный ход десять узлов. Уйдут раньше, чем мы покажемся из-за Белосарайской.

— Товарищ командующий, будем действовать! — вмешался комиссар. Его сухое лицо казалось вдруг осунувшимся и глаза потемнели.

— Я полагаю будем обедать, — спокойно сказал командующий и, наклонившись к уху комиссара, что-то тихо добавил.

— Разрешите выйти на „Знамени" и завязать бой, — спросил начальник дивизиона канлодок. — Я тоже хожу десять.

— Не разрешу! — и командующий снова наклонился к уху комиссара.

Начальник дивизиона взял в руки арбуз и задумался. „Драка несомненно состоится. В прошлом бою белая канлодка „Страж" все время по радио кричала: арбуз! арбуз! По их коду это, кажется, обозначает: вижу неприятеля. Командующий обладает свойством

Он стоял, расставив циркулем длинные ноги...

видеть сквозь арбузную корку — он великолепно их выбирает... Он уже видит неприятеля и что-то задумал. Но что именно?.. Надо бы выбрать из порта брезент. На „Знамени" нечем накрывать приготовленные у орудий очереди... Интересно знать, что он собирается сделать". Арбуз приятно давил на руки своей округлой тяжестью. „Совсем необязательно, чтобы начальство рассуждало вслух".

Комиссар взглянул на карту и усмехнувшись пожал плечами.

— Будь по-вашему, — сказал он, — давайте обедать.

— Какие приказания, товарищ командующий? — звонким голосом спросил флаг-секретарь. Он с трудом сдерживался.

— Приказания?.. Прибраться после угольной погрузки. Команду до вечера — на берег. С девяти, как всегда, получасовая готовность.

— Как? — Фуше не поверил своим ушам: — Это все?

— Так! — улыбнулся командующий, — это все.

Флаг-секретарь Фуше де ля Дюбуазель покраснел еще гуще и вышел из кают-компании. Он был разочарован.

Конечно, начальство не обязано рассуждать вслух, но молчание начальства выдержать не просто. Выдержал только флагманский штурман, но он слишком хорошо знал своего командующего, и у него была борода, а поглаживание бороды очень успокаивает.

Начальник дивизиона канлодок не вытерпел и встал.

— Прикажете приготовить лодки к походу?

— Если флот находится в получасовой готовности, то канлодки, повидимому, должны быть готовы к походу... Итак, оперативные разговоры закончены. Садитесь, Сейберт! Будем обедать.

Начальник дивизиона канлодок сел.

3.

В кают-компании, сшитой из свежих досок, полутемно. Уже вечер и в круглых иллюминаторах горит красное небо. Пахнет сосновой смолой и керосиновой лампой. Смутно доносится третий запах, холодящий и тревожный. Он идет из-под трапа из горловины кормового погреба. Это запах бездымного пороха.

Борьба Миров

— К ночи, пожалуй, выйдем, — сказал Сейберт. — Разрешите еще кружечку, Христофор Богданыч.

Командир „Знамени Социализма" поспешно обтер узкие седые усы и схватился за чайник. Он был хозяином этой кают-компании. Она могла не блистать убранством, но была гостеприимной — весь сахар комсостава стоял на столе.

— Куда мы пойдем, Александр Андреевич? — спросил он, подняв брови и осторожно наливая чай.

— В море... Точнее отвечу завтра.

— Начальство спятило, — вдруг сказал флагманский артиллерист. — Белые лупят по Бердянску, а оно кушает суп!.. Артиллерист развел руками.

— Не волнуйся, Кисель, — сказал Сейберт и подул на свою кружку. Кисель, кстати сказать, было не прозвище, а фамилия флагманского артиллериста.

— Мне волноваться нечего. Мое дело маленькое — я при командующем. Волноваться придется тебе... С начальниками частей, все-таки, следовало бы согласовать.

— А что, если нечего согласовывать?

— Наверное нападем на Керченский пролив, — сказал флаг-секретарь. Ему очень хотелось участвовать в разговоре и никак не удавалось начать.

— И расстреляем в лепешку все море, — добавил Сейберт. — Вроде того восточного деспота, который выпорол его в другом месте. Кстати, тоже в проливе. Нет, Васенька, проливы не виноваты, и нападать на них незачем.

— Перед Керчью у белых стоит целый броненосец. У Бердянска было шесть кораблей, да в Керчи еще что-нибудь найдется. А у нас четыре, извините за выражение, канлодки и четыре буксира с трехдюймовками на заду. — И дав флаг-секретарю время в уме сопоставить силы противников,

флагманский артиллерист резюмировал:—Никакой дурак с таким флотом нападать не станет.

— Может будет эвакуация? Отойдем к Таганрогу? — спросил командир „Знамени Социализма". Всю жизнь он проплавал на коммерческом флоте и пуще всего не любил артиллерийской стрельбы. От нее у него болела голова. В Мариуполе были у него семья, домик и маленький фруктовый сад. Нет, эвакуироваться он не хотел. В крайнем случае, он был согласен итти в бой.

Флаг-секретарь Фуше сидел в углу дивана, темно-красный и вспотевший. С самого получения бердянской телефонограммы он никак не мог принять своей нормальной окраски. Длинное смуглое лицо флагманского артиллериста казалось удивленным, но это выражение уже стало для него привычным — оно появилось на его лице при первом взгляде на корабли азовской флотилии. Христофор Богданыч, командир „Знамени Социализма", озабоченно вздыхал. Ему выдалась неспокойная старость.

Сейберт молча пил чай. В самом деле: куда идем, куда поворачиваем? И брезента в порту не дали. Не управление порта, а заведение... А командующий, очевидно, хочет изловить неприятельскую эскадру. Но где и как, раз она ходит вдвое скорей и уже должна быть на пути домой... Нет, тогда не было бы смысла выходить. Очевидно, белые где-то заночуют. Интересно знать, где именно и по каким признакам командующий догадался...

— Товарищи, — вдруг сказал он, поставив кружку на стол. — Все понятно. Как вам известно, в порту стоит поезд высшего начальства. Командующий просто хочет от него удрать. Днем это невозможно, а ночью оно не заметит.

— Вот дурак! — удивился флагманский артиллерист.

— Позвольте, — начал уже оправившийся флаг-секретарь.

— Не позволю, — ответил Сейберт и неожиданно голосом командующего произнес: — оперативные разговоры закончены.

4.

ПЕРВЫМИ снялись четыре сторожевые судна — маленькие буксиры с маленькими пушками на корме. Их звали „Данай", „Троцкий", „Пролетарий" и „Пугачев". Потом поочередно стали сниматься канлодки. Землеотвозные шаланды „Буденный" и „Красная Звезда", ледокол „Знамя Социализма" и снова шаланда „Свобода". Они с трудом разворачивались и выходили в ворота порта. На канале „Свобода" для уравнения эскадренного хода приняла буксир со „Знамени Социализма". Самостоятельно она давала всего четыре узла.

На берегу было темно, а в море казалось еще темнее. Над портом, над высоким фруктовым садом на горке стояли четыре женщины. Оттуда корабли казались совсем маленькими и жалкими. Просто две линии плоских черных пятен на темной воде.

— Сумасшедшие, — вздохнула младшая из четырех. Калоши, как есть калоши. Куда они пошли?

— И как ползут, — отозвалась другая. — Не видно, чтобы они двигались вперед.

— Ничего, — сказала мать комиссара. — Этим кацапам везет.

5.

НА МОСТИКЕ черные люди. Они молчат и смотрят. Смотрят так, что начинают болеть глаза. Это тяжелый физический труд. Но сколько ни смотри — все одно; скользит темная вода, липнет к ней тяжелый дым, и смутными пятнами расплываются соседние корабли.

Недавно легли на новый курс. В точке поворота командующий поставил сторожевое судно, с которого голосом передавали приказ ворочать последовательно. Сейберт улыбнулся: молодец командующий — этого никакому Нельсону не придумать. Нельсон дал бы сигнал и после поворота растерял бы в темноте половину своих судов, потому что сигнализация на азовских грязнухах неопределенная.

... внизу в котлах ревет огонь.

У них особая психология и командовать ими нужно умеючи.

А внизу в котлах ревет огонь. Красные люди, блестящие от пота разгребают в топках сплошную кипящую массу угля. Шипят паропроводные трубы, сильно и ровно стучат машины, горько пахнет машинное масло.

Наверху светает. Плывет темно-серая вода, и соседние корабли уже отчетливы.

— Закурим, Христофор Богданыч?

— Если разрешите, Александр Андреевич, я предложу своего табачку. Собственная смесь, Александр Андреевич! — и командир „Знамени Социализма“ осторожно вытянул из внутреннего кармана резиновый кисет. Он очень маленький, этот командир, усы у него висят вниз и в утреннем свете кажутся заиндевевшими.

А табак у него действительно хорош. Только все равно ничего не понять. Сейберт отвернулся от карты и вздохнул. Куда идем, куда поворачиваем?.. Курс, кажется, на Геническ. Почему Геническ? Сейчас с оста должна открыться Обиточная коса. Что ж, посмотрим...

— Прекрасный у вас табак, Христофор Богданыч, — сказал Сейберт, и маленький капитан просиял. Он очень уважал Сейберта.

Борьба Миров

Головным идет „Буденный“. На нем, на мостике, комиссар и командующий. Они долго молчат и внимательно смотрят на постепенно светлеющий восток.

— Обиточная на месте, — сказал наконец командующий. — Вот они, голубчики.

— Слева по носу суда! — крикнул сигнальщик.

— На якорях, — добавил командующий и тихо засмеялся.

— Правильно, — опуская бинокль и широко улыбаясь, сказал комиссар. — Вы меня простите, но я сильно сомневался.

— И я тоже, — неожиданно ответил командующий. — Фуше! Дайте сигнал: дивизиону сторожевых судов занять свое место. Флоту приготовиться к бою.

Фуше вздрогнул и вдруг забыл позывной дивизиона сторожевых судов. Может быть „шесть мыслете“? Хотел броситься к сигнальной книге, но во время вспомнил, что все позывные на всякий случай набраны еще с вечера и лежат в левом углу сетки.

Сторожевые суда сразу повернули, перестроились и вышли вправо. Канлодки идут колонной, команда по боевому расписанию, орудия смотрят вверх и медленно ворочаются.

— Мое дело сделано, товарищ комиссар, — сказал командующий. — Я привел корабли на место. Пускай дерутся, погода будет хорошая... Фуше, сигнал: открыть огонь по залпу адмирала... Кисель, действуйте. — И командующий сел на красный бархатный стул, принесенный для него из кают-компании и установленный на крыле мостика.

— Прицел сорок!—прокричал артиллерист. — Передать семафором по эскадре.

— Прицел сорок, — повторил сигнальный старшина „Знамени Социализма“, и Сейберт кивнул головой. Здорово близко... но, все-таки, откуда он мог знать? Вот дьявол!

— Все в порядке, Христофор Богданыч?

— Кажется все, Александр Андреевич.

Командир „Знамени Социализма“— глубоко штатский человек и чувствует себя неловко. Особенно потому, что не успел как следует вытереть руки. Неизвестно, почему после сигнала „приготовиться к бою“, он сбегал вниз и помылся под медным рукомойником у полубака.

На „Буденном“ сверкнула зеленая молния, и сразу за „Буденным“ ударило залпом „Знамя Социализма“. Христофор Богданыч сморщился и замотал головой.

— Начинается, — сказал Сейберт, — держитесь за воздух, отец Христофор.

— Недолет, — пробормотал судовой артиллерист. Всплески перед силуэтами, ясно, что недолет. — Прицел сорок четыре! — И снова долгий раскат статридцатимиллиметрового грома.

Командующий доволен. Со стула на крыле мостика видно, что канлодки идут ровно и своевременно посылают залпы — все в порядке. А неприятель снимается с якорей — значит проснулся. Что ж, это тоже в порядке вещей. Нельзя же спать, когда кругом залятся снаряды.

— Побудка, — прошептал командующий и погладил чисто выбритый подбородок.

На силуэтах вспыхнули огоньки — они отвечают. Что за странность — не слышно снарядов? Снова огоньки, и опять не видно всплесков.

— Товарищ командующий! — закричал Фуше. В перерыве между двумя залпами, несмотря на все уважение к начальству, хочется кричать. — Товарищ командующий, они стреляют холостыми.

— Товарищ флаг-секретарь, — ответил командующий. Голос его не громче обычного, но отчетлив, несмотря на вату в ушах. Горячей волной прокатился залп, и снова сквозь звон в голове слышен ровный голос командующего:

— Они стреляют боевыми, но мы в темной стороне горизонта. Они не видят и бьют по нашим вспышкам. Прицелом кабельтов на семьдесят по догадке. Через наши головы. Понятно?

Снова залп, и после залпа видно, что командующий улыбается. Почему

бы ему и не улыбаться в такое прекрасное утро? Задача разрешена успешно, а когда все кончится можно будет позавтракать.

И вдруг командующий перестал улыбаться и встал. Что за чорт? „Звезда“ и „Свобода“ пропустили залп. И следующий тоже, а на третьем замолчало одно из орудий „Буденного“.

— Кисель?

— Ничего не понимаю! — у флагманского артиллериста окончательно удивленное лицо. Он, действительно, ничего не понимает. С какой стати они не стреляют? Что за чертовщина?

— Отбой, — сказал командующий и снова сел на стул. — Прекратить огонь... Фуше! поворот последовательно восемь румбов вправо.

Бой прерван, и преимущество потеряно. Через четверть часа белая эскадра будет на солнце, а против солнца трудная стрельба. В таком положении командующему может помочь только хороший характер.

Хочется бить мегафоном по голове флагманского артиллериста, объясняющего, что скисли стреляющие приспособления, но делать этого не следует, потому что от этого может испортиться управление огнем эскадры. Хочется итти таранить противника, но при современном состоянии морской техники это бесцельно. Надо спокойно выслушать доклад о том, что на „Буденном“ все уже исправно, и предложить флагманскому артиллеристу лично обойти все корабли.

— Фуше, „Данай“ к борту. Кисель, вам придется пройти по кораблям и наладить артиллерию.

— Есть.

В каком сочинении по морской стратегии описан случай внезапного отказа артиллерии нападающего флота? Где искать указаний на то, как следует в подобном случае поступать командующему? Единственное указание он сможет найти в настоящем рассказе — ему нужно обладать хорошим характером, помогающим воздерживаться от лирических восклицаний и сохраняющим ясность тактического мышления.

„Данай“ снова прошел к борту и высадил флагманского артиллериста. На флагманском артиллеристе нет лица. Вернее оно есть, но до неузнаваемости перекрыто бурозелеными пятнами. Это компрессорное масло.

— Отказа больше не будет, — сказал он.

— Есть. Иду на сближение. Фуше!

Теперь противник видит, как угодно, но делать нечего. Слева узкой полосой поблескивает Обиточная коса, правее силуэты, а над ними низкое красное солнце.

— Открыть огонь!

6.

ОТ ЗАЛПА вздрогнет корабль, прогудят снаряды и лягут высокими стеклянными всплесками у противника. И снова залп, и далекий залп противника, а кругом взлетают водяные столбы, от которых, скрежеща, летят осколки. Уже полтора часа сплошного боя.

Христофор Богданыч уже примирился с непрерывным грохотом и больше не вздрагивает. Он думает медленно и с трудом. О Мариуполе и фруктах — чтобы легче было вынести стрельбу. О бесцельности всего этого дикого шума — уже полтора часа стреляют из всех пушек и ничего не случается. Когда же конец?

И только успел подумать, как мостик рвануло в сторону. Потом внезапный крен, и нос сразу покатился вправо, а из машинного люка выбросило столб пара.

— Попадание шестидюймовым, — сказал Сейберт. — Отдать буксир со „Свободы“!

— Есть,—ответил Христофор Богданыч и по узкому трапу сбежал с мостика. Ему почему-то не страшно. Может быть потому, что начальник совсем спокоен, может быть потому, что залп не опоздал—пушки тоже не испугались. А палуба не дрожит — значит машина остановлена.

У самого борта лег снаряд и стеной пены обрушился на палубу. Хри-

стофор Богданыч не успел увернуться и вдруг рассердился.

— Рубите буксир, ироды! Безобразие! — завизжал он и затопал ногами.

— Прицел тридцать два, — басом отозвался судовой артиллерист, которого происходившее не касалось. У каждого много работы, и никто не интересуется окружающим. В этом вся прелесть морского боя.

В машине осколком разбило распределительный клапан главной магистрали, и обваренный механик уже приступил к ремонту.

Но с мостика видно все и все понятно. По носу свиньей проскочил неразорвавшийся снаряд — теперь начнут попадать, потому что стоящий корабль легче накрыть. Хорошо, что люди заняты делом — тогда они не боятся. Христофор Богданыч вместе с боцманом из орудийного чехла и досок мастерят пластырь на пробоину. Пробоина на левом борту и над самой ватерлинией, на волне ее будет заливать. Они работают и кланяются каждому своему залпу, а неприятельских не замечают.

— Молодцы, — улыбнулся Сейберт и, отвернувшись, взглянул на бак. Там уже принимали буксир со „Звезды". Старший помощник „Знамени" ругался, стараясь перекричать носовую пушку, а комиссар Веткин с мрачным лицом управлял шпилевой машиной, выбиравшей буксир.

Но „Звезда" вытянуть не смогла и приняла буксир с Буденного". Снова связались со „Свободой" и пошли вперед медленным, но верным трехузловым эскадронным ходом.

— Знаменитый ход, — сказал командующий и потребовал чаю, потому что бой, по его мнению, грозил затянуться.

О том, что бой был почти безнадежным, командующий

не думал. Лучше не обладать излишней живостью воображения и не представлять себе, что случится, когда миноносец торпедами атакует связанные корабли. Лучше не вспоминать, что белые сильнее, что они между Мариуполем и флотилией, и что бой идет на курсе к Керчи, откуда может появиться еще что-нибудь.

Командующий спокойно пил чай. Он не мог знать, что из Керчи уже вышел тысячетонный миноносец „Беспокойный" и с ним канонерская лодка „Грозный". Одного „Беспокойного" было достаточно, чтобы уничтожить всю красную флотилию — он мог дать веер из десяти торпед. То, что командующий этого не знал, было к лучшему—такое знание не помогает.

— Плохо, — сказал флагманский штурман, когда на „Буденном" разбило осколками левую шлюпку. Но командующий взглянул на эскадру противника и пожал плечами.

— Ихние ложатся все гуще, а наши мажут, — вслух подумал комиссар, но флагманский артиллерист промолчал. Из таких пушек попадешь не сразу. Хорошо еще, что не рвутся.

— Попадание! — крикнул сигнальщик.

На третьей канлодке белых вдруг пророс черный дымный столб. Он перекрыл трубу и рваными клочьями пополз назад.

Тогда команда „Красной Звезды" закричала ура — это ее попадание.

Ура доносится издалека и сквозь грохот слышится, как сквозь сон. Снова всплеск у белой канлодки и кожется, что она парит. Во всяком случае она убавила ход, и четвертый корабль, заслонив ее, остановился. Новый взрыв, издали красивый и нестрашный. Он кажется игрушечным, потому что настоящим выглядит только взрыв на своей палубе. Теперь они разошлись, и раненая канлодка сильно покатилась в сторону.

Внизу вдруг закричали — она погружается! Над канлодкой выкатилось круглое облако мягкого пара и, когда оно оторвалось от воды, над поверхностью осталась только тощая черная мачта. Теперь „ура" кажется громче залпа. От него дрожит горизонт, темнеет в глазах и расширяется сердце.

— Товарищ командующий! — хрипло прокричал Фуше, — радио!

Он счастлив и очень важен. Он горд тем, что все происшествия боя с точностью до одной минуты занесены в его черную книжку. Это его дело. Он ничего не боится — даже того, страшного, написанного на синей бумажке из радиорубки и лежащего в его протянутой руке.

— „Жаркому" атаковать неприятеля, — беззвучно шевеля губами, прочел командующий. И услужливая память подсказала тактические данные „Жаркого": 26 узлов, два торпедных аппарата, две трехдюймовки.

— Немного, но достаточно, — сказал командующий.

Миноносец выскочил вперед и побежал, расстилаясь по воде низким

корпусом и длинным черным дымом из четырех труб. Потом повернул, блеснув бортом на солнце, и полным ходом пошел на встречу.

— Атакует, сволочь! — сказал комиссар.

— Странно, — ответил командующий. — В самом деле, зачем они по радио предупредили об атаке? — И совершенно неожиданно командующему показалось, что он играет в покер... Противник делает вид, будто купил четвертого туза... Значит, он его не купил, и это только реклама... Но зачем?.. А вот зачем: он хочет отвлечь огонь от своей эскадры.

— Фуше! Поднимите: „Сторожевым судам отбить атаку миноносца".

— Есть!

— Сторожевым судам? — удивился комиссар, — буксиры против миноносца?

Но ему ответил только грохот очередного залпа, и комиссар вдруг понял: нельзя ослаблять огня и нельзя бояться. Иначе пропадешь.

„Данай" сразу увеличил ход и поднял сигнал: „Следовать за мной". Четыре сторожевика выровнялись и дали сухонький залп. Потом второй с четырех кораблей, как с одного, потом третий и еще и еще. Перед носом миноносца снаряды выбили сплошную стену всплесков. Она опадала, снова выплескивалась и переливалась, но оставалась на месте. Миноносец повернул обратно.

— Буксиры прогнали миноносец — сказал командующий. — Ничего сверхестественного, — и носовым платком вытер вспотевший лоб. Он нечаянно подумал о том, что произошло бы, если б миноносец дорвался до торпедного залпа.

А между прочим ничего особенного не произошло бы, потому что „Жаркий" в этот день атаковал с пустыми аппаратами. Четвертого туза у противника не было.

— В головного — закричал сигнальщик.

Командующий поднял бинокль. Нет... ничего не заметно. Видно только, что белые прибавили ходу. Они уходят из боя.

Внизу снова кричат ура. Теперь оно спокойное и величавое: это — победа. Комиссар подошел к командующему и дал ему папиросу. Командующий встал и предложил комиссару огня.

— Мыс Хрони, — сказал штурман, и командующий кивнул головой. Он уже десять минут тому назад заметил впереди над горизонтом мутно-синее пятно и знал, что это вход в Керчь-Еникальский пролив.

— Как бы кто-нибудь оттуда не пришел, — пробормотал штурман, но командующий повернулся к нему спиной и пошел к трапу. Он, конечно, не мог знать, что за горизонтом „Беспокойный" подорвался винтом на мине и теперь возвращался в Керчь вместе с „Грозным", не посмевшим итти на минное поле.

— Дальше не пойдем, — сказал командующий. — Отбой! Фуше, поднимите: „Адмирал выражает флоту свое особое удовольствие", а потом распорядитесь обедом.

7.

ЗАМКИ открыты, и пушки развернуты по ветру, чтобы остыли. Люди тоже остывают, и на палубе идет приборка.

Сейберт и командир „Знамени Социализма" молча ходят по мостику. Из машины доносятся звонкие удары, визг напильника и веселая ругань. Машинная команда еще не кончила своего боя, потому что механик поклялся до Мариуполя починить разбитый клапан.

— Христофор Богданыч,—вдруг сказал Сейберт.

— Ась?—отозвался капитан почувствовавший себя на мирном положении.

— Чем замечательна Обиточная коса?

— Обиточная?—удивился капитан. А чем она может быть замечательна? Коса, как коса. С обеих сторон море, а посредине песок.

— Море, вы говорите?

— Конечно, море, — и Христофор Богданыч с опаской взглянул на сво-

его начальника. Он, кажется, не в себе: говорит и смотрит очень странно.

— И больше ничего? — задумчиво спросил Сейберт.—А что там делают?

— Ничего, совсем ничего. Только рыбу ловят,—успокоительно проговорил Христофор Богданыч.

— А много там рыбы?

— Рыбы? Много. Там самое главное место после донских гирлов. В мирное время там и рыбаков не меньше, чем рыбы, а вот сейчас пусто.

— Тогда все понятно, — сказал Сейберт.

— Что понятно? — хотелось крикнуть капитану. Но он удержался. Если начальник действительно не в себе, лучше дать ему отдохнуть. Но Сейберт взглянул на него и прочел на его лице невысказанный вопрос.

— Понятно, почему мы вышли ночью и на рассвете были у Обиточной.

Христофор Богданыч вдруг почувствовал, что не понимает чего-то очень простого, что обязан был бы понимать, и от этой мысли похолодел. Неужели он сам не в себе? Он был сильно потрясен боем.

8.

ЧУТЬ правее, товарищ штурман, — сказал сигнальщик и повел рукой по сверкающему горизонту.

— Вижу, — ответил прильнувший к дальномеру флагманский штурман. — Это мачта той самой канлодки. Она лежит на грунте. И на мачте, кажется, люди... Вахтенный, доложите командующему. Он в кают-компании.

— Слева по носу мачта утопленного неприятеля, — доложил вахтенный. Командующий положил ложку и обтер губы куском хлеба.

— Очень приятно.

— Так точно, товарищ командующий. Только на ней люди, которые видны вооруженным глазом. — Вахтенный был из писарей и любил точную терминологию.

— Семафор на „Данай», чтоб обследовал, — распорядился командующий и снова занялся супом, сваренным по его собственному рецепту, а потому очень вкусным. Вторая тарелка того же супа называлась вторым блюдом, а арбуз—третьим. За арбузом Фуше доложил, что на „Знамени“ исправили повреждение в машине и сейчас будут отдавать буксиры.

— Отлично, — отплевываясь косточками, сказал командующий.

— „Данай“ возвращается, — добавил Фуше. — Сообщает, что снял с мачты троих из команды погибшей канлодки. Он везет их сюда. — Все встали, потому что пленные — очень редкое явление в морской войне.

Первым на борт „Буденного“ вступил голый человек в офицерской фуражке. Он не мог расстаться с чернозолотой кокардой, последним атрибутом утонувшей власти, и забронированный в серое одеяло с „Даная“ и посиневший от холода продолжал быть офицером. Второй — тоже голый и завернутый в красно-желтый сигнальный флаг „Ижица“ — несомненно раньше был сигнальщиком. Третий, в грязном рабочем платье, конечно, был кочегаром. Он обсасывал потухшую папиросу и, при виде людей в фуражках с козырьками, выбросил ее за борт. Они — начальство.

— Что вы с нами сделаете? — шопотом спросил офицер и вдруг крикнул: — расстреливайте сразу!

— Ты дурак, Дырка, — спокойно сказал коман-

дующий, и офицер вздрогнул. — Как был в корпусе дураком, таким и остался. Мало я тебя под винтовку ставил... Товарищ комиссар, позвольте представить: бывший лейтенант Ржевский. Тремя выпусками моложе меня.

— Теперь старший лейтенант, — из последних сил сказал Ржевский и в упор взглянул на комиссара. Он самый страшный этот комиссар. Само слово „комиссар" зловеще. Что он скажет?

— Теперь уж не старший лейтенант, — улыбнулся комиссар, и от этой улыбки сердце бывшего лейтенанта остановилось. Что ж дальше?

— Отведите их обедать и выдайте обмундирование! — и, взглянув на своего смертельно бледного собеседника, комиссар хлопнул его по плечу: — Держись, лейтенант!

Но лейтенант не удержался. У него подкосились ноги, и он сразмаху рухнул на железную палубу.

9.

Когда в полной темноте идешь вверх по лестнице, бывает, что на площадке сделаешь лишний шаг вверх. Нога, не встретив ступеньки, проваливается. Это безопасно, но очень неприятно.

Бывший лейтенант Ржевский приготовился к расстрелу и, когда узнал, что вместо комплекта пуль получит комплект обмундирования, упал в обморок. А когда, очнувшись, осознал, что он больше не старший лейтенант, то потерял способность управляться и был, как миноносец с перебитым в бою штуртросом. Он не держался на курсе.

В кают-компании он жадно хлебал горячий суп и залпом выпил чай с сахаром флаг-секретаря Фуше, но наотрез отказался от папиросы, твердо выговорив:

— От врагов своей родины принять не могу.

Решительно заявил, что он монархист, и не менее решительно, что все белые — прохвосты. Потом обругал комиссаров и сразу же высказал сожаление, что не служил с самого начала у красных. Такая логика свободно может появиться у человека, свыше четырех часов просидевшего в холодной воде. После первых десяти минут вода уже не освежает.

— Корабли наши понравились? — осведомился командующий.

— Поганые пароходы! — возмутился Ржевский и начал с горячностью доказывать, что всю красную флотилию безусловно раскатал бы на своем „Салгире".

— Нет, — сказал командующий. — Не раскатал бы. Твой „Салгир" лежит на дне и решительно никуда не годится.

— Мы понравились? — догадался комиссар.

Ржевский хотел что-то ответить, но так и остался с открытым ртом и долго смотрел на комиссара выпученными глазами. Наконец, опустил их и тихо сказал:

— Да.

Потом снова разгорячился и заговорил о белом флоте. Здесь есть жизнь, а там нет. Там отличные корабли и пушки. Много офицеров, хороших, плохих, каких угодно, но нет команд.

— Комендорами гимназисты, дальномерщиками гимназисты, машинистами студенты, кочегарами благовоспитанные юноши; это невозможно, от этого блевать хочется. А матросов на корабли почти не берут, потому что они сволочи и большевики.

И вдруг заметил, что его внимательно слушают. От этого неожиданно почувствовал какую-то новую уверенность в себе и даже улыбнулся. В конце-концов можно жить и без чина старшего лейтенанта, а у большевиков порядок и верная победа. Комиссар говорил, что до конца войны посадят в какой-то концентрационный лагерь. Что ж, пускай отправляют.

— Товарищ комиссар, — неожиданно для самого себя сказал он. — Дайте, пожалуйста, закурить.

10.

ВЕЧЕР спокоен, и горизонт чист. Команде выдали манную кашу с недельным пайком сахара, и она праздновала победу. Сейберт, вызванный в штаб, медленно шел мимо всей флотилии на „Данае" и думал о неполученном в порту брезенте. Сейчас самый подходящий момент для того, чтобы вырвать у командующего громовую резолюцию на рапорте.

Командир „Даная" долго и сурово жаловался на свою судьбу. Ему надоело быть извозчиком, развозить всякое начальство с корабля на корабль, подходить на ходу к этим чортовым бандурам, выуживать из воды каких-то белогадов и вообще гонять взад и вперед.

На „Буденном" в кают-компании снова заседание. Весь старший комсостав флотилии с хмурыми и озабоченными лицами, а на столе перед командующим голубой бланк из радиорубки. Неужели новое оперативное происшествие? И Сейберт почувствовал, что определенно не любит боевых операций на море и сильно хочет вернуться в Мариуполь. Довольно славы.

— Садитесь, Сейберт, — сказал командующий и углубился в созерцание лежавшей перед ним бумажки. Все молчали и от этого становилось тревожно.

— Нет, — вдруг сказал флагманский штурман: — не годится.

— Конечно, не годится,— согласился командующий.— Ваше предложение тоже ни к чему, Кисель.

Флагманский артиллерист вздохнул, и снова наступило долгое и тягостное молчание. Наверху громыхал штуртрос, а под ногами медленно пульсировали винты. Нет хуже тишины на идущем корабле.

— Сейберт, — сказал, наконец, командующий. — Мы в затруднительном положении. — И Сейберт выпрямился.

— Слушайте, Сейберт, вы кажется умеете сочинять стихи.

— Стихи? Какие стихи?

— Всякие, — объяснил командующий, — с рифмами.

— Почему с т и х и?.. Допустим, что умею, но зачем?

— Для передачи по радио, — ответил комиссар и, взглянув на лицо Сейберта, расхохотался. Он никогда не смеялся так долго и громко, и за ним засмеялась вся кают-компания.

— Слушайте, Сейберт, и вникайте,— продолжал командующий. — Мы собираемся по радио послать привет белым. Начинается так:

— Господа офицера,
Не пора ли вам пора
От баронова двора...

— Понимаете? — а что дальше — неизвестно...

— Простите, товарищ командующий, вы для этого меня вызвали?

Командующий кивнул головой, и Сейберт долго думал, что ему сказать. Наконец наклонился вперед и начал:

— На „Знамени Социализма" нам крайне нужен...

— Брезент... — перебил его командующий. — Знаю. И знаю, для чего он нужен, десять раз слышал. Если хорошо сочините — получите.

— Так,— подумав сказал Сейберт.— В таком случае... Пишите, — и одним духом выговорил:

— А не то на Перекопе
Накладем мы вам...

Командующий записал и, скосив голову, взглянул на написанное. Он прочел его про себя не меньше двух раз, отбивая ритм указательным пальцем по столу, потом поднял голову и сказал:

— Брезент получите.

11.

НАВЕРХУ крупные звезды, внизу черная, медленно ползущая вода, а посредине, на кормовом мостике „Буденного", четыре человека. Они отдыхают.

— Откуда он узнал, что белые заночевали у Обиточной Косы? — удивился голос флагманского артилле-

риста. Артиллерист до сих пор не мог успокоиться.

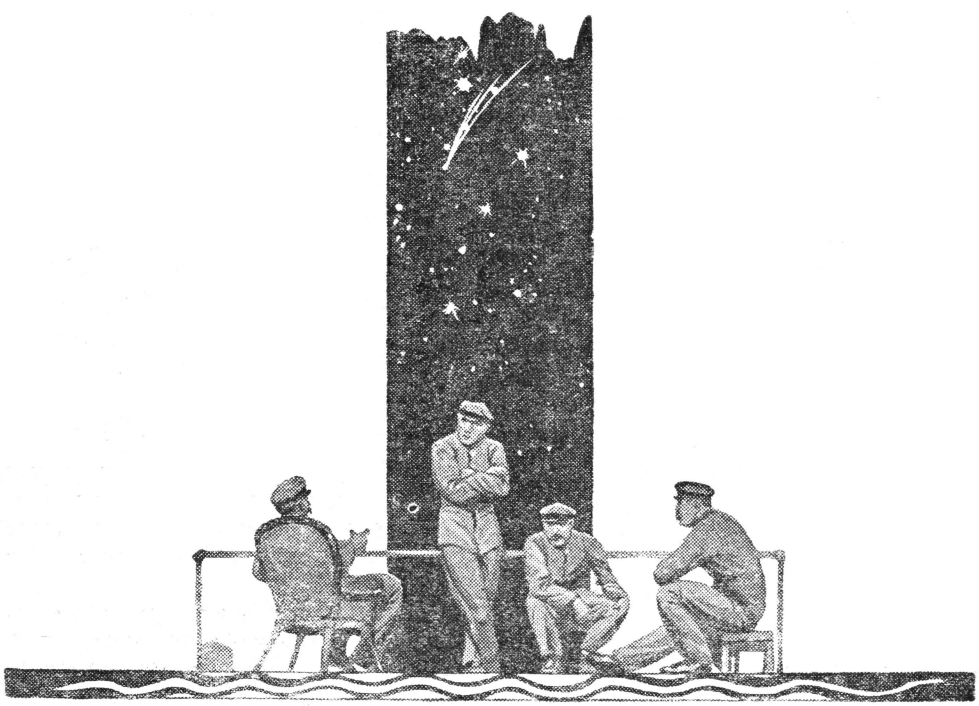
— Сведения разведки, — с подчеркнутой небрежностью ответил голос Фуше. Фуше чувствовал себя великолепно осведомленным флаг-секретарем.

— Глупости!—возмутился штурман.

— Конечно, глупости, — сказал голос командующего, и все вздрогнули, потому что командующего с ними не было.

— Товарищи командиры, я объясню вам все. Я хочу развить ваше оперативное мышление. Прежде всего, надо знать своего противника, а белых я знаю. Я неспособен допустить, чтобы они предприняли поход с исключительно боевыми целями. Они, конечно, имели более важные намерения, например — половить рыбку. Сперва они выполнили официальную часть своей программы, а именно, постреляли по Бердянску. Это для реляции по начальству. А потом отправились по персональным надобностям. Кроме того, судя по времени обстрела, им пришлось бы либо совершить ночной переход в Керчь, либо переночевать на якорях. Последнее значительно приятнее, а потому казалось мне более вероятным. Где самая удобная стоянка? За Обиточной Косой. Кстати, там чудесно ловится рыба. Остальное ясно само по себе. Не так ли?

— Совершенно верно, Сейберт... Из вас выйдет толк, — сказал тот же голос командующего. Но на этот раз он шел снизу с палубы и принадлежал самому командующему.



Несравненный Дживс

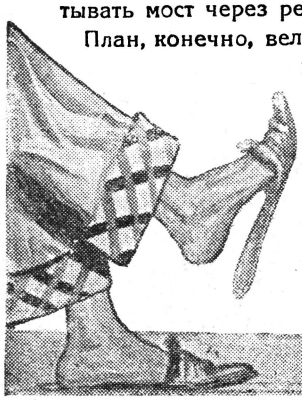
Перевод С. Колбасьева.

Иллюстрации худ. Г. Фитингофа.

1. Награда героя.

НЕ знаю, обратили ли вы внимание на тот факт, что в нашем мире совершенного счастья не бывает. По-моему это так. Даже в этот день, когда все обещало великолепное осуществление моих планов, я не был счастлив. Мне не хватало Дживса. Мне было грустно, что он не увидит меня в действии.

А впрочем, все обстояло замечательно. Лучше всего было то, что мой план никак не мог дать осечки. Обычно, всякий стратегический план может сорваться. Знаете, что такое, стратегический план? Это, например, когда вам нужно некоего А привести в точку Б, как-раз в тот самый момент, когда некий С окажется в точке Д. Так бывает с генералами, которые сочиняют всякие маневры. Представьте себе, что генерал приказал одному полку захватить холм с мельницей в тот самый момент, когда второй полк будет захватывать мост через реку.



План, конечно, великолепный, но вдруг начинается сплошная каша и ничего не выходит. А вечером, за лагерным костром, командир 1-го полка извиняется: — Какая жалость мне показалось, что вы приказали а аковать холм со стадом овец, а не холм с мельницей.

Так вот ничего подобного с моим планом произойти не могло, потому что Освальд и Бинго уже давно должны были быть на своих местах, и единственной моей заботой было своевременно доставить в указанную точку прекрасную Гонорию.

Это удалось мне без особых затруднений. Я просто попросил ее прогуляться со мной по лугу, сославшись на необходимость серьезного разговора. Она прибыла вскоре после завтрака на

автомобиле вместе с некоей мисс Брейсуэйт. Тут же меня и познакомили с этой мисс. Ничего себе девушка, длинненькая, с синими глазами и какими-то волосами. Она мне даже понравилась, потому что была прямой противоположностью Гонории, и если бы у меня было свободное время, я бы с ней охотно потолковал. Но я условился с Бинго и должен был быть на месте ровно в три часа. Поэтому, взяв под руку Гонорию, я немедленно отбуксировал ее к озеру.

— Вы очень спокойны, мистер Вустер,— сказала она.

Я чуть не подскочил, потому что в этот момент все мои умственные способности были напряжены и спокойствие мое было лишь кажущимся. Мы подходили к озеру, и я внимательно осматривал окрестности, чтобы определить все ли было в порядке. И все казалось исправным: юный Освальд сидел на перилах моста, а Бинго был невидимым. Следовало думать, что он уже находился на своем посту. Я взглянул на часы, на них было две минуты четвертого.

— Э! — сказал я. — О! А! Совершенно верно, я задумался...

— Вы кажется хотели рассказать мне что-то очень важное?

— Чрезвычайно, — ответил я. Я решил начать с подготовки почвы для дальнейшего выступления Бинго. Не называя его по имени, я хотел приготовить девушку к факту, который хотя и мог показаться ей удивительным, но который все же соответствовал действительности, а именно к тому факту, что кто-то обожает ее, но не решается открыться ей в своих чувствах и тому подобное.

— Вот что, — сказал я, — может это и звучит несколько неправдоподобно, но я знаю одного человека, который ужасно в вас влюблен и так далее. Он, так сказать, мой друг...

— Ваш друг?

— Да.

Она издала звук, похожий на смех.

— Почему же он не скажет мне этого прямо?

— Видители, он очень скромный. Ужасно скромный. Понимаете, он считает вас несравненно выше себя. Смотрит на вас, как на богиню или как на аэроплан. Боготворит почву, по которой вы ступаете, но сказать этого прямо не может. Понятно?

— Продолжайте, это очень интересно.

— Безусловно интересно. Он, знаете, очень славный парень. Может быть он осел, но во всяком случае очень симпатичный. Так вот, такие-то дела. Прошу вас запомнить все вышесказанное.

Она закинула голову и засмеялась. Смех у нее был проникновенный: нечто вроде звука, который издает в туннеле поезд. Мне он не показался очень музыкальным, а юному Освальду определенно не понравился. Он оглянулся и довольно сердито заявил:

— Распугаете всю рыбу! Прошу перестать...

Замечание Освальда подействовало, и Гонория переменила тему разговора.

— Хотелось бы мне, чтобы Освальд не сидел на перилах моста. Мне кажется, что это опасно. Когда-нибудь он свалится в воду.

— Я пойду скажу ему, чтобы слез, — ответил я.

Я думаю, что в этот момент расстояние между мной и мальчишкой было около пяти ярдов, но мне оно показалось больше ста. Когда я рысью двинулся по направлению к нему, меня охватило странное ощущение; мне показалось, что когда-то я уже был в таком же самом положении. И вдруг я припомнил. Много лет тому назад меня заставили играть роль дворецкого в каком-то любительском спектакле. Я был первым лицом, появлявшимся на сцене после поднятия занавеса, и должен был, молча, пересечь ее и поставить поднос на стол у самой рампы. На репетициях мне неоднократно указывали, что мой вход отнюдь не должен напоминать финиша в беге на сто ярдов. Поэтому я слишком сильно нажал тормоза и вдруг почувствовал, что никогда не дойду до этого чортова стола. Сцена развернулась передо мной, подобная безводной пустыне, и меня охватила невыносимая тишина. Казалось, будто весь мир сосредоточил свое внимание исключительно на мне.

Так вот такое же ощущение было у меня и теперь. У меня захватило дыхание и во рту внезапно стало сухо. По мере того, как я шел, мне казалось, что спина мальчишки отодвигается все дальше и дальше, пока совершенно неожиданно и непонятным образом я не оказался вплотную к ней.

— Халло, — сказал я с болезненной улыбкой, пропавшей впустую, потому что мальчишка на меня не оглянулся. Он только неодобрительно повел левым ухом. В его жизни я не имел никакого значения.

— Халло! — повторил я. — Рыбу ловишь? — и братским жестом положил ему руку на плечо.

— Осторожней! — взвизгнул Освальд, покачиваясь на своем основании.

Такие вещи нужно делать сразу или вовсе не делать. Я закрыл глаза и толкнул. Под моей рукой что-то поддалось, раздался треск, затем нечто, похожее на вопль, затем крик позади и всплеск внизу. И снова тишина.

Я открыл глаза. Мальчишка уже появился на поверхности.

— Помогите! — закричал я, косясь на куст, из которого, согласно расписанию, должен был появиться Бинго. Но ничего не случилось. Бинго ни в коей мере не появлялся.

— Халло! Безобразие! Помогите! — снова закричал я.

Я не хочу надоедать вам воспоминаниями из моей театральной карьеры, но принужден еще раз вспомнить о моем исполнении роли дворецкого. Мне следовало поставить поднос на стол и ждать, пока выйдет героиня, которая должна была отправить меня на кухню. Так вот, во время представления эта легкомысленная особа женского пола опоздала к выходу, и прошло не меньше двух минут, пока спасательная партия отыскивала ее за кулисами и выбрасывала на сцену. И все эти две минуты мне пришлось неподвижно стоять у стола. Поганое ощущение, смею вас уверить.

Теперь было то же самое, даже хуже. Я понял, что подразумевают поэты, когда пишут, что время остановилось.

Тем временем Освальд рисковал погибнуть в расцвете своей юности, и мне начинало казаться, что следует принять какие-либо меры. Озеро с моста выглядело чрезвычайно неаппетитно, но делать было нечего, я снял пиджак и прыгнул через перила. Странное дело, вода значительно мокрее, если лезть в нее в пол-

ном костюме. Если не верите, рекомендую попробовать. Я пробыл под водой около трех секунд, но когда вынырнул, чувствовал себя, как те трупы, о которых в газетах пишут, что они пробыли в реке от трех до четырех суток. Я чувствовал себя очень мокрым.

И тут я встретился с новой трудностью. Прыгая я рассчитал, что окажусь рядом с мальчишкой, но его нигде не было. Пока я отплевывался и протирал глаза, мальчишка уже отплыл на десять ярдов по направлению к берегу. Плыл он, кажется, австралийским кроулем. Это очень хороший способ, но мне сразу стало грустно. Видите ли, вся соль спасения, по-моему, в том, что спасаемый должен находиться на одном месте. Если он сам начинает плыть к берегу, да еще так, что способен дать вам сорок очков вперед, то спасение обычно не удается. Мне показалось, что единственным выходом из положения было плыть к берегу в одиночестве, и я поплыл. Когда я вылез, парнишка был на полпути к дому. Повидимому мой план окончился неудачей.

Мои размышления были прерваны шумом шотландского экспресса, ныряющего под мост. Это был смех мисс Гонории Глоссоп. Она стояла рядом со мной и смотрела на меня странными глазами.

— О, Берти! — сказала она, и в ее словах я прочел мрачное значение. Я заметил, что она назвала меня Берти, в то время как раньше всегда называла мистер Вустер.

— Берти, до чего вы смешной и мокрый.

— Да, я мокрый.

— Вам надо бежать домой и переодеваться.

— Да.

— Вы ужасно смешной, — сказала она подумав. — Сперва сделали мне предложение в третьем лице, а потом столкнули бедного маленького Освальда в воду, чтобы спасти его и произвести на меня впечатление.

Мне удалось удалить воду из горла и опровергнуть это ужасное предположение.

— Нет, нет, — сказал я.

— Освальд говорил, что вы его столкнули, и я сама видела, как вы это сделали, но я не сержусь. О, Берти, это было очаровательно. Вы такой милый. Но я вижу, что пора кому-нибудь за вас взяться. Вы слишком много ходите в кинематограф. Я думаю, что следующим вашим подвигом был бы поджог папиного дома с целью меня спасти.

Она оглядела меня с видом собственника.

— Мне кажется, — продолжала она, — что я сумею привести вас в порядок. Правда, до сих пор ваша жизнь растрачивалась на пустяки, но вы еще молоды и в вас много хорошего.

— Нет, право нет...

— Глупости, конечно, много хорошего. Дайте мне только за вас приняться. Ну, а теперь бегите переодеваться, иначе схватите насморк.

В ее голосе была такая материнская нотка, что я похолодел. Я почувствовал, что все погибло.

СБЕГАЯ с лестницы после переодевания, я сразмаху налетел на юного Бинго. У него сверкали глаза.

— Берти!—воскликнул он,—Берти, друг мой! Со мной произошла чудесная вещь.

— Мерзавец! — закричал я. — Куда ты девался? Знаешь, что я...

— Ах, ты на счет этих кустов? Я не успел тебя предупредить. Это отменено.

— Отменено?

— Берти, я собирался прятаться в кустах, когда со мной произошло чудо. На лугу я увидел самую дивную, самую светлую девушку в мире! Другой такой нет! Берти, мой друг, веришь ли ты в любовь с первого взгляда? Ты не можешь, не смеешь не верить! Когда я увидел эту девушку, я почувствовал, что она притягивает меня, как магнит. При виде ее я забыл все на свете. Берти! Ее зовут Дафна Брейсуэйт! Как только наши глаза встретились, я понял, что моя кажущаяся любовь к Гонории Глоссоп была лишь минутным увлечением. Берти! Она так чудесна...

Но я повернулся к нему спиной и ушел.

Два дня спустя я получил письмо от Дживса, отдыхавшего на курорте.

.... Погода превосходна,—писал Дживс.— На днях я выкупался, от чего получил изрядное удовольствие.

С моих губ сорвался безрадостный смех, и я пошел в гостиную к Гонории. Мы условились, что она будет вслух читать мне классиков.

2. Близнецы.

УДАР обрушился ровно в час сорок пять по летнему времени. Спенсер, дворецкий тети Агаты, подавал им жареный картофель, и мое волнение было настолько велико, что я ложкой перебросил шесть картофелин на буфет.

Заметьте, что я уже сильно ослабел, и потому всякое потрясение отражалось на мне очень резко. Я был помолвлен с Гонорией Глоссоп в течение двух недель, и из этих двух недель не прошло ни одного дня без того, чтобы дорогая Гонория не мучила бы меня непосильной тренировкой. Она заставляла меня читать классиков, пока у меня глаза не лезли на лоб, заставляла проходить бесконечные ряды картинных галлерей и выносить необыкновенно продолжительные концерты классической музыки. Я конечно неспособен был выдержать этого удара.

— Берти, — сказала мне внезапно Гонория, заманившая меня на завтрак к тете Агате. — Берти, как зовут вашего слугу?

— Э? Слугу? О, его зовут Дживс.

— Мне кажется, что он имеет на вас плохое влияние, — сказала Гонория. — Когда мы женимся, мы его выгоним.

Тогда-то и дрогнула в моей руке ложка, в результате чего шесть картофелин полетело на буфет, а Спенсер прыгнул вслед за ними с видом пойнтера, поймавшего куропатку.

— Выгнать Дживса?! — ахнул я.

— Да, он мне не нравится.

— Мне тоже, — сказала тетя Агата.

— Но ведь я не могу его выгнать. Ведь я не смогу без него просуществовать ни одного дня.

— Придется, — сказала Гонория, — он мне вовсе не нравится.

— И мне тоже, — сказала тетя Агата. — Он никогда мне не нравился.

Ужасно! Мне всегда казалось, что женитьба явление кошмарное, но я никогда не поверил бы, что она требует таких жертв. Я сидел, точно пораженный громом.

ПОСКОЛЬКУ я помню, после завтрака предполагалось, что мы с Гонорией пойдем по лавкам Риджент-стрит. Но когда она встала и начала собирать все свои вещи, в том числе и меня, вмешалась тетя Агата.

— Милая, — сказала она, — оставьте мне Берти. Я должна с ним переговорить.

Борьба Миров

Гонория скрылась, а тетя Агата, придвинув ко мне свой стул, приступила к делу.

— Берти, — начала она. — С твоей свадьбой возникают затруднения.

— Неужели? — сказал я, старательно скрывая свою радость.

— Все это конечно пустяки. Дело в том, что сэр Родерик, отец Гонории, начал сомневаться.

— Считает меня не подходящим? Хочет отменить помолвку? Что ж, может быть он и прав.

— Берти, не говори глупостей. Ничего подобного! Но ты должен понять, что сэр Родерик, по своей профессии склонен к излишней осторожности.

Хотя я и должен был понять, но я не понял.

— Иначе оно и не может быть. Психиатор, с такой широкой практикой, как у него, неизбежно начинает рассматривать все человечество с некоторым скепсисом.

Теперь я понял. Сэра Родерика Глоссопа называли психиатором, потому что это звучное слово. На самом деле он состоял чем-то, вроде тюремщика в каком-то сумасшедшем доме. Другими словами, если ваш дядя начнет утомляться однообразием жизни и вы найдете его в голубой гостиной на четвереньках и с перьями в голове, то первый, за кем вы пошлете, будет старик Глоссоп. Он немедленно явится, обласкает пациента, поговорит о переутомлении нервной системы и предпишет полный отдых в уединении. Я думаю, что он успел побывать во всех шикарных семьях страны. Старику Глоссопу приходилось держать за руки и за ноги самых высокопоставленных людей, в то время как их ближайшие родственники по телефону вызывали из сумасшедшего дома карету. Неудивительно, что он стал скептически относиться к человечеству.

— Значит он считает меня психопатом и не хотел бы иметь практику в своей семье? — спросил я.

Острота моего прозрения не понравилась тете Агате.

— Конечно он не думает ничего подобного. Это было бы нелепо. Он просто

чрезмерно осторожен. Он хочет убедиться в том, что ты вполне нормален. Он услыхал, какую-то неправдоподобную историю о том, что ты будто бы столкнул его сына в воду. Это конечно невероятно. Даже ты на это неспособен.

— Я, собственно говоря, к нему слегка прислонился, и он почему-то слетел с моста.

— Освальд определенно утверждает, что ты столкнул его в воду. Это обеспокоило сэра Родерика и заставило его навести справки о нашей семье. К несчастью ему рассказали о бедном дяде Генри.

Она торжественно на меня взглянула, и я торжественно отхлебнул кофе. Дело в том, что мой покойный дядя Генри был до известной степени пятном на гербе Вустеров. Вообще говоря, он был совершенно чудесным человечком, но иногда делал довольно странные вещи. В своей спальне он содержал одиннадцать кроликов, а потому рационально настроенные люди были склонны считать его чуть тронувшимся. Чтобы быть откровенным до конца, я должен признаться, что свою жизнь он окончил в полном счастье и окруженный кроликами, в стенах какого-то солидного учреждения.

— Конечно все это глупости, — продолжала тетя Агата, — если бы кто-нибудь в нашей семье унаследовал бы эксцентричность бедного дяди Генри, так это были бы его сыновья: Клод и Юстес, а они великолепные и очень веселые мальчики.

Клод и Юстес были близнецами, они поступили в школу в тот год, когда я ее кончал. Они конечно были очень веселыми, и большую часть моего времени мне приходилось тратить на то, чтобы выпутывать их из всевозможных историй.

— Они великолепно ведут себя в Оксфорде. Тетя Эми вчера получила письмо от Клода. Он пишет, что в ближайшее время его и Юстеса вероятно изберут в клуб „Искателей".

— „Искателей"? — переспросил я.—В мое время в Оксфорде такого клуба не было. Что же они ищут?

— Об этом Клод не пишет. Надо думать, — познание или истину. Вероятно это очень фешенебельный клуб. Клод сообщает, что лорд Ренсби выставил свою кандидатуру вместе с ними. Однако мы удаляемся от предмета нашего разговора. Сэр Родерик хочет поговорить с тобой наедине. Надеюсь, что ты будешь вести себя, если не умно, — на это ты не способен, — то, по крайней мере, прилично. Пожалуйста не хихикай и старайся, чтобы у тебя в глазах не было твоего обычного стеклянного выражения. Не зевай и не вертись на стуле. Помни, что сэр Родерик является председателем лиги по борьбе с азартом, а потому не говори с ним о скачках. Он придет к тебе завтракать завтра в пол второго. Пожалуйста имей в виду, что вина он не пьет, куренье резко осуждает и есть может лишь самую простую пищу. У него неисправное пищеварение. Пожалуйста не предлагай ему кофе. Он считает его источником большинства нервных заболеваний.

— Собачий бисквит и стакан воды?

— Берти!

— Пустяки, это только острословие.

— Именно этого ты и должен избежать при встрече с сэром Родериком. Пожалуйста не будь с ним легкомысленным. Он очень серьезный человек... Ты уходишь? Хорошо. Запомни все, что я тебе сказала, и имей в виду, что если ты что-нибудь напутаешь, я тебя никогда не прощу.

— Идет, — ответил я и ушел домой. Этот день, до самого вечера принадлежал мне, и я не собирался его портить.

На следующий день я встал довольно поздно и вышел прогуляться. Прогулка — лучший способ выветрить туман, который обязательно бывает в голове по утрам. Я дошел до самого Гайд-парка, когда внезапно почувствовал удар, нанесенный мне между лопаток. Обернувшись, я увидел моего двоюродного брата Юстеса. Он шел под руку с двумя юношами, один из которых оказался Клодом, а другой незнакомцем, со светлыми волосами и извиняющимся выражением розовой физиономии.

— Берти, старик! — воскликнул ласково юный Юстес.

— Халло, — ответил я без излишней радости.

— Нет, это совершенно великолепно! Это самая счастливая встреча, какую

можно себе представить! Ты единственный человек в Лондоне, способный угостить нас, как мы того заслуживаем. Кстати, ты никогда не встречал „старого пса?" Будьте знакомы: лорд Ренсби, мистер Вустер. Мы только-что были в твоей квартире, Берти. Очень огорчились, что не застали тебя дома, но были великолепно приняты твоим слугой Дживсом. Это блестящая личность, Берти. Держись за него обеими руками.

— Что вы делаете в Лондоне? — спросил я.

— Всякие дела. Мы здесь находимся неофициально и строго сохраняем свое инкогнито. В три десять явимся обратно. А теперь давай поговорим о завтраке, которым ты так любезно предложил нас угостить. Куда мы пойдем? Ритц? Савой? Карльтон?

— Я не могу угощать вас завтраками. Мне некогда, — и, взглянув на часы, я позвал таксо-мотор.

— В таком случае, одолжи пятерку, — сказал Юстес.

Спорить было некогда. Я выложил пятерку и вскочил в автомобиль. Домой я вернулся в без двадцати два. Полным ходом влетел в гостиную и к счастью увидел, что она пуста.

— Сэр Родерик еще не прибыл, сэр, — сказал бесшумно появившийся Дживс.

— Молодец! — воскликнул я. Я по опыту знал, что чем менее приятен гость, тем пунктуальнее он является. Итак он уже опоздал на десять минут. Слава богу! Я еще в автомобиле представлял себе, как он, подобно тигру, мечется по пустой комнате, ломает мебель и вообще волнуется... — Все в порядке?

— Я полагаю, сэр, что вы будете вполне довольны завтраком. Будет суп, котлета и сладкое. В качестве напитка — лимонад со льдом.

— По моему завтрак безвредный. Только пожалуйста не приносите кофе.

— Нет, сэр.

— И кроме того. следите за тем, чтобы у вас в глазах не было обычного стеклянного выражения. Вы рискуете оказаться в два счета в комнатке с мягкими стенами.

— Слушаю, сэр.

В это время раздался звонок.

— Берегись, Дживс, — сказал я. — Начинается!

3. Завтрак сэра Родерика.

Я конечно и раньше встречал сэра Родерика Глоссопа, но только в присутствии Гонории, а при ней все остальные люди, находящиеся в комнате, кажутся ужасно маленькими. Я только теперь понял, что сэр Родерик в сущности очень внушителен. У него были косматые брови, от которых взгляд его становился невыносимо пронзительным. На голодный желудок выдержать этот взгляд было абсолютно невозможно. Сэр Родери был порядочно высок и порядочно широк. Голова у него была огромная и волосы торчали так, что она казалась очень похожей на купол святого Павла. Надо думать, что шляпы он носит не меньше девятого номера. Такую шляпу достать очень трудно. Вот вам неудобство чрезмерного развития мозга.

— Здорово, здорово, здорово, — приветствовал я его, стараясь показать максимум радушия, и вдруг почувствовал, что говорю именно то, чего говорить не следует. Дьявольски трудно начать разговор в таком положении. Человек, живущий в Лондоне, не может быть торжественен. Другое дело в деревне. Там я мог бы приветствовать его следующими словами: — Добро пожаловать в Мидоусвит холл! А попробуйте сказать: — Добро пожаловать в номер 6 А, Крайтон меншионс, Берклей стрит, Вест.

— Боюсь, что я несколько опоздал, — сказал он, когда мы сели. — Меня задержал лорд Аластер Хенгерфорд, старший сын герцога Рамфурлайн. Его светлость, за последнее время очень нервно настроен. К сожалению я не мог уехать от него сразу. Это и было причиной моего досадного опоздания, которое, я надеюсь, не причинило вам особого неудобства.

— Пустяки, плюньте! Значит герцог спятил?

— Выражение, примененное вами, не соответствует тому, которое я употребил бы в отношении главы одной из благороднейших семей Англии. Однако, несомненно, мозговое возбуждение, как вы и предполагаете, существует в изрядной степени. — Он вздохнул, при чем, несмотря на то, что рот его был полон куском котлеты, вздох этот удался ему в совер-

шенстве. — Моя профессия чрезвычайно утомительна, — сказал он.

— Надо думать.

— Иногда я прихожу в ужас от того, что вижу вокруг себя. — Он вдруг замер и словно выпрямился. — Вы не держите кота, мистер Вустер?

— Э? Что? Кота? Нет, кота не держу.

— У меня было совершенно определенное впечатление отдаленного мяуканья, доносящегося либо из этой комнаты, либо из ближайших к ней.

— Вероятно, это автомобиль где-нибудь на улице, или что-нибудь в этом роде.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать.

— Знаете, такси-моторы мяукают. Очень похоже на котов.

— Этого сходства я до сих пор не замечал, — ответил он довольно холодно.

— Разрешите предложить вам лимонаду? — сказал я. Разговор начинал становиться затруднительным.

— Благодарю вас. Пол стакана, если позволите.

Поганый напиток придал ему бодрости, и он продолжал уже более мирно:

— Я очень не люблю котов. О чем же мы говорили? Да. Иногда я прямо прихожу в ужас от того, что вижу вокруг себя. Это касается не только тех случаев, которые мне приходится наблюдать при исполнении моего профессионального долга. Это касается всего, что я вижу в Лондоне. Иногда мне кажется, что весь мир страдает психическим расстройством. Сегодня утром, ввиду того, что погода была прекрасна, я приказал шоферу взять открытый автомобиль. Откинувшись на сиденье я наслаждался солнечным светом, но внезапно наше движение было остановлено одним из тех заторов, которые неизбежны в городе с таким оживленным уличным движением, как Лондон.

Боюсь, что я немножко задумался. Когда он на минуту остановился, чтобы отхлебнуть лимонаду, мне показалось, что я слушаю лекцию, и от меня ожидают доказательства моего внимания.

— Тише! Слушайте! — сказал я.

— Виноват?

— Нет ничего, ничего, продолжайте...

— Автомобили, следовавшие в противоположном направлении также были остановлены, однако, минуту спустя, их пропустили. Я сидел погруженный в мысли, и совершенно неожиданно со мной произошла необычайная вещь. Кто-то сорвал у меня с головы шляпу. Когда я оглянулся, я увидел, что моя шляпа исчезла в автомобиле, который в свою очередь исчез среди других автомобилей.

Я не рассмеялся, но от напряжения у меня затрещали ребра.

— Вероятно кто-нибудь пошутил,—предположил я, но это предположение ему не понравилось.

— Я, кажется, не страдаю отсутствием чувства юмора, — сказал он, — однако в этом поступке не могу усмотреть элемента остроумия. Этот поступок несомненно был совершен лицом, находящимся в ненормальном состоянии. Подобные лица совершают самые неожиданные поступки. Например, герцог Рамфурлайн, у которого я сегодня был, — конечно это строго конфиденциально, — уверен, что он канарейка, и сегодняшний его припадок, обеспокоивший лорда Аластера, был вызван тем, что ему забыли утром принести кусок сахару. Бывают случаи, когда люди нападают на женщин с целью отрезать у них клок волос. Надо полагать, что похищение шляп является разновидностью той же мании. Я надеюсь, что напавший на меня человек своевременно будет помещен в соответственное... Мистер Вустер, у вас есть кот! Я вам говорю, что это не на улице! Он мяукает из соседней комнаты!

На этот раз сомневаться не приходилось. Из соседней комнаты доносилось совершенно отчетливое мяуканье. Я позвонил Дживсу, и Дживс появился бесшумный и почтительный.

— Сэр?

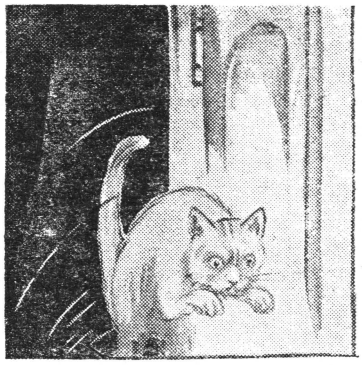
— Дживс, — сказал я, — коты! Что вы об этом скажете? Разве у нас есть коты в квартире?

— Только три штуки в вашей спальне, сэр.

— Что?

— Коты в спальне, — зловеще прошептал сэр Родерик и впился глазами в мой желудок.

— Что за ерунда, — сказал я, — что вы говорите? Какие три кота в моей спальне?



Сэр Родерик издал глухой стон и схватил свою шляпу и зонтик,

— Неужели вы уходите? — вскричал я.

— Мистер Вустер, я предпочитаю проводить мой досуг в менее эксцентричной компании. Да, я действительно ухожу.

— Но послушайте!.. Нет, я должен пойти вместе с вами, я должен объяснить... Дживс, шляпу!

Дживс немедленно подал мне шляпу, и я надел ее на голову.

— Боже мой!

Это было ужасно! Эта шляпа меня поглотила. Когда я ее надел, она закрыла мне уши.

— Дживс, это не моя шляпа.

— Совершенно верно, — холодно и недружелюбно сказал сэр Родерик.— Шляпа эта не ваша, а моя. Та самая, которую у меня сегодня утром украли в автомобиле.

— Но...

Я думаю, что Наполеон, или какой-нибудь другой исторический персонаж легко справился бы с создавшимся положением. Но я растерялся. Я стоял вроде как в столбняке, в то время, как старый чорт снимал с меня шляпу.

— Черный, полосатый и небольшой лимонного цвета, сэр.

— Какого чорта?! — Я бросился к двери моей спальни, но сэр Родерик избрал то же направление, и мы столкнулись. Толчек был довольно сильным. Сэр Родерик отлетел к стенке и схватил свой зонтик.

— Назад!—закричал он, размахивая зонтиком над головой, — назад, я вооружен!

Мне показалось, что наступило время его успокоить.

— Очень извиняюсь, что я вас протаранил, — сказал я. — Я хотел посмотреть, что там происходит.

Он, кажется, немного успокоился и опустил зонтик, но в этот момент из спальни донесся оглушительный вой. Казалось, будто кричат все лондонские коты и все коты, собранные с пригородов.

— Этот шум совершенно невыносим! — закричал сэр Родерик.

— Я думаю, что коты взволновались, найдя под кроватью мистера Вустера рыбу, — громовым голосом, но с полной почтительностью прокричал Дживс.

Сэр Глоссоп зашатался.

— Рыбу? Вы сказали, что у него под кроватью рыба?

— Совершенно верно, сэр.

— Слушайте, друг мой, — сказал он Дживсу, — я был бы вам очень благодарен, если бы вы согласились выйти со мной на улицу. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Слушаю, сэр.

— Нет, подождите! Подождите!.. — начал я, но он повернулся и вышел вместе с Дживсом. В этот момент в спальне, повидимому, началось побоище.

ВСЕ это мне чрезвычайно надоело. Коты в спальне! Это слишком здорово, как вам кажется? Я не знал, как они туда попали, но твердо решил, что они там не останутся. Я распахнул дверь и увидел около ста пятидесяти котов различных цветов и размеров, катавшихся клубком по моему ковру. Увидев меня, они пролетели в открытую дверь и бросились на лестницу. На поле битвы осталась только голова большой рыбы, глядевшая на меня высокомерно и недружелюбно. У нее было такое выражение, будто она собиралась потребовать от меня письменного извинения. Мне стало не по себе, и я ушел на цыпочках и закрыл за собой дверь. На лестнице я наткнулся на какого-то стремительного джентльмена.

— Виноват, — сказал он.

Это был розовый юноша, лорд такой-то, с которым меня познакомил сегодня Клод и Юстес.

— Слушайте, — сказал он извиняющимся голосом, — мне ужасно неловко надоедать вам вопросами, но может быть вы скажете, не мои ли это коты выбежали? Они были похожи на моих котов.

— Они вырвались из моей спальни.

— Значит это мои коты, — грустно сказал он. — Чорт бы их драл!

— Это вы посадили котов в мою спальню?

— Ваш слуга предложил мне оставить их у вас до поезда. И я пришел за ними, но они, увы, пропали. Что ж, делать нечего. Во всяком случае я возьму шляпу и рыбу.

Этот юноша мне не нравился.

— Значит рыбу тоже вы оставили?

— Нет, рыбу оставил Юстес, а шляпу — Клод.

Я с трудом дотащился до стула и сел.

— Может быть вы сумели бы мне объяснить, в чем дело?

— Как, неужели вы не знаете? Нет, в самом деле? — и он покраснел, вероятно стыдясь моего невежества. — Конечно, конечно, если вы не знаете, в чем дело, то все это могло показаться вам странным. Это очевидно.

— Совершенно очевидно.

— Это, знаете ли, делается для „искателей". У нас такой клуб в Оксфорде, в который ваши двоюродные братья и я очень хотим попасть. Для того, чтобы быть избранным в этот клуб, нужно что-нибудь стянуть. Понятно? Нелегальным путем раздобыть какой-нибудь сувенир. Дверной молоток, или шлем полисмена, или еще что-нибудь. На ежегодном обеде клуба стены увешиваются трофеями и произносятся всякие речи. Ужасно шикарно! Ну вот, мы хотели достать что-нибудь особенное и отправились в Лондон. С самого же начала нам страшно повезло. Клоду удалось выудить из проезжающего автомобиля довольно приличный цилиндр, а Юстес из магазина Хероддса вытащил отличную копченую рыбину. А я в течении часа поймал трех замечательных котов. Мы ужасно обрадовались, должен вам сказать. У нас было только одно затруднение, — мы не знали, куда девать все наше имущество. Но к счастью Юстес вспомнил о вас, и мы прибыли сюда на автомобиле. Вас мы, к сожалению, не застали, но ваш слуга сказал, чтобы мы не беспокоились... С вашего разрешения я возьму шляпу.

— Шляпы нет.

— Нет?

— Джентльмен, у которого вы ее стянули, пришел ко мне завтракать и унес ее с собой.

— Какой ужас! Бедный Клод будет ужасно огорчен. А где наша копченая рыба?

Когда он увидел останки, он совершенно расстроился.

— Боюсь, что комитет их не примет, — упавшим голосом сказал он и тяжело вздохнул.

— Ни котов, ни рыбы, ни шляпы. Все наши труды пропали даром. Это ужасно! И кроме того... Слушайте, мне ужасно стыдно, но дайте нам в долг десятку.

— Десятку? Зачем?

— Надо выкупить Клода и Юстеса. Они арестованы.

— Арестованы?

— Да. Видите ли, они были возбуждены удачей. Знаете, шляпа, рыба, коты, словом, великолепная охота. А потом мы пообедали. Ну вот, они увлеклись и попробовали стащить грузовик. Ужасно глупо. Я не представляю себе, как они достави-

ли бы его в Оксфорд, чтобы показать комитету. Но уговорить их было невозможно. А когда шофер начал протестовать, произошло столкновение. Одним словом, Клод и Юстес сейчас более или менее арестованы, и мне нужно их выкупать. Так что, если бы вы смогли одолжить десятку... Большое спасибо, это ужасно мило с вашей стороны. Знаете, было бы жалко оставлять их сидеть. Как вам кажется? Они такие хорошие парни. В Оксфорде они очень популярны...

— Не сомневаюсь, — ответил я.

Я ждал Дживса, стоя перед входной дверью. Я собирался с ним серьезно поговорить.

— Ну?—спросил я.

— Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, по поводу ваших привычек и образа вашей жизни, на что я отвечал с большой осторожностью.

— Почему вы сразу же не сказали ему всей правды? Одного вашего слова было достаточно, чтобы разъяснить всю эту идиотскую историю.

— Совершенно верно, сэр.

— А теперь он считает меня сумасшедшим.

— Судя по его разговору, сэр, я не удивился бы, если бы ваше предположение соответствовало действительности.

Я хотел ему ответить, но в этот момент зазвонил телефон. Дживс снял трубку и ответил:

— Нет, мадам, мистера Вустера дома нет Нет, мадам, я не знаю, когда он вернется Нет, мадам, никакой записки он не оставил. Да, мадам, я ему сообщу.

Он повесил трубку.

— Миссис Грегсон, сэр.

Тетя Агата! Этого следовало ожидать. После катастрофы с завтраком ее тень висела надо мной подобно дамоклову мечу.

— Она уже знает! Уже!

— Повидимому сэр Родерик переговорил с ней по телефону, сэр, и...

— Свадьба отменяется?

Дживс кашлянул.

— Миссис Грегсон ничего мне по этому поводу не говорила сэр, однако я допускаю такую возможность. Она была очень взволнована, сэр.

Странное дело. Я так был занят скандалом со старичком, котами, рыбой, шляпой и всей прочей путаницей, что совершенно упустил из виду светлую сторону этого происшествия. Это было здорово! Я почувствовал, как у меня с плеч сваливается невыносимая тяжесть, и издал радостный вопль.

Борьба Миров

— Дживс!—вскричал я.—Вы сделали это нарочно?

— Сэр?

— Я подозреваю, что вы с самого начала действовали сознательно.

— Видите ли, сэр, Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, случайно услышавший часть вашего разговора за завтраком, о некоторых деталях этого разговора сообщил мне. Извините за смелость, но я должен признаться, что я надеялся увидеть эту свадьбу расстроенной. Я полагал, что молодая леди не была для вас подходящей парой.

— Она вышибла бы вас через пять минут после бракосочетания.

— Так точно, сэр. Спенсер сообщил мне, что она высказала подобное намерение. Миссис Грегсон просила вас немедленно к ней зайти, сэр.

— Просила? Что вы посоветуете, Дживс?

— Я полагаю, сэр, что можно было бы поехать за границу.

Я покачал головой.

— Она погонится за мной.

— Не погонится, сэр, если вы поедете достаточно далеко. По средам и субботам, сэр, в Нью-Йорк отправляются отличные пароходы.

— Дживс, — сказал я, — вы правы, как всегда. Купите билет.

4. Рекомендательное письмо.

Чем дольше я живу, тем яснее вижу, что большинство безобразий, которые творятся в этом гнусном мире, происходят от легкомыслия, с которым всякие люди пишут рекомендательные письма другим людям для передачи их третьим. Иногда я жалею, что не живу в каменном веке. Дело, видите ли, в том, что, если в каменном веке кто-нибудь собирался дать кому-нибудь рекомендательное письмо, то он должен был в течение месяца гравировать его на булыжнике, а тот, кто получал это письмо, должен был таскать булыжник по жаре и, в конце кон-

цов, он ему надоедал. Тогда он забрасывал его в ближайшую пропасть. Но теперь так легко написать рекомендательное письмо, что всякий делает это, не думая о тех последствиях, которые обрушиваются на какого-нибудь абсолютно невинного человека, вроде меня.

Имейте в виду, что это рассуждение основано на печальном опыте. Я должен признаться, что сперва даже обрадовался, когда Дживс сказал мне, что некий тип, называемый Сириль Бессингтон-Бессингтон, прибыл с рекомендательным письмом от тети Агаты. Это было через три недели, после моего прибытия в Нью-Йорк, куда я попал в результате некоторых семейных осложнений, происшедших у меня дома.

Итак, я очень обрадовался. Видите ли, после горестных событий, вызвавших мой внезапный отъезд из доброй старой Англии, я не рассчитывал получить какое-либо письмо от тети Агаты. То, что она способна была написать мне, едва ли прошло бы через цензуру. Поэтому я был искренно обрадован, увидев, что письмо было почти любезно. Правда, местами с холодком, но все же приемлемо. Оно было чем-то в роде пальмовой ветви.

Я не протестую против Нью-Йорка. Это очень милый городок, но я привык к моей квартире на Берклей стрит, и часто по ней скучал. А в эту квартиру можно было вернуться не раньше, чем тетя Агата остынет после взрыва, происшедшего в результате моего неудачного разговора с профессором Глоссоп. Лондон, конечно, порядочный город, но недостаточно большой, чтобы спрятаться в нем от тети Агаты. Итак, я был склонен рассматривать этого самого Бессингтон-Бессингтона, чем-то вроде голубя мира, и был вполне настроен в его пользу.

Он прибыл в Нью-Йорк в одно прекрасное утро в семь часов сорок пять минут. В этот ужасный час пассажиров почему-то выбрасывают из парохода в Нью-Йорк. Дживс любезно выставил его из нашей квартиры и посоветовал вернуться часа три спустя, когда было больше вероятия увидеть меня бодрствующим. Это было очень мило со стороны Дживса, тем более, что между нами в этот момент существовало некоторое охлаждение, происшедшее от расхождения в мнениях по поводу пурпурных носков, которые я носил против его воли. Какая-нибудь мелкая личность на его месте отомстила бы мне тем, что впустила бы Сириля в мою спальню в тот час, когда я неспособен на двух-минутный разговор даже с лучшим моим другом. Но Дживс выгнал его на улицу и сообщил мне о его существовании лишь после чая.

— Что это значит, Дживс? — спросил я По утрам я не всегда способен сразу проникать в сущность вещей.

— Поскольку я понимаю, сэр, этот джентльмен прибыл из Англии. Он был здесь сегодня утром.

— Боже мой, Дживс, неужели утро уже началось до того, как я встал?

— Он просил меня сообщить, что он вернется попозже, сэр.

— Никогда об нем не слыхал. Что скажете, Дживс?

— Фамилия Бессингтон-Бессингтон мне известна, сэр. Существуют три ветви фамилии Бессингтон-Бессингтон: Шропшайрская, Хемпшайрская и Кентская.

— А что это за образчик благородного рода?

— Не могу сказать, сэр, в результате столь короткого знакомства.

— Как вам кажется, Дживс, можете вы поручиться, что он приемлем?

— Нет, сэр. На основании того немногого, что я видел, поручиться я не могу.

— Так я и знал, Дживс! Имейте в виду, что он привез письмо от тети Агаты.

— Так точно, сэр.

— Пожалуйста не относитесь к этому легкомысленно. Вы понимаете, она хочет, чтобы я посмотрел за ним, пока он будет в Нью-Йорке. Дживс! Мне необходимо ему понравиться. Нужно, чтобы он послал обо мне благоприятную рецензию в Англию. Тогда я смогу вернуться домой к празднику. Дживс! Пришло время действовать. Мы должны объединиться и усыпать розами путь этого самого прохвоста Бессингтона.

— Так точно, сэр.

— Он не долго останется в Нью-Йорке, — сказал я, снова взглянув на письмо.— Он собирается в Вашингтон. Очевидно думает немного повеселиться перед вступлением на путь дипломатической деятельности. Мы сможем купить его одним зав-

гарком и парой обедов. Как вам кажется, сможем?

— Полагаю, что этого будет вполне достаточно, сэр.

— Великолепно. Похоже на то, что солнце начинает выглядывать из-за туч.

— Весьма возможно, сэр.

Он начал выкладывать мои вещи и наступило неловкое молчание.

— Не эти носки, Дживс,—сказал я, стараясь говорить возможно равнодушнее.— Дайте мне мои новые, пурпурные.

— Виноват, сэр?

— Я сказал, дайте мне мои великолепные пурпурные носки.

— Слушаю, сэр.

Он выудил их из ящика с таким выражением лица, какое бывает у вегетарианца, выуживающего из своего салата гусеницу.

Я думал, что Сириль придет после завтрака, но он не появился. Поэтому, к часу дня я отправился в одно место, где уговорился питаться совместно с неким юношей, по фамилии Кеффин. Этот Джордж Кеффин — очень хороший парень, занятый тем, что пишет пьесы и тому подобное. Нью-Йорк битком набит превосходными парнями, готовыми завтракать.

Кеффин несколько опоздал, но наконец появился, заявив, что задержался на репетиции своей новой оперетки „Спроси папу". Когда мы добрались до кафе, лакей доложил, что некий мистер Дживс желает со мной говорить. Дживс был в приемной. Он с грустью взглянул на мои пурпурные носки и отвернулся.

— Мистер Бессингтон-Бессингтон только-что звонил по телефону, сэр.

— Откуда?

— Из тюрьмы, сэр.

Чтобы не упасть, мне пришлось опереться об стену.

— Из тюрьмы?

— Совершенно верно, сэр. Он сообщил, что его арестовали, и просил вас, по возможности, выкупить его из тюрьмы.

— За что же его арестовали?

— Он не оказал мне чести дать какие-либо объяснения по этому поводу, сэр.

— Дживс, это кошмарно!

— Так точно, сэр.

Джордж Кеффин охотно согласился следовать со мной, и мы немедленно отправились на такси-моторе. В полицейском участке мы довольно долго сидели на деревянной скамье, пока, наконец, какой-то полисмен не ввел Сириля.

— Халло, халло, халло, — сказал я, — как дела?

Надо сказать, что человек, выходящий из-под ареста, никогда не бывает в самом лучшем своем виде. У Сириля был подбитый глаз и разорванный воротник. Хорошо, что тетя Агата его не увидела. Вообще же он был худощав, довольно высок, с обильными светлыми волосами и светло-голубыми выпученными глазами, делавшими его похожим на одну из редких пород рыб

— Вы звонили мне по телефону? — сказал я.

— Вы и есть Берти Вустер?

— Несомненно. А это мой друг Джордж Кеффин, пишет пьесы и тому подобное.

Мы обменялись рукопожатиями, и полисмен, добывший из-под стула приклеенный к нему снизу кусок жевательной резины, ушел в угол и задумался.

— Поганая страна, — сказал Сириль.

— Ну, знаете, не знаю, — ответил я.

— Мы стараемся ее улучшить, — сказал Джордж.

— Джордж американец — пояснил я, — пишет пьесы и тому подобное.

— Конечно, я не изобрел этой страны, — продолжал Джордж, — ее изобрел Колумб, но во всяком случае я буду очень счастлив выслушать всякое предложение, могущее повести к ее усовершенствованию.

— Почему полисмены в Нью-Йорке не одеваются, как следует? — спросил Сириль.

Джордж внимательно оглядел жующего констебля.

— По-моему все в порядке, — сказал он.

— Почему они не носят шлемов, как в Лондоне? Почему они похожи на почтальонов? Это чорт знает что, это сбивает с толку. Я стоял на мостовой и любовался окрестностями, и вдруг ко мне подошел какой-то почтальон и ткнул меня дубиной под ребро. Я вовсе не хочу, чтобы меня почтальоны толкали дубинами. Для этого не стоит ехать за три тысячи миль.

— Правильно замечено, — сказал Джордж. — Что ж вы сделали?

— Я тоже его толкнул. Я, знаете ли, ужасно вспыльчивый. Все Бессингтон-Бессингтоны всегда были ужасно вспыльчивыми. А он ударил меня в глаз и притащил сюда.

— Не беспокойтесь, юноша. Я ликвидирую недоразумение, — сказал я и, вынув бумажник начал переговоры с полицейскими властями.

Я был очень озабочен. Пока он будет жить в Нью-Йорке ответственность за него ложится на меня. Он не казался мне человеком, за которого приятно быть ответственным более трех минут.

ПЕРЕД сном я долго думал о моем госте. Мне казалось, что его посещение Америки послано мне в качестве испытания. Я прочел и перечел письмо моей тети Агаты. Она несомненно считала целью моей жизни спасти его от всяческого зла. Хорошо еще, что он подружился с Джорджем Кеффином. Джордж очень хороший парень, и прямо из тюрьмы они отправились на репетицию оперетки „Спроси папу". Они определенно поладили и кажется собирались вместе пообедать. Когда я додумал до этого места, появился Дживс. Он принес телеграмму от тети Агаты. Вот, что в ней было:

— Прибыл ли Сириль Бессингтон-Бессингтон? Ни коим образом не знакомь его с людьми, близкими к театру. Чрезвычайно важно. Подробности письмом.

Я перечел эту телеграмму раз десять.

— Странное дело, Дживс!

— В самом деле, сэр?

— Чрезвычайно странное дело!

— Прикажете еще что-нибудь, сэр?

Продолжать разговор было бесполезно. Повидимому он не собирался выказать мне симпатии. Я хотел показать ему телеграмму и спросить у него совета. Но пурпурные носки настроили его против меня. Честь Вустеров не позволяла мне просить его сочувствия. Это было абсолютно невозможно.

— Спасибо, больше ничего не требуется.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

ОН УПЛЫЛ, и я остался обдумывать создавшееся положение. Я напрягал свой череп в течение получаса, но ничего придумать не мог. Внезапно раздался звонок, и появился Сириль, выглядевший чрезвычайно праздничнo.

— С вашего разрешения, я к вам зайду на минутку, — сказал он. — Мне нужно сообщить вам приятную новость.

Он проскользнул в мою гостиную, и когда я пришел к нему, я застал его за чтением телеграммы тети Агаты. Он хихикал.

— Я полагаю, мне не следовало читать эту телеграмму, — сказал он, — но я увидел на ней мое имя и прочел, не по-

думав. Слушайте, Вустер, друг мой, это мне нравится. С вашего разрешения, я налью себе стаканчик виски. Большое спасибо. Получилось очень весело. Особенно в связи с тем, что я собираюсь вам сообщить. Старый чорт Кеффин дал мне роль в своей оперетке „Спроси папу". Маленькую роль, конечно, но очень существенную.

Он выпил и продолжал тем же веселым тоном, не обращая внимания на тот факт, что я не прыгаю по комнате с радостным лаем.

— Я знаете ли всегда мечтал пойти на сцену, — сказал он. — Однако, папашка ни за что не хотел этого позволить. Стучал кулаком по столу и наливался кровью всякий раз, как об этом заходил разговор. Откровенно говоря, я затем сюда и приехал. В Лондоне я не мог пойти на сцену так, чтобы этого не узнал мой почтенный предок, но здесь мне никто не мешает. Поездка в Вашингтон была чрезвычайно талантливой мыслью.

Я попытался его урезонить.

— Слушайте, но ведь ваш отец все равно об этом рано или поздно узнает.

— Пустяки, к тому времени я буду уже звездой, и ему крыть будет нечем. А чего вы, собственно говоря, беспокоитесь?

— Я познакомил вас с Джорджем Кеффином.

— Совершенно верно, старая лиса, я забыл вас поблагодарить. Это было ужасно мило с вашей стороны. Ну, надо бежать. Завтра утром будет ранняя репетиция. „Спроси папу" — это именно то, чего я не собираюсь делать. Итак я бегу. Пока, пока.

— Всего, всего, — сказал я печально, и юноша исчез. Я бросился к телефону и вызвал Джорджа Кеффина.

— Слушайте, Джордж, что вы наделали с моим Бессингтон-Бессингтоном?

— Что случилось?

— Он говорит, что вы дали ему роль.

— Он не врет. Я дал ему роль.

— Джордж! Я из дому получил пятьдесят семь телеграмм с предостережением не пускать его на сцену.

— Пустяки. Это не опасно. Кроме того, я от него не откажусь. Он мне необходим. Играть ему не нужно. Он просто должен быть на сцене самим собой.

— Джордж, это ужасно. Моя тетя Агата прислала его с рекомендательным письмом. Она меня уничтожит, если я пущу его на сцену.

Борьба Миров

— Откажет в наследстве?

— Наследство не при чем, она сделает хуже. Мне трудно вам объяснить, потому что вы меня не знаете. Она высосет мою кровь, если я вернусь в Англию. Знаете, что это за женщина? Она способна прийти ругаться в восемь часов утра.

— Плюньте на Англию. Оставайтесь здесь и становитесь президентом.

— Но, Джордж, дружище...

— Спокойной ночи.

— Нет, слушайте, Джордж!..

— Вы кажется не слышали моей последней реплики? Я совершенно явственно сказал: спокойной ночи. Вы, богатые лентяи, не нуждаетесь в сне. Но мне необходимо завтра утром иметь ясную голову. Еще раз, спокойной ночи.

Я ПОЧУВСТВОВАЛ себя одиноким во всем мире. Таким несчастным и измученным, что я не выдержал. Я пошел и постучал в дверь к Дживсу.

Дживс появился в коричневом халате.

— Сэр?

— Простите, что я вас разбудил, Дживс, и так далее, но произошла целая куча всяких неприятностей.

— Я не спал, сэр. Я привык перед сном прочитывать несколько страниц из какой-нибудь нравоучительной книги.

— Прекрасная привычка. Может быть вы сможете сказать мне, что нам делать, Дживс? Мистер Бессингтон-Бессингтон собирается пойти на сцену!

— В самом деле, сэр?

— Дживс! Вы не понимаете всего ужаса положения. Его семья ни в коем случае не хочет позволить ему заниматься сценической деятельностью. Если он станет актером, то в Англии произойдет нечто ужасное. Но хуже всего то, что тетя Агата мне этого не простит.

— Понимаю, сэр.

— Что же нам делать, чтобы его остановить?

— Не знаю, сэр.

— Неужели ничего нельзя сделать? Попробуйте что нибудь придумать.

— Попробую, сэр. Прикажете еще что-нибудь?

— Не прикажу, я не способен приказывать.

— Отлично, сэр.

И он исчез. Я медленно поплелся к себе в спальную.

5. Спектакль.

РОЛЬ Сириля состояла из одной страницы на пишущей машинке, но по его поведению можно было думать, что она не менее значительна, нежели роль Гамлета. В течение двух дней, он прочел мне ее раз двадцать. Он был совершенно уверен в моем восторге по поводу предстоявшей ему карьеры.

Наконец, прибыло письмо от тети Агаты, Оно состояло из шести страниц описаний чувств отца Сириля и еще шести страниц описания того, что она скажет, подумает и сделает, если я допущу Сириля до какого-либо зла во время его пребывания в Америке. Письмо пришло вечером, и я не выдержал. Я даже не позвонил Дживсу, а прямо бросился в кухню, издавая жалобное блеяние.

Дживс принимал гостей. Какой-то субъект с печальным лицом, пил мое виски, а рядом с ним мальчишка в бархатной курточке уничтожал кекс.

— Слушайте, Дживс, — вскричал я.—Извините пожалуйста, что я нарушаю ваше пиршество и тому подобное, но...

В этот момент мальчишка взглянул на меня в упор. Его взгляд был как пуля, и я остался с открытым ртом. Я не люблю встречать людей с таким взглядом. Когда на меня смотрят такими глазами, мне кажется, что у меня развязался галстух, или еще что-нибудь случилось. Он смотрел на меня, как смотрел бы на дохлую крысу, принесенную котом в столовую. Это был довольно толстый мальчишка с лицом, густо усыпанным веснушками и обмазанным вареньем.

— Халло, халло, халло, — сказал я, — как поживаете? — Больше говорить было нечего.

Если я и понравился юноше, то он не показал виду.

— Как вас зовут? — спросил он,

— Меня?—удивился я. — О, меня зовут Вустер. Знаете ли Бертрам Вустер и тому подобное.

— Мой папка значительно богаче вас.

Этим вопрос обо мне был ликвидирован. Юноша, высказавшись снова занялся вареньем. Я обратился к Дживсу.

— Слушайте, Дживс, мне нужно с вами поговорить.

— Слушаю, сэр.

МЫ прошли в гостиную.

— Кто этот ваш юный друг, Дживс?

— Я встретил юного джентльмена, сэр, когда он прогуливался со слугой своего отца. С этим слугой мы были знакомы еще в Лондоне, и я позволил себе пригласить их ко мне в гости.

— Тем лучше, Дживс. Но это совершенно не существенно. Прочтите это письмо.

Он внимательно прочел вышеуказанный документ.

— Чрезвычайно затруднительное положение, сэр, — сказал он наконец.

— Что же нам делать?

— Время покажет, сэр.

— Но может быть и не покажет

— Вполне возможно, сэр.

В этот момент раздался звонок и в комнату ворвался Сириль. Дживс вышел.

— Вустер, друг моего сердца! — закричал он. — Мне нужен ваш совет. Как вы думаете, что мне сдеть для моей роли? Знаете, первый акт происходит в каком-то отеле, примерно в три часа. Что в таких случаях надевают?

— Посоветуйтесь с Дживсом, — ответил я. Я вовсе не был расположен обсуждать детали мужского туалета.

— Значит я позвоню? Так что ли?

Дживс молча появился на пороге.

— Дживс, — начал Сириль. — Мне нужно кое-что у вас спросить. Дело в том, что... Что это такое?

Тут я заметил, что в комнату вместе с Дживсом вошел толстый мальчишка. Он стоял и смотрел на Сириля, и взгляд его был многозначителен. Он рассматривал его больше минуты, и наконец изрек.

— Рыба.

— Э? Что? Как? - сказал Сириль.

Ребенок, которого с детства учили говорить правду, не замедлил пояснить свое замечание:

— У тебя лицо, как у дохлой рыбы.

Он говорил не столько с осуждением, сколько с жалостью. По моему это пока-

зывает, что он, в сущности, был очень милым ребенком. Мне всегда казалось, что такая физиономия зря у людей не бывает. Несомненно Сириль ее заслужил. Нет, это был прекрасный ребенок. Он мне определенно нравился.

Минуты две Сириль потратил на то, чтобы переварить высказанную мальчиком мысль. По истечении двух минут кровь Бессингтон-Бессингтонов шумно закипела.

— Здорово! — сказал он, — это здорово. Чорт меня побери, если это не здорово.

— Я не хотел бы иметь такое лицо, — продолжал ребенок серьезным голосом. — За миллион долларов не согласился бы иметь такое лицо. — И подумав добавил:— Даже за два миллиона долларов.

Я не могу точно установить, что произошло в течение ближайших двух минут. Кажется Сириль прыгнул на младенца. В последующие минуты комната была переполнена руками, ногами и летающими предметами. Что-то ударило меня в третью пуговицу жилета, я рухнул на кушетку и потерял всякий интерес к происходящему. Придя в себя, я обнаружил, что Дживс и ребенок исчезли, а Сириль стоит по средине ковра, расставив ноги и храпит от ярости, как носорог.

— Вустер, кто этот паршивец?

— Не знаю. Никогда его не видел до сегодняшнего дня.

— Я его малость отшлепал. Слушайте, Вустер, этот мальчишка сказал довольно странную вещь. Когда я его шлепал, он кричал, будто Дживс обещал ему доллар, если он назовет меня... тем, чем он меня назвал.

Это казалось совершенно невероятным.

— С какой стати Дживс стал бы это делать?

— Мне самому это показалось мало вероятным.

— По моему Дживсу совершенно безразлично, какое у вас лицо.

— По моему тоже, — ответил Сириль. В голосе его чувствовался холодок, — так мне показалось. Почему это было, я не знаю.

— Ну, надо бежать, — заявил Сириль. — Всего, всего.

— Пока, пока.

ПРИМЕРНО неделю спустя после этого странного происшествия, Джордж Кеффин пригласил меня на репетицию его знаменитой оперетты „Спроси папу".

Репетиция происходила за городом, где-то, кажется, в Шенектеди. Это была генеральная репетиция. Джордж объяснил мне, что генеральная репетиция гораздо интереснее,

чем спектакль, потому что помимо пьесы на сцене происходит много ругани

Репетиция была назначена на восемь часов, и чтобы не слишком долго ждать начала, я приехал с поездом в десять пятнадцать. Джордж Кеффин был на сцене. Он разговаривал с каким-то юношей в белой рубашке с засученными рукавами и каким-то дяденькой в круглых очках и с голым черепом. Этого дяденьку я вместе с Джорджем встречал в клубе Это был директор театра Блюменфильд. Помахав рукой Джорджу, я сел в задних рядах, чтобы не путаться под ногами, когда начнется драка. Джордж соскочил со сцены и пришел ко мне. Вскоре после этого занавес поднялся.

Я не помню интриги этой замечательной оперетты, но кажется она не нуждалась в особой помощи со стороны Сириля. Это было удивительно: когда он читал мне свою роль, у меня создалось впечатление, что без него вся пьеса развалилась бы и что, собственно говоря, вся остальная труппа служила фоном для его немногочисленных, но многозначущих реплик. Я сидел около получаса, ожидая, чтобы он появился, и вдруг заметил, что он стоит на сцене с самого начала. Он стоял, прислонившись к пальме и делая интеллигентное выражение лица, в то время как героиня пела о том, что любовь подобна чему-то удивительному, чему именно, я забыл. Потом он начал танцовать в группе остальных гостей. Это было страшное зрелище, но мне почудилось другое, еще более страшное. Я мысленно увидел тетю Агату и главу семьи Бессингтон-Бессингтонов.

Танец окончился, и Сириль отправился подпирать сцену. В это время справа из темноты раздался голос:

— Папка!

Старик Блюменфильд хлопнул в ладоши и тенор, приготовившийся испустить первую ноту, задержал ее в районе носоглотки. Я оглянулся. В проходе стоял маленький веснущчатый приятель Дживса! Я обомлел.

— Папка, — сказал юноша. — Этот номер мне не нравится.

Старик Блюменфильд чуть не распластался на животе.

— Неужели он тебе не нравится, мой дорогой?

— Это совершенно поганый номер.

— Ты конечно прав.

— Здесь надо дать что-нибудь с перцем и джаз-бандом.

— Ты совершенно прав, мой мальчик. Я это запомню. Ладно продолжайте.

Я повернулся к Джорджу, который безостановочно борметал проклятия.

— Джордж, старик, что это за мальчишка? Откуда он взялся?

Джордж простонал:

— Я не знаю, откуда он взялся, но знаю, кто он такой. Это сын Блюменфильда, и теперь с нами будет чорт знает что. Он всегда командует.

— Но почему Блюменфильд его слушается?

— Неизвестно. Мне лично кажется, что он просто учитывает тот несомненный факт, что публика в среднем нисколько не умнее этого мальчишки. А следовательно, что понравится мальчишке, то понравится и публике, и наоборот. Это не мальчишка, а чума. Я охотно бы его повесил!

РЕПЕТИЦИЯ продолжалась. Тенор спел, что ему полагалось, после чего произошел обмен мнений между режиссером и невидимым человеком по имени Билль, который, судя по позе режиссера, помещался где-то под крышей и кажется не сделал чего-то во время. Наступил момент для самой крупной реплики Сириля.

До сих пор он сказал только две вещи: „О, в самом деле," и „Да, совершенно определенно!" Но теперь для него наступило время развернуться во всю ширину. Я откинулся на спинку кресла и ждал,

Он развернулся минут пять спустя. К этому времени общая нервность повысилась. Голос сверху и режиссер только что закончили свой очередной спор по поводу чего-то непонятного. Героиня что-то сказала, что именно я не помню, и весь кордебалет начал беспокойно двигать ногами, как это всегда бывает перед номером. В это время упавший цветной горшок чуть не выбил мозги из героя, и тот рассердился.

Первая реплика Сириля была такова: — Слушайте! Нет, в самом деле, знаете, это невозможно,

Мне показалось, что он произнес эту реплику с большим чувством, но раньше

чем героиня успела ответить, справа из темноты запротестовал голос нашего юного друга.

— Папка!

— Да, дорогой.

— Он не годится.

— Который?

— Тот самый, у которого лицо, как у рыбы.

— У них у всех лица, как у рыб, дорогой.

Ребенок, повидимому, с ним согласился и поэтому решил выразиться точнее.

— Урод.

— Который урод? Этот?—спросил старик Блюменфильд, показывая на Сириля.

— Этот самый. Он никуда не годится.

— Ты прав, мальчик. Я тоже это заметил.

Сириль медленно открывал и закрывал рот, слушая этот разговор. Потом бросился к самой рампе. Со своего места я заметил, что кровь Бессингтон-Бессингтонов кипела на полный ход. Он начал краснеть с ушей, а потом с носа и через четверть минуты выглядел, как взрыв томатной фабрики на фоне вечернего заката.

— Что за чорт! — заорал он.

— Как вы смеете на меня орать! — загорал Блюменфельд.

— Я сейчас приду и отшлепаю этого паршивца.

— Кого?!

— Паршивца!

Старик Блюменфельд надулся, как шина, до отказа накачаная воздухом. Он выглядел толще, чем когда-либо.

— Послушайте мистер, как вас там зовут...

— Меня зовут Бессингтон-Бессингтон и Бессингтон-Бессингтоны не привыкли, чтобы их...

Блюменфильд в двух словах рассказал ему все, что он думал о старом роде Бессингтон-Бессингтон. Вся труппа искренне наслаждалась его речью.

— Если вы хотите служить у папы, то вам надо служить, как следует, — неодобрительно сказал Блюменфильд младший

— Убирайся к чорту! — зарычал Сириль

— Как? Как? Как? — залаял Блуменфильд старший. — Как вы смеете! Этот мальчик — мой сын!

— Так вам и надо! — ответил Сириль. — Я вас не жалею.

— Убирайтесь вон! — заревел директор, раздувшись еще больше. — Вон из моего театра!

ОКОЛО половины десятого следующего утра Дживс явился в спальню и доложил, что Сириль ждет меня в гостиной.

— Как он выглядит, Дживс?

— Я полагаю, сэр, что было бы неуместно с моей стороны критиковать особенности его лица.

— Я не про лицо, Какой у него вид, веселый или кислый?

— Он держится вполне спокойно, сэр.

— Странно.

— Как вы сказали, сэр?

— Ничего, зовите его сюда.

Признаться, сказать я ожидал, что Сириль, после вчерашнего побоища, будет выглядеть несколько иначе. Знаете, расстроенные нервы и тому подобное. Так нет, он был в самом веселом настроении.

Халло, Вустер, старый чорт!

— Халло, халло.

— Я заглянул, чтобы попрощаться.

— Попрощаться?

— Да, я через час уеду в Вашингтон.— Он сел на кровать. — Знаете, Вустер, я серьезно подумал и решил, что с моей стороны было бы свинством пренебрегать желаниями моего родителя. Видите ли, он послал меня сюда, чтобы расширить мой кругозор, а я вместо того надул его и пошел играть на сцене.

— А вы можете уйти из пьесы, не испортив всего дела?

— Пустяки, все в порядке. Я уже переговорил со стариком Блюменфильдом. Он сказал, что не знает кем меня заменить, но, во всяком случае, я считаю, что поступил правильно. Как вам кажется?

— Совершенно правильно.

— Я был уверен, что вы со мной согласитесь. Ну, надо двигаться. Очень приятно было с вами увидеться и так далее.

— Всего, всего.

И он исчез. Он мне даже понравился. Он врал с совершенно невозмутимым и кристально честным взглядом светло-голубых детских глаз. Я позвонил Дживсу. Со вчерашнего вечера я много думал и начинал кое-что понимать.

— Дживс.

— Сэр?

— Это вы научили толсторожего младенца назвать мистера Бессингтон-Бессингтона, рыбой и выгнать его из труппы,

— Я конечно не позволил бы себе ничего подобного, сэр, — сказал он, доставая из шкафа брюки. — Однако я допускаю, что мистер Блюменфильд из моих слов мог заключить, что я не считаю мистера Бессингтон-Бессингтона особо пригодным для сценической деятельности.

— Дживс! Если бы вы его не выгнали со сцены, тетя Агата устроила бы семнадцать истерик.

— Возможно, что произошли бы некоторые неприятности, сэр. Я полагаю сегодня предложить вам надеть синий костюм с красной полоской. Я думаю, что он будет вам к лицу.

ПОКОНЧИВ с завтраком и выйдя к лифту, я вдруг вспомнил, что собирался сделать, для того, чтобы вознаградить Дживса за его великолепное поведение в деле Бессингтон-Бессингтона. Мне это было очень тяжело, но я чувствовал, что был обязан это сделать: Я должен был отказаться от своих пурпурных носков. Я собирался вернуться и сообщить ему свое решение, но в этот момент поднялся лифт.

Зеленый мальчишка, управлявший лифтом, взглянул на меня с необъяснимым благоговением.

— Разрешите мне поблагодарить вас, сэр, — сказал он, — за вашу доброту.

— Э? Что?

— Мистер Дживс, как вы ему приказали, передал мне ваши чудные носки. Большое спасибо, сэр!

Я взглянул на его ноги. Пурпурным пламенем они пылали под зелеными штанами. Это выглядело очень эффектно.

— О! Пустя и! Не за что! Очень рад, что они вам понравились, — сказал я.

Больше говорить мне было нечего.

Джек Лондон

I.

ПРОШЛО 12 лет со дня смерти Джека Лондона. Его произведения успели за это время выйти многими „собраниями сочинений" на всех языках и во всех странах Европы. И отношение читателей к этому автору вполне определилось: он, бесспорно, стал одним из самых читаемых писателей. Не только у себя в Америке, но и у нас в СССР и на Западе он имеет много горячих поклонников.

Джек Лондон.

Главный кадр читателей Джека Лондона составляет молодежь и особенно молодежь из рабочего класса.

Что же влечет к Лондону молодых читателей?

Прежде всего, конечно, интерес к фабуле его произведений: Джек Лондон умеет всегда так занимательно рассказывать, нагромождать приключение на приключение, вплетать эти приключения в такую необычную обстановку северного и южного пейзажа, уснащать повествование фигурами таких оригинальных и сильных героев, что читатель с неослабевающим интересом глотает страницу за страницей и не может оторваться от книги пока не прочтет ее до конца.

Но не только эта сторона таланта писателя держит читателя прикованным к многочисленным страницам его произведений. Молодого читателя привлекают еще и те настроения, которыми насыщены книги Лондона. В самом деле, приключенческая романтика этого писателя будит бодрость, веру в неограниченность сил человека, вливает энергию, заставляет читателя верить в себя, в свои силы и возможности. И эти настроения охватывают всех, кто отдастся прихотям фантазии Лондона.

Этот здоровый оптимизм, которым проникается читатель при чтении произведений Джека, вытекает из особого призыва, раздающегося со страниц его книг,— призыва к труду, к неутомимости, к неослабной действенности. Почти все герои Джека борятся с препятствиями, одолевают трудности, побеждают стихию природы и жизни своей неукротимой энергией, огромным напряжением воли, силой и упорством в преследовании намеченных целей.

А это заражает. Заражает тем сильнее, чем бодрее и увереннее чувствует себя сам молодой читатель.

И, наконец, Лондон завоевал симпатии молодежи еще и теми крайне-левыми, правда, несколько сумбурными, но все же социалистическими убеждениями, которые он проповедует в целом ряде своих книг, призывая к свободе, к свержению оков ненавистного ему капитализма, увлекая читателя от полной условностей и лицемерия жизни городов и провинций, обработанных американской „культурой", в далекие и вольные леса Клондайка или под синее небо тропиков.

Молодежь всегда в большей или меньшей степени настроена революционно. По крайней мере, она неизменно приветствует непочтительное отношение к старинке, ко всему, что чтут отцы и тетки...

В этом смысле Джек был до самой смерти юн и непочтителен. Он всегда презирал все „принятое" и обыденное и звал к каким-то, ему самому чаще всего неясным, но новым, другим, чем существующие, формам жизни и деятельности.

Все это упрочило симпатии юных читателей к автору, неиссякаемая фантазия которого увлекала и продолжает увлекать миллионы молодожи на всей читающей земле...

Нельзя сказать, чтобы критическая литература о творчестве Лондона была велика. В этом отношении Лондон не может соперничать со многими, гораздо менее его читаемыми, писателями. К тому же, и те критические оценки, которые имеются, недостаточно серьезны и в большинстве случаев не объективны.

Прежде всего бросается в глаза резкая противоречивость суждений о Лондоне: одни его превозносят, другие ругают, одни считают его гениальным писателем, другие не признают за ним даже сколько-нибудь крупного таланта. Буржуазные критики не могут простить Лондону его порывов к социализму, его презрения к буржуазной культуре, его разрушительных, по отношению к существующему в Америке строю, тенденций. Наоборот, представители американского и западно-европейского социализма и левые либералы-интеллигенты неумеренно восхваляют в Джеке Лондоне не столько писателя, сколько именно публициста-социалиста. Так поступает, например, Эптон Синклер, связанный с Лондоном сверх всего еще и узами личных дружеских отношений. Для него Джек Лондон идеальный тип борца-человека и писателя, чуть ли не самый последовательный из всех социалистов...

Нужно ли говорить, что оба этих крайних мнения неправильны?

Джек Лондон — очень талантливый писатель, искренний и честный в своих убеждениях, но эти убеждения, однако, далеко не так стройны и последовательны, как это утверждает Э. Синклер.

Джек Лондон — синкретичен. Жизнь бросала его из стороны в сторону. Свой богатый жизненный путь Лондон прошел под перекрестным огнем самых разнородных влияний и в условиях американской действительности его эпохи он не мог, конечно, сделаться последовательным, ортодоксальным марксистом с законченной и стройной эрудицией. К социализму он пришел опытным путем, вынеся на собственной шкуре все горечи, тяготы и несправедливости, падающие на плечи угнетаемого рабочего, но этот „эмоциональный социализм" Лондона еще весьма далек от стройной системы идей Маркса. Мироощущение социалиста не претворилось у Джека Лондона в мировоззрение марксиста.

Одним из прочных и длительных увлечений Лондона было учение Ницше — индивидуалистическое, надменно-аристократическое в вопросах коллективизма, жестокое по отношению ко всем „ближним" и ниже „сверхчеловека" стоящим.

Джек Лондон любил применять к себе афоризм Ницше о „белокурой бестии", — индивидуальности сильной настолько, что она переходит в огромную самоуверенность и считает что по праву своего „прирожденного превосходства" может давить и третировать всех более слабых и менее одаренных.

Этот культ сильной и самодовлеющей личности не трудно найти почти во всех произведениях Лондона. Приключенческая романтика, которая увлекла фантазию Джека, лучше всего питалась героикой сильной, мужественной и, по существу, анархической личности. Мыслимы ли, действительно, те удивительные приключения, которыми полны произведения Лондона, без колоритной фигуры какого-нибудь силача, гиганта, неукротимого деспота над своим отрядом, пирата и капитана, вроде Вольфа Ларсена?

А именно в этом типе Джек Лондон видел настоящего героя. Для Ларсена его воля, даже его каприз — закон. Ларсен подавляет своей физической силой, которая сочетается

у него с высоким волевым и умственным напряжением. Но его поступки жестоки и антисоциальны. Он сеет вокруг себя страх и ненависть. Он доводит до отчаяния экипаж своего судна беспрерывными издевательствами. Ему ничего не стоит выкинуть за борт, к акулам, своего матроса, со смехом дергать его, умирающего от смертельного ужаса, за веревку, и только в последнюю секунду вытащить на борт, оставив в пасти акулы целую ступню жертвы...

Этот герой страшно далек от всякого идеала социалиста. Между тем, неукротимая, самоуверенная личность, утверждающая себя и свое желание, возводящая каждый свой каприз в культ, проходит торжествующим шагом через большинство произведений Джека Лондона. Мартин Иден — один из самых любимых и автобиографических героев Лондона — сложная, но тоже самоутверждающаяся индивидуальность, попирающая все и всех.

Даже герой-социалист Эрнст Эверхард из „Железной пяты", считающейся наиболее „социалистическим" романом Лондона, наделен всеми чертами и особенностями сильной и почти безответственной индивидуальности.

От этого ницшеанского внушения наш автор не мог освободиться до конца своих дней.

Едва ли можно помирить с социализмом также и те мелко-буржуазные идеалы „маленького благополучия", какими отмечены „счастливые концы" произведений Лондона.

Это благополучие понималось им чисто по-американски: эгоистическая обеспеченность гарантирует максимум свободы личности, делает индивидуальность независимой от воли коллектива и ставит в наиболее выгодные условия для проявления своих склонностей и симпатий, поэтому — да здравствует мелко-буржуазное накопление, уют семейного очага и неприступность „священного" права собственности!

Джек Лондон неоднократно высказывал в своих письмах мысль, что он с упорством держится за карьеру писателя потому, что она дает наилучший и наискорейший эффект: обеспеченность и покой. В 1900 г. он признается: „Я пишу для денег. Если я при этом зарабатываю и славу, то тем лучше, потому что она приносит больше денег... Но каждый раз, когда я сажусь писать, я испытываю отвращение. Я предпочел бы находиться где-нибудь в странствиях, блуждать по старым знакомым местам"...

Борьба Миров

Вторая жена Джека — Чармен Лондон, написавшая весьма обстоятельную биографию своего мужа, в которой она чуть ли не день за днем отмечает настроения и мысли писателя, с большой откровенностью сообщает: „Чем больше он раздумывал, тем сильнее крепло в нем убеждение, что писание романов оплачивается лучше всего, принося ему средства к обеспеченной жизни себе и другим"...

По своему характеру Джек Лондон был смелым и практичным, а полная неожиданностей, борьбы и разочарований жизнь еще больше укрепила его практическую действенность. Энергия искала выхода, а своеобразно-капризная индивидуальность Джека не мирилась с банальностью: он не мог сделаться дельцом, банкиром, торгашем. Не отсюда ли все это нарочитое афиширование своих социалистических убеждений?

Джек презирал буржуазное общество, но презирал по-интеллигентски, бросая ему из своего индивидуалистического одиночества самые циничные признания: „Когда я кончаю вещь, она становится мне ненавистной. Я пишу ее потому, что мне нужны деньги, а так их легче всего раздобыть. Но если бы я мог выбирать, я бы никогда не взял пера в руки,—разве только для того, чтобы писать социалистические брошюры и сказать буржуазному миру, как сильно я его презираю"...

Однако, это презрение не явилось препятствием к заключению Лондоном контракта с фирмой Херста, по которому он за тридцать шесть тысяч долларов в год отдавал свой художественный талант и славное имя писателя в распоряжение буржуазного „короля печати"...

Можно было бы безмерно увеличить число примеров, показывающих противоречивость убеждений Джека Лондона, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что этот писатель, пожалуй, ярче отмечен чертами индивидуализма, нежели коллективизма.

И все же Лондон — эта „белокурая бестия" — несомненно один из самых талантливых писателей Америки. В его мировоззрении противоречиво переплелись ницшеанство и социализм, презрение к буржуазному миру и идеалы „маленького благополучия", но эта идейная непоследовательность не помешала ему создать ряд прекрасных произведений, каждая страница которых блещет подлинным талантом и захватывает читателя

2.

Джек Лондон родился, как он сам считал, в 1876 году. Однако дата и год его рождения могут вызвать споры, так как они ничем не документированы и не подтверждены. Дело в том, что маленький Джек не был ни крещен, ни записан в книги, как родившийся „вне брака" от мелкого фермера Джона Лондона, пионера из Сан-Франциско, и его служанки.

Без всякого призора, в нищенской обстановке крохотного фермерского хозяйства, среди домашних животных, провел Джек годы своего детства. Может быть поэтому он впоследствии так неподражаемо проникался психологией животных, видел в них те далекие, атавистические для человека элементы, которые роднят весь органический мир земли и которые скрыты у человека под пластами эволюции и культуры.

Но скоро суровая действительность потребовала участия ребенка в борьбе за существование. Отец Джека не был в состоянии удержать в руках свое нищее фермерское хозяйство и отправился на поиски работы в Сан-Франциско. В грохоте и шуме городской жизни девятилетний Джек оказался одним из тех винтиков, которыми движется уличная сутолока: он стал газетчиком, тем расторопным, разбитным и оглушительно-крикливым парнишкой, который умеет подчинять своей воле взрослых, закидывая их сенсационными заголовками и заставляя купить газету... Жалкие центы, заработанные на продаже утренних и вечерних газет, шли на убогое хозяйство большой семьи, и только часть их ассигновалась на плату за учение в школе.

В маленьком Джеке жила огромная жажда знания. Профессия уличного газетчика сделала его бесстрашным, находчивым и самостоятельным. Он сам записал себя в школу, сам дал сведения о времени и месте рождения. Смело назвавшись Джеком Лондоном, мальчик безапеляционно установил свое несомненное происхождение от фермера Джона Лондона, совершенно игнорируя условность брачных отношений между его родителями.

Школа отнимала часть времени на приобретение элементарных знаний, продажа газет на улицах отнимала другую часть дня, помощь по дому тоже требовала известного времени, и все-таки Джек умудрялся выкраивать часы для чтения, которому он предавался с упоением.

Можно ли сомневаться, что самыми любимыми его книгами стали такие, в которых описывались наиболее невероятные приключения? Бродяги, разбойники, пираты, пионеры-конквистадоры, герои романтического авантюризма, заняли целиком воображение мальчика, начавшего мечтать о жизни, столь же полной приключений, как в этих книгах. Кровь пионеров забурлила в этой одаренной натуре, и продажа газет на улицах быстро потеряла для Джека всякую прелесть.

Между тем дела семьи Лондонов день ото дня шли все хуже, и двенадцати лет Джек был принужден оставить школу, чтобы поступить на фабрику. Условия труда были изнурительными: мальчик работал по 36 часов, имея затем отдых в полдня. Кроме того он тратил много времени на ходьбу от дома на фабрику и обратно, ибо отец опять взялся за аренду фермы. Мать приходила в дни получек и забирала заработок Джека. Практически, на собственном тяжелом опыте, прошел Джек суровую школу пролетария, получив много наглядных уроков эксплоатации и угнетения рабочих.

Теперь Джек свои редкие досуги стал тратить уже не на чтение, а на опытное ознакомление с „романтикой" жизни. Много свободных часов провел он на берегу гавани Сан-Франциско, присматриваясь к труду рыбаков. Его мечтой стала жизнь моряка. Но на покупку лодки он не имел денег. Однако, вскоре он заметил, что его друзья не просто рыболовы, а морские пираты. Они по ночам вытряхивали в свои лодки содержимое сетей городского арендатора и продавали краденое. Для подобной профессии нужны были отвага и особый вкус к опасным приключениям, и оба эти качества были у Джека. Скоро он сделался одним из самых бесстрашных и отчаянных участников ночных набегов на чужие сети.

Конечно, эти набеги не всегда кончались благополучно. Сам Лондон так рассказывает об одной из своих неудач.

„Однажды ночью я предпринял набег на китайских рыбаков. Это был разбой. Я должен сознаться в этом. Меня толкал на это капиталистический дух наживы. Благодаря небрежности, главный парус загорелся и был совершенно уничтожен. Кроме того в ту ночь не было никакого улова, и китайские рыбаки остались обладателями своих сетей

и своих снастей. Я стал банкротом, так как у меня не было возможности заплатить 65 долларов за новый парус. Я поставил лодку на якорь и поднялся в портовой лодке вверх по реке. В это время другая банда украла мою лодку. Они забрали у меня все, даже якорь; позже я нашел обломки лодки и продал их за 20 долларов. Итак я вновь скатился с той единственной ступеньки, на которую я было взобрался".

Несмотря на эти неудачи море все же лучше кормило, чем фабрика, да и жизнь приобрела привлекательный для Джека оттенок „таинственности". Вскоре Джек превзошел всех своих товарищей в храбрости и ловкости. По этим признакам управление портовой полиции обратило на него внимание и предложило ему выгодное место надсмотрщика. В сущности, это была провокация: парня купили, чтоб он предавал своих товарищей. По молодости и из-за нищеты он соблазнился доходным местечком, но совесть толкнула его к алкоголю. С этого времени Джек стал неумеренно предаваться пьянству. Деньги жгли ему руки, и он расшвыривал их без оглядки. Вынести долго такую жизнь он не мог и сбежал. Поступив матросом на судно, он отправился в Японию.

Путешествие заставило его, повидимому, произвести основательную „переоценку ценностей" и увидеть зияющие пробелы в своем образовании. Джек понял, что опыта жизни и чтения книг еще недостаточно, чтоб завоевать себе в обществе то положение, которое ему хот лось занять. И вот, по возвращении, несмотря на заманчивые предложения уйти в новое плавание уже в качестве штурмана, он остается на суше, поступает рабочим на джутовую фабрику и принимается за самообразование.

Сменяя одну работу другой, побывав угольщиком, каталем, поденным рабочим, везде и во всем чувствуя себя жертвой самой бесстыдной эксплоатации, Джек решился наконец на литературный труд.

Одна из газет Сан-Франциско объявила литературный конкурс на лучшее описание тайфуна, пережитого на море. Джек обратился к своим воспоминаниям, принял участие в конкурсе и получил первую премию. Этот успех настолько ободрил его, что он решил сделаться профессионалом-литератором. Однако, за первым лучем надежды и успеха последовал длительный период самых горьких неудач. Джек еще не созрел для литературной работы. Всякий талант должен быть подвергнут шлифовке. Писателю необходимо образование, известная сумма фактических книжных сведений, дополняющих, углубляющих и обогащающих опыт пережитого лично.

Борьба Миров

Джек должен был зарабатывать себе на хлеб, и так как все попытки достать средства к жизни литературной работой окончились неудачей, то оставалась только надежда на мускулы. И в жизни Лондона открывается период скитаний. То, как член артели фермерских рабочих, измеряет он пешком бесконечные равнины западных прерий; то, как матрос, уплывает к далеким берегам Азии, принимая участие в охоте на котиков; то, как вольный бродяга и железнодорожный заяц, испытывает он все превратности судьбы до тюремных заключений и принудительных работ включительно...

Штаты и Канада были им исхождены и изъезжены вдоль и поперек вместе со многими другими, столь же неудачливыми искателями счастья и заработка, истории которых он выслушивал, складывая эти печальные рассказы в бездонные кладовые своей памяти, чтоб потом вернуть обществу уже в качестве литературно-художественного материала.

Приведем несколько красочных строк из автобиографических очерков Лондона, рисующих его жизнь этого периода.

„Я остался верен себе. Когда однажды во время моих странствований по Соединенным Штатам и Канаде я застрял у Ниагарского водопада, я был схвачен полицейским, жаждавшим вознаграждения за поимку бездомного. Я был лишен всякой возможности доказать свою невинность, меня присудили к 30 дням тюремного заключения только потому, что у меня не было постоянной квартиры и каких-нибудь очевидных источников существования. На меня надели наручники и сцепили меня с целой армией людей, которых постигла та же судьба, что и меня; я был под номером доставлен в Буффало, в окружную тюрьму Эри; мне обрили голову, сбрили пробивавшиеся усы, надели на меня полосатый костюм. Какой-то студент-медик, который относился к нам, как к кроликам для медицинских опытов, насильно привил мне оспу, меня стали учить маршировке и заставили работать под надзором хорошо вооруженных надзирателей. Все это про-

изошло только потому, что я осмелился жить, как белокурая бестия. Остальные подробности можно и не упоминать, скажу только, что национальный патриотизм, благодаря этому этапу моей жизни, окончательно растаял, и я стал с того времени больше думать о людях, чем о географических границах"...

Период бурных приключений бродяги привел Джека к новой „переоценке ценностей". Он вновь усаживается за книгу, на этот раз связав себя университетской программой. Он прилежно изучает все, что считает необходимым знать. Он ищет научной основы для своего инстинктивного социализма. В это время он и познакомился с учением Маркса, идеи которого позже сделал предметом литературной обработки в ряде произведений, среди которых знаменитая глава из „Железной пяты" отличается особой яркостью.

Два проведенных Лондоном в университете года связали будущего писателя с буржуазным обществом, изучению которого он предался со всем вниманием и со всей силой наблюдательности, которые были свойственны этой талантливой натуре. В это же время несколько наладилась у него и литературно-газетная работа, однако не настолько, чтобы выдвинуть Джека в первые ряды. Он прозябал на страницах газет и журналов, больше учась и упражняясь в стиле, чем создавая художественные ценности.

В это время по всем Штатам стали распространяться слухи о вновь открытых богатейших, неисчерпаемых запасах золота в Клондайке на Аляске. „Золотая лихорадка" начинала трясти всех бродяг, искателей счастья и приключений, и охватила даже мирных фермеров. Муж сводной сестры Джека решил отправиться на поиски своей доли счастья и предложил Джеку принять участие в экспедиции.

Джек не устоял перед соблазном. Накопившиеся за время передышки силы запросили выхода, и Джек примкнул к отряду золотоискателей.

Это путешествие в Клондайк стоило ему значительно больших жертв, чем все предшествующие скитания. Золотом искатели, конечно, не обогатились, зато страданий досталось на их долю не мало: они голодали, мерзли, болели, подвергались опасностям и едва унесли ноги из „заповедной страны". Шурин Джека разорился и продал свою ферму для покрытия расходов по экспедиции, сам Джек долго болел цынгой и, наконец, должен был сделать исключительное по трудности путешествие в лодке по Юкону, несясь в течение 19 дней по бурным волнам реки к океану.

Уезжая в Клондайк, Лондон принял обязательство писать корреспонденции в газеты, но особых надежд издатели, повидимому, на этого репортера не возлагали. Однако, оказалось, что корреспонденции, очерки, зарисовки, путевые наброски Джека Лондона стали производить сенсацию, сделались самым популярным чтением. Они были полны свежестью, здоровым безыскусственным реализмом, ибо Джек ничего не „выдумывал", а строго придерживался действительности, которая, правда, была совсем необычной и говорила сама за себя. В Сан-Франциско, Вашингтоне, Нью-Йорке газеты наперебой стали добиваться корреспонденций Лондона, так что возвращение его из Клондайка было триумфальным шествием.

Как это часто бывает, слава Лондона выросла внезапно, как гриб после дождя. Он, как и Байрон, проснулся однажды утром знаменитостью.

С этого времени жизненный путь Джека Лондона определился прочно. Джек стал писателем, и писателем крупнейшим, признанным и любимым.

Однако слава и деньги мало изменили Джека, хотя он и устроил свою жизнь комфортабельнее и удобнее, чем до этого. Джек, напротив, укрепляется в своих убеждениях социалиста и все чаще, все более громко бросает вызовы буржуазному обществу статьями, брошюрами, книгами, ораторскими выступлениями и, наконец, открытым переходом в лагерь социалистов.

Во время англо-бурской войны Лондон отправился в Африку, как газетный корреспондент, но англичане не допустили постороннего свидетеля в район, где они расправлялись с бурами и грабили беззащитное население.

Тогда Джек под видом простого бродяги, в издавна знакомом ему обличьи, проник в столицу Великобритании и погрузился на самое „дно" восточных кварталов Лондона, где под видом „безработного матроса" изучал ужасную обстановку жизни лондонской нищеты. В результате появилась книга „Люди низов", вызвавшая бурю негодования верхов, но приведшая еще больше рабочих читателей к ее автору.

Сильно повлияла на Джека длительная кровавая бойня империалистической войны, и трудно сказать, какую долю своей отравы внесла она в последнее решение, принятое больным писателем в 1916 г., когда он окончил расчеты с надоевшей ему в сорок лет жизнью.

Жизнь, полная скитаний, темперамент горячий, неистово-активный, ум творческий и революционный, воля, закаленная бесконечными схватками с нуждой, приключениями и опасностями, — таков общий контур этой ни на какую другую непохожей биографии писателя и человека.

3.

ВСЯКИЙ писатель в то же время и читатель. Но это совсем особый тип внимательного читателя: он ищет в произведении не только занимательности и известного толкования явлений и их смысла, но обращает особое внимание и на технические приемы автора, на его технику. Он учится писать сам на произведениях старших поколений, особенно в молодости, в пору формирования своего таланта. Из множества прочитанных книг одни оставляют большее, другие меньшее впечатление; определяются „любимые" авторы, у которых молодой писатель больше всего и заимствует, но которых он может впоследствии и „преодолеть", если собственный талант это позволит. Так складываются литературные „традиции"...

Джек Лондон тоже не сразу стал самостоятельным писателем. Он очень много читал и учился у английских и американских писателей.

Ко времени созревания таланта Джека Лондона американская литература успела уже создать значительное количество хороших произведений и выдвинуть больших писателей. Социально-политические условия жизни Америки и ее исторического прошлого выдвинули на первый план особый вид приключенческих романов, связанных фабульно с эпохой завоеваний и распространения колонизации с востока на запад и на юг, с периодом гражданской войны за независимость и с главными общественными вопросами последнего столетия.

Труды и подвиги пионеров, боровшихся на пути своего расселения по обширным прериям с слепыми силами природы и с жестоким сопро ивлением индейских племен, нашли яркое отображение в целом ряде литературных произведений. Среди авторов этих произведений наиболее видное место занимает Фенимор Купер (1783 — 1851), своими романами о „Кожаном чулке" создавший тип охотника-„следопыта", бесстрашного исследователя лесов, настоящего героя эпохи завоеваний. Бесчисленные копии с этого типа „следопыта" списывались потом всеми авторами приключенческих романов, и герой этот истрепался, как старая карта из засаленной колоды. Лондон многому научился у Купера, и его заслуга состояла как-раз в полном обновлении типа лесного бродяги, в придаче ему черт современности, в устранении всего устарелого и традиционного. Следопыт старинных романов, которыми зачитывался Джек в молодости, зажил новой жизнью на страницах его произведений.

Не менее решительное влияние оказал на Лондона и Брет-Гарт (1839 — 1902. Его рассказы о „золотоискателях" и приисковых рабочих, охваченных „золотой лихорадкой" и массами отправлявшихся в Калифорнию за счастьем, производили сильное впечатление на американских читателей. Джек Лондон нашел у этого писателя богатый и нужный ему материал, и когда новый припадок „золотой лихорадки" потряс американских искателей приключений и погнал их на Клондайк, Джек был уже литературно подготовлен для бытописания этого типа в новой фазе его развития. Брет-Гарт был его учителем, как сам Джек Лондон стал неподражаемым мастером для множества последователейс Джемсом-Оливером Кэрвудом во главе.

Мы уже видели, что Джек Лондон через тяжелый личный опыт пришел к хотя и непоследовательному, но все же социалистическому миро озерцанию. Однако для того, чтобы его социалистические убеждения сделались материалом для художественных произведений, Джек Лондон должен был овладеть формой большого социально-бытового романа. Те небольшие темы, с которыми он выступил в начале своей писательской карьеры, укладывались в формы рассказов, очерков, повестей, которых Лондон написал неисчислимое количество. Но большой талант тяготел к большой форме. Роман манил Джека, и он серьезно принялся за изучение его конструкции.

Еще Хоуэлс (1837 — 1920) — писатель большого общественного темперамента —

Борьба Миров

наметил тип американского социально-бытового романа в „Возвышении Сайласа Лэпхама". В этом романе он показал путь предприимчивого и энергичного янки, выбившегося из нищеты до положения миллиардера. Этот путь, конечно, не был ровным и честным: герой делал зигзаги и петли, заключал сделки с совестью и людьми, обманывал и хищнически пользовался минутами преимущества в борьбе с противниками, но тем не менее, дойдя до вершин богатства и благополучия, приобрел уважение и рабское восхищение лживого, льстивого и подлого общества, подавленного тяжестью золотых мешков счастливца.

Протест наиболее либеральных писателей против торжествующего капитализма Америки пошел по линии выведения на чистую воду жуликов и негодяев всех масштабов и формаций. В этом отношении яркую страницу в историю американской литературы вписал рано умерший Франк Норрис (1870 — 1902) своими двумя романами „Осьминог" и „Колодезь" из задуманной им трилогии „Эпопея о пшенице". Он показал все стадии превращения зерна, мирно созревающего на полях западных штатов, в звонкое золото, текущее в бездонные карманы спекулянтов Нью-Йорка, Вашингтона и Бостона. Отвратительные стороны эксплоатации и бешеной погони за наживой обнажаются в этих романах, но Норрис не был социалистом и поэтому не сумел подчеркнуть в своих произведениях классовой точки зрения.

Для Джека Лондона социально-классовая подоплека современной американской действительности была более или менее ясна, и, научившись у Хоуэлса и Норриса приемам большого стиля, он стал продолжать и расширять рамки социально-бытового романа в таких произведениях, как „Железная пята" и другие.

В пестрый и по существу нестройный хор американской литературы огромный талант Лондона внес вполне определенный тон. Этот писатель как бы способствовал кристаллизации классовых элементов американской художественной прозы и уверенной рукой противопоставил разноцветному хороводу героев и героинь четкие, и цельные натуры своих типов — морских волков, бродяг, искателей приключений, социалистов и мужественных женщин. Ирония, с какой Лондон оценивает тех из действующих лиц, которые враждебны его классовому созданию, заставляет его произведения сверкать и искриться своеобразным юмором. Этому юмору учился он у великого Марка Твэна (1835—1910), влияние которого на всю американскую литературу поистине огромно.

Но Джек Лондон учился на опыте не только американской литературы. Его знакомство с европейскими классиками и современниками было очень обстоятельным и глубоким.

Читатель знает, что Джек Лондон очень охотно и очень любовно описывал животных.

Жизнь животных была органически близка Джеку Лондону, умевшему истолковать языком человека всю сложную сеть инстинктивных побуждений и действий диких зверей. Что может быть ярче такого замечания из „Белого клыка" о „философии жизни"? — „Если бы волченок умел мыслить по-человечески, он представил бы себе жизнь в виде колоссального аппетита, а весь мир в виде совокупности аппетитов, преследующих и преследуемых, выслеживающих и выслеживаемых, поглощающих и поглощаемых беспорядочно и слепо, жестоко и безрассудно,— представил бы его в виде чего-то огромного, что в хаосе жадности и убийства управляется простой случайностью, неумолимой, бесцельной и бесконечной"...

Этому умению глубоко проникнуть в неясный мир инстинктивных желаний и переживаний животного Лондон научился у Рэдиарда Киплинга. У этого английского мастера, выросшего среди роскошной природы Индии, Лондон научился способам проникновения в тайны психики животных, пониманию их жестов, движений, прыжков.

4.

ЛИТЕРАТУРНОЕ наследство Джека Лондона очень велико. Сорок пять объемистых томов осталось нам в результате литературной деятельности Лондона, продолжавшейся меньше 20 лет. И надо сказать, что еще далеко не все написанное Лондоном собрано и издано: многое рассеяно в рукописях, а большинство газетных статей и очерков не переиздается потому, что они потеряли интерес злободневности.

Огромная работа, проделанная Лондоном в сравнительно короткий срок, поражает, однако, не только своей численностью (на год работы в среднем приходится по две с половиной книги!), но и необычайно высо-

ким качеством продукции. Джек Лондон долго и упорно работал над своим стилем и во всех сорока пяти томах его произведений почти невозможно найти сырой, не окончательно обработанный материал. Все доведено до законченности и до той степени совершенства, которую позволял достигнуть талант писателя.

Все произведения Джека Лондона можно разбить на три основных группы: романы, рассказы и очерки, и статьи. Последние собраны в книгах: „Революция", „Борьба классов", „Люди низов", „Власть сильных" и „Снарк". Все эти книги рисуют Лондона, как публициста — социалиста, темпераментного борца и тонкого наблюдателя, устремившего свое внимание на положение рабочих во всем мире. Трудящиеся всех цветов и наций, этнических типов и стран, проходят перед читателем этих книг. Любимая идея Джека Лондона о необходимости солидарности всех трудящихся для борьбы с капитализмом цементирует отдельные очерки и зарисовки в одно стройное здание. Полемические выпады против клеветы буржуазной прессы характеризуют актуальность этих статей. Джек, например, блестяще опровергает затрепанную мысль о низкой работоспособности китайских рабочих, доказав, что самый ритм, свойственный трудовым процессам китайцев, делает их работу продуктивней и интенсивней, чем работа многих иммигрантов, и только погоня за дешевыми рабочими руками в целях самой наглой эксплоатации выдвинула эту несостоятельную теорию.

Не будем останавливаться на других социальных темах этих книг, отсылая читателя к их живым и трепетным страницам, и перейдем к бесчисленным рассказам Джека Лондона.

Одно перечисление их заглавий заняло бы очень много места. Достаточно сказать, что темы рассказов Джека охватывают положительно все стороны жизни. Все, что видел и наблюдал автор на дорогах и тропинках — как пешеход, на лодках, шхунах, кораблях — как матрос и пассажир, в вагонах железных дорог и на станциях — как путешественник и железно-дорожный заяц, в прериях, лесах, пустынях и горах — как бродяга и золотоискатель, — все нашло отражение и отклик в этих рассказах.

При этом следует заметить, что Джек Лондон отличается от всех других писателей тем, что он литературно прост в своем мастерстве. Он ничего не выдумывает, а щедро черпает из накопленного опыта и описывает точно, сжато, выразительно и так близко к действительности, что некоторые критики упрекали его в „фотографичности". Однако, эта близость к жизни, это непосредственное отражение людей и природы, создали автору бесчисленных друзей среди читателей, весьма нередко узнававших себя и свое приключение в читаемом очерке или рассказе.

Борьба Миров

Девятнадцать книг рассказов Лондона отражают целый мир своеобразных интересов и невероятных приключений, мир крепких, закаленных людей, борящихся за существование во всех уголках земного шара. Суша и море, леса и прерии, снега и раскаленные пески пустынь — составляют декорацию, на фоне которой идет непрерывная и жестокая борьба за жизнь, за кусок пищи, за горсть золотого песка.

Романы Джека Лондона столь же неоднородны по темам, как и его рассказы. Несколько особняком стоят совершенно изумительные романы о животных. Такого мастерства и такого глубокого понимания психики зверей не знал сам Киплинг. Однако и эти романы о животных тесно связаны с приключенчеством. „Белый клык" не просто „психограмма" волка-собаки, но и занимательная цепь приключений людей и животных в лесах севера. „Зов пустыни" не только история одичавшей собаки Бека, но и ряд блестящих картин быта, нравов и социальных отношений людей.

Следующую группу романов Лондона составляют такие, в которых с неподражаемым мастерством и знанием обстановки повествуются приключения на море. Классическим романом этого типа является, конечно, „Морской волк". Судьба интеллигента, заброшенного на пиратское судно, идущее на охоту за котиками и управляемое импозантным силачем и насильником Вольфом Ларсеном, переплетена в романе с судьбой другой жертвы случая и тайфуна — мисс Мод Брустер, и в обстановке жутких нравов, царящих на „Призраке", развертывается целая цепь захватывающих приключений. Со времени классиков морского романа (Смоллета, Фильдинга, Мэриетта) не появлялось столь насыщенных и прекрасных произведений этого жанра, как „Мятеж", „Джо у пиратов" и другие романы Джека Лондона. Море и

экзотическая природа тропиков навеяли ему фабулу и очаровательного, почти идиллического романа „Приключение".

Одной из своих излюбленных тем о жизни и трудах приисковых рабочих и искателей счастья на Аляске, в далеком Клондайке, посвятил Лондон роман „Дочь снегов", а труду, его радостям и разочарованиям он вообще уделяет много места во всех своих романах.

Отсюда понятен переход к социально-бытовому роману. Бесспорно, монументальным памятником этого рода литературы высится социалистический роман Джека „Железная пята", который буржуазные критики упрекали в чрезмерной „догматичности", выразившейся в том, что автор целые главы посвящает изложению марксизма. Однако, эта „догматичность" нисколько не мешает цельности и силе впечатления, которое производит эта прекрасная книга, читающаяся с неослабевающим до конца интересом.

В ряде своих произведений Лондон с необычайным знанием подробностей рисует циркачей („За кулисами цирка"), боксеров („Игра") и, наконец, переходит к весьма трудной и социально-значимой теме об алкоголе.

Роман о „Джоне Барлейкорне" не имеет аналогий во всей мировой литературе. Сам жертва спиртных напитков, Джек Лондон обнажает такие больные и жуткие стороны психологии пьяницы, что этот роман перерастает все обычные представления о действии алкоголя и с потрясающей убедительностью показывает читателю, как гнетущая социальная обстановка Америки толкает людей в объятия „зеленого змия". Критики долго решали вопрос: „за" или „против" пьянства сам автор и не пришли к единодушному заключению. Однако, одно несомненно: автор всеми силами своего существа против того строя жизни, забвение от которого многие находят только в диком, беспробудном пьянстве.

Если к ряду бытовых романов Лондона присоединить и отдельные произведения, в которых он успешно разрешает специальные литературные задания, то диапазон творчества этого писателя превзойдет самые смелые ожидания.

В самом деле, в романе „Письма о любви" Лондон показывает себя исключительно тонким психологом, не уступающим лучшим представителям этого жанра в Европе: в „Сердцах трех" он дает замечательный образец кино-романа; в „Алой чуме" он строит жуткую утопию гибели человечества от страшной эпидемии; наконец, в автобиографическом романе „Мартин Иден" он рассказывает героическую историю юноши, одолевающего нечеловеческие препятствия, идущего от разочарования к разочарованию, растаптывающего авторитеты и предрассудки, побеждающего косность общества силой литературного таланта, чтоб все это принести к ногам великого крушения и обдуманно и сознательно порвать нить своей жизни.

Джек Лондон честно заработал себе литературное бессмертие, и несмотря на некоторую путанность общественно-политических взглядов, все же является одним из самых близких нам американских писателей.

Литературовед.

Жизнь рабочих в Америке.

(Из воспоминаний русского политэмигранта).

В 1912 году, преследуемый царской полицией за революционную деятельность, я вынужден был бежать за границу. После кулачного царского режима призрак американской свободы манил меня, и вот наконец желанный миг настал: я в городе домов-небоскребов, я в Нью-Йорке, я своими глазами вижу статую, олицетворяющую ту свободу, сладость которой я должен был познать так скоро.

Как я ее познал, читатель увидит из дальнейшего.

В тот год, как-раз, была большая безработица. Фабрики и заводы закупорились в своих постоянных штатах, и пролезть под их крышу оказалось невозможно. Шатаясь целыми днями от завода к заводу и повторяя, как попугай, фразу „ай вон джап" (я хочу работать), я неизменно получал один ответ: „нет работы".

Измученный ходьбой, изнуренный голодом, не имея средств, чтобы заплатить за ночлег, я принужден был ночевать в скверах и на бульварах, несмотря на глубокую осень.

Наконец, мне удалось найти временную работу по мощению улиц у одного подрядчика с оплатой в полтора доллара (около 3 руб.) за 10-ти часовой рабочий день. Здесь я проработал два месяца. Условия работы были очень тяжелы, заработок небольшой, а жизнь дорогая. Поэтому я стал подумывать о том, чтобы перебраться куда-нибудь в небольшой город, где жизнь дешевле, и попасть на какой-нибудь завод, по специальности.

Первый завод, где я нашел соответствующую работу (по профессии я металлист), был завод по изготовлению тракторов в г. Рацине.

Вот первые впечатления от работы на американском заводе.

На заводе тракторов я работал по сборке тракторов. Эту работу положено вести двум человекам. Работа идет следующим порядком. Из котельно - клепочного отдела выкатывают голый котел, а из других отделов все остальные части, от центрального вала до последнего болта. Мы с товарищем — оба равной квалификации рабочие (что является одним из необходимых условий для дружной и спорной работы) — располагались один на верхней части трактора, другой на обслуживании боковых частей. Сборка идет зависимо друг от друга. Надо заметить, что части машины далеко не всегда подходят друг к другу, поэтому приходится часто пригонку делать самим. А сборку трактора в сто лошадиных сил полагается сделать в два дня. Этот срок обязательно должен быть выполнен. Тут уж некогда думать о какой-нибудь передышке.

Для того, чтобы выполнить сборку трактора в этот срок нужно крайнее напряжение всех сил при полной согласованности рабочих в их работе. Тут не отговоришься, что времени не хватило, Всякие 10—15 минут, потерянные для работы

влекут за собой чувствительный недоработок. Производственная дисциплина так поставлена, что рабочий буквально пригвожден к своему месту работы. Всюду за ним наблюдают и следят мастера. Разговоры, курение и хождение без дела строжайше запрещены. Тут уж очки не вотрешь. Человек в полном смысле слова превращается в автомат, нужно быть очень внимательным и сосредоточенным, обладать ловкостью, силой и проворством и не терять даром ни одной минуты, чтобы справиться с этой нагрузкой. Расчет рабочей силы предусмотрительно произведен уже и теоретически и на основании опыта, таким образом, положенный двухдневный срок для сборки трактора считается доказанно-нормальным.

Ручьи пота льются с лица, нет времени даже обтереть его носовым платком: машинально только вытираешь лицо рукавом блузы, чтобы лихорадочной работой вышибать новый пот. После 10-ти часовой работы выходишь с завода как очумелый, ноги не повинуются и думаешь только об одном: скорее дойти до квартиры, умыться, переодеться и лечь. От усталости еда нейдет в рот,—так что иной раз и не пообедаешь, наскоро выпьешь только чашку черного кофе или, проходя мимо первого кабака, хватишь чарку, окончательно обалдеешь и свалишься до следующего утра. И так каждый день.

Но работу получить нелегко, а потерять не трудно — претендентов на твое место хватит. И держится рабочий за свое место, как собака за кость, подчиняясь всяким принуждениям своих хозяев.

Чтобы попасть в кадр постоянных рабочих, нужно зарекомендовать себя достаточно-квалифицированным и благонадежным работником, а временной работой можно обеспечить себе не более 6—8 месяцев в году.

Благонадежность является одним из главных условий получения постоянной работы.

Быть благонадежным — это значит верно служить капиталу, жить его интересами, ходить в церковь, ревниво оберегать свою собственность и совершенно потерять свое классовое лицо.

Надо удивляться той виртуозности в приемах и методах, которыми буржуазия старается убить в рабочем его классовое самосознание. Приемы околпачивания рабочих в царской России не могут, конечно, сравниться с методами американского околпачивания.

На первый взгляд вы окружены вниманием и заботливостью. К вашим услугам все удобства, разнообразные развлечения, спорт и домашний уют. Во всем и везде введены технические усовершенствования. Тысячи автомобилей двигаются сплошной стеной, даже шестидесятилетняя старуха сама правит автомобилем. Вас бесплатно обучают, чтобы вы могли получить квалификацию и сделаться хорошим и „честным" работником и иметь хороший заработок. На картинах в кино вам показывают, как добры все заводчики и фабриканты и как много они сделали для рабочих. Вам читают бесплатно лекции о том, как сохранить свое здоровье и как сделаться полезным членом общества. Вам везде и всюду доказывают, что чем больше вы будете зарабатывать и копить денег, тем приятнее и лучше вам будет жить.

Поощряя и развивая в рабочем стремление к накоплению, вводя сравнительно высокую оплату труда (до 6 долларов в день), строя дома для рабочих и продавая им их в рассрочку, снабжая их продуктами своего производства, как, например, автомобилями, предприниматели не забывают заботиться и о духовном благополучии рабочего. Для этой цели широко используется печать, кино и лекции. Кроме того, духовная жизнь рабочего является предметом усиленного попечения попов разных вероисповеданий. У каждого из них свой район, свое стадо „пасомых". Он не только „духовный пастырь", — он тебя и лечит и навещает, он тебе советник, он тебя может даже устроить на работу, через влиятельных лиц. Пастырь этот буквально влезает в самую интимную сторону духовной жизни и всячески старается спасти „душу рабочего", а попутно и поднять свой поповский авторитет.

При такой продуманной системе обрабатывания психики рабочего революционной мысли трудно пробиться в сознание рабочего: она атрофируется уже в зародыше. А свобода печати? Пиши, что хочешь, только не против буржуазии, а то живо угодишь в каталажку.

И вы начинаете смотреть на „мир божий" глазами своих учителей и воспитателей. Далеко не всякому рабочему придет даже мысль о том, что он эксплоатируется, ибо искусной фразеологией вам прививают сознание, что вы не только не эксплуатируетесь, но, наоборот, облагодетельствованы, что никакой классовой вражды нет, что предприниматель и рабочий — два друга, идущие к одной цели, оба равноценные члены предприятия.

Такие семена на хорошо обработанной почве дают хорошие всходы и соответствующие плоды. Действительно, среди рабочих заметно на первом плане стремление скорее выбраться „в люди", устроить свою личную жизнь, развивается скряжничество. Это способствует разъединению рабочей массы.

Разъединить рабочих, воспрепятствовать осознанию своих общих классовых интересов—составляет вторую задачу буржуазии. Для разрешения ее тоже не мало средств придумано. Одним из них является разжигание национальной вражды,

В свободной американской стране классовому делению общества предпочитают другое, более отвечающее интересам буржуазии. Она различает белых и черных, американских граждан и пришельцев. Первым — все, вторым — ничего.

В течение моих скитаний по Америке мне приходилось видеть, в каких условиях работают и живут негры. Пришлось близко познакомиться с этой расой. Негры переселены в Америку искусственно, из Африки. В давние времена их, как скот, сгоняли в трюмы пароходов белые пираты, привозили в Америку и продавали, как вьючное животное, как даровую рабочую силу. Но и до сих пор отношение американцев к неграм остается высокомерным и надменным. Труд негров всегда оплачивается ниже труда белых, разве только в особо-тяжелых условиях труда оплата уравнивается. Работая по прокладке дренажей для осушки почвы совместно с неграми, я присмотрелся к ним и изучил их. По своему терпению это народ—гигант. По характеру негры доверчивы и участливы к горю другого. Отношение хозяина к неграм на этих работах было преисполнено высокомерия и презрения. Грубое обращение с ними считается нормальным явлением и как бы долгом каждого белого. Даже рабочие заражаются таким отношением: в их разговоре с ними звучат нотки превосходства, и негры часто являются объектом для грубых шуток со стороны своих белых товарищей. Негры чувствуют такое отношение и переживают его болезненно.

Борьба Миров

Но когда начнешь относиться к ним искренно, по-товарищески, то поймешь и оценишь этот народ: под его черной кожей течет кровь истинного пролетария. Насколько негр добр и мягок со своими товарищами-рабочими, настолько он свиреп и всем своим существом мятежен в отношении своего классового врага. Какой ненавистью загораются его глаза, когда начинаешь объяснять ему истинные классовые взаимоотношения и раскрывать пред ним картину эксплоатации рабочих буржуазией. И, уж, будьте покойны, негр вас не выдаст. Не верьте, когда вам говорят, что негры—предатели и готовы за безделушку продать своего же брата — это неправда. В этом, наиболее угнетенном народе, буржуазия, вероятно, больше всего чувствует силу классовой ненависти к себе, а потому старается как можно более изолировать негра от своего общества. Неграм не разрешается жить в одной черте с белыми; если негр позволит себе заговорить с американской леди, то она принимает это, как оскорбление. Их посылают всегда на самые тяжелые работы, в лучшем случае, допускают исполнять обязанности подметальщиков в поездах, носильщиков на железных дорогах.

Еще более, пожалуй, чем негры являются гонимым народом индейцы. Эта нация и по сей день находится на правах бродячей собаки. По своему кочующему образу жизни, индейцы напоминают наших цыган. Условия их жизни очень тяжелы. Им отведены самые неудобные земли, где-нибудь в знойных степях латинской Америки и по другим окраинам, где природа не дает самого необходимого для жизни. Индейцы поэтому больше промышляют охотой и рыбной ловлей. В городах индейцев можно увидеть разве только в циркэх.

Мне приходилось встречаться с ними в естественных условиях их быта. Сперва

с их стороны я наблюдал недоверчивость и подозрительность, но спустя несколько дней я убеждался, что ненависть их направлена не против белых вообще, а вообще против бар и чиновников, отнимающих у них всякие средства к существованию. В таких условиях этот народ обречен на вымирание.

Кроме национального антагонизма, искусственно поддерживаемого и раздуваемого буржуазией, известную роль в дроблении рабочей массы играет и различное отношение со стороны предпринимателей и властей к той или иной категории рабочих: к квалифицированным рабочим, с одной стороны, и менее опытным — с другой; к рабочим—гражданам Америки и не получившим еще прав гражданина. Для новичков эмигрантов, например, закрыты двери во все профессиональные организации.

Рабочие Америки объединены в союзы под общим руководством Американской федерации труда. Есть и другие профессиональные союзы, существующие независимо. Отдельные союзы Американской федерации труда почти также многочисленны, как многочисленны и отдельные специальности, и, так как каждый союз защищает права своих членов самостоятельно, то для американской буржуазии такое объединение не опасно: если один союз проводит забастовку, — для другого, даже родственного ему по профессии,—она не обязательна.

Таким образом, разрозненность создается не только между отдельными рабочими, но и между союзами рабочих. Эта разрозненность иногда доходит даже до открытой борьбы между отдельными профессиональными организациями.

Все это, конечно, на руку буржуазии.

Нужно сказать, что попасть в какой-нибудь союз вообще не легко. Помимо всего прочего, при поступлении в союз возникают затруднения и чисто материального свойства. Вступительный взнос в 25 долларов может внести не каждый. А в американских профорганизациях материальная сторона стоит на первом месте. Им важно получить взносы, но нельзя сказать, чтобы союзы проявляли особую заботливость о своих членах. Многие неопытные рабочие, особенно из эмигрантов, доверчиво вступают в союз, надеясь этим ускорить получение работы, а в результате попадают в ловушку профессиональных провокаторов.

Стачки рабочих бывают нередко и почти всегда—на экономической почве. Они являются результатом чрезмерной и невыносимой эксплоатации. Зато очень редко рабочим удается провести свои требования, ибо к услугам фабрикантов всегда имеется наготове целая армия штрейкбрехеров. Проходят эти стачки в большинстве случаев очень мирно. Рабочие прекращают работу и устанавливают на заводе дежурства. Где-нибудь, на видном месте, вывешиваются плакаты тоже очень мирного содержания, вроде: „мы бастуем, просим никого на работу не итти". Этот призыв остается гласом вопиющего в пустыне, так как немедленно нанимаются штрейкбрехеры, и завод, как ни в чем не бывало, работает полным ходом. Волей-неволей рабочим приходится итти на работу.

Такая картина, является, конечно, результатом раздробленности рабочей массы и утраты рабочими своего классового лица, на что американской буржуазией затрачено не мало денег и изобретательности.

Не удивительно поэтому, что среди рабочих находятся и шпионы и провокаторы, что в отношении рабочих к предпринимателям проявляются угодливость и лакейство.

Организованность для общей борьбы достигается с невероятными трудностями. Большею частью стремление к такой организованности подавляется жестоким образом арестами зачинщиков и избиением рабочих.

Наиболее стойкими и спаянными взаимной солидарностью являются рабочие тяжелого труда и низшего ранга. Специфически тяжелые условия спаивают их в довольно мощный братский революционный кулак. Это, например, замечается среди горняков. Пролетарская солидарность дает себя чувствовать также и среди эмигрантских масс. Да это и понятно, так как в Америку эмигрировал большею частью народ, преследуемый своим правительством, народ, следовательно, политически неблагонадежный. Вот среди этих-то ра-

бочих и теплится огонек революционного брожения. Они-то периодами и сотрясают американскую статую свободы.

В периоды таких вспышек маска добродушия и доброжелательности спадает с лица „друга и благодетеля рабочего", и свирепое выражение классового врага обнаруживается во всей его наготе.

Мне пришлось быть свидетелем того, как американская буржуазия расправляется с рабочими.

Это было в 1914 году. Был период безработицы. А в такое время хватаешься за всякую работу. Я работал у одного подрядчика по подвозке гравия с озера Мичигана на место построек, когда открылась работа на соседнем заводе Митчель в г. Рацине.

Завод занимался изготовлением кузовов для автомобилей. Работа, в виду срочности заказа, шла в две смены — дневную и ночную. Я попал в ночную. Работа—сдельная, дающая возможность заработать при 10-часовом рабочем дне до 5 долларов в сутки. Но радости в этом мало: работа, ведь, временная; выполнит завод свой заказ — и расчет. А условия приемки работы были самые кабальные. При малейшей неточности в работе—ее браковали. Значит — начинай сначала. Такая эксплоатация вызывала недовольство рабочих. По мере выполнения заказа и увеличения таких случаев браковки, это негодование росло все больше и больше и, наконец, разразилось стачкой. Работа внезапно остановилась в одном цехе. Рабочие его с шумом рассыпались по другим цехам, призывая прекратить работу. Выделен был стачечный комитет, расставлены дежурные, которые должны стоять возле завода и следить, чтобы рабочие не шли на работу. Стачечный комитет ведет переговоры с администрацией: требования — увеличение расценок и приемлемые условия приемки работ.

На эти требования администрация завода ответила набором новых рабочих, даже не знакомых с производством: завод, мол, обойдется и без вас. Одновременно, конечно, были пущены в ход и другие испытанные средства: в среде рабочих там и тут стали появляться определенного типа лица, агитировавшие за прекращение стачки. Они действовали умело и осторожно, как и подобает профессиональным провокаторам, чтобы не навлечь на себя подозрение. Где-нибудь в столовой, за стаканом пива, начинают они пробовать почву, стараясь заманить, в первую очередь, наиболее слабых. Вместе с тем они выслеживают главарей и шпионят. Лишь только им удается сломить сопротивление наиболее податливых, они уже не стесняясь сбрасывают маску и переходят в открытое наступление на остальную часть рабочих.

Не поддаваясь на провокацию, часть рабочих резко и вслух клеймила предателей, заводчиков и все их правительство. Немедленно явились переодетые полицейские, сыщики и просто наемные громилы. Завязалась драка. Полетели биллиардные шары, кии, бутылки; затрещала мебель, полетели зеркала. Тут уж не до бокса,—дрались чем попало.

Рабочие быстро сняли наемных провокаторов и громил и высыпали на улицу. Тут их встретили отряды полиции и штрейкбрехеров — началась новая потасовка Неожиданно явились пожарные. В то время как полиция и наемные помощники, оцепив толпу, избивали рабочих резиновыми дубинами, пожарные обливали их водой.

Рабочие не выдержали и дрогнули. Оставшихся на месте с разбитыми носам, подбитыми глазами, схватывали и отправляли в тюрьму.

Расправившись с забастовщиками не хуже, чем это проделывали у нас жандармы и городовые, американские власти не упустили случая, показать себя лишний раз джентльменами. Тут же в тюрьме нам сделали перевязки, накормили, а на другой день стали читать нравоучение, что, дескать, сынам Америки не подобает так поступать. Предлагали посодействовать устройству на работу на другой завод. А нас, выходцев из других стран, отправили на общественные работы.

Тут-то я и познал кузькину мать американской свободы: на общественных работах с нами уже не церемонились в обращении, а „воспитывали" и наставляли на „путь истинный" при помощи всех казарменных приемов вплоть до зуботычин включительно. В таких условиях я работал в течение $1^1/_2$ месяца, испытав на себе все прелести классовой мести буржуазии.

По окончании срока принудительных работ мне выдали соответствующий документ с отметкой в нем, что я, как исправляющийся, вел себя удовлетворительно.

Квалифицированные рабочие, занимающие постоянные штатные места, обеспечены очень хорошо и большинство из них, как мы уже говорили раньше, совершенно потеряли свое классовое лицо. Бояться их буржуазии нет оснований. Эта каста мелких собственников, насквозь пропитанная буржуазными идеями, получила название рабочей аристократии. Они зарабатывают до 6 долларов в день, имеют свои дома, автомобили, живут в полном достатке в прекрасно меблированных комнатах со всеми удобствами, детям своим дают прекрасное образование и вообще вполне довольны своей жизнью и собой и благословляют бога и своих благодетелей.

Временным рабочим живется, конечно, несравненно хуже. Благополучие их зависит от того, сколько и какие заказы получит предприятие. Охотников на временную работу масса, и для того, чтобы удержаться на месте, надо угождать своим господам и в работе и в дисциплине и в поведении. Благодаря этому среди рабочих создается сильная конкуренция, каждый старается выработать как можно больше и вообще показать себя лучшим работником. А заводчики очень хорошо используют эту конкуренцию, предъявляя все более и более тяжелые требования. Таким образом, конкурируя друг перед другом, рабочие сами содействуют эксплоатации. Перегруженность работой при постоянной мысли о предстоящей рано или поздно потере ее, действует угнетающе на психику рабочего.

Сокращение рабочих на заводе начинается постепенно по мере приближения срока выполнения заказа. Эти моменты до некоторой степени сближают рабочих, все как-то сразу начинают понимать друг друга, и в отношениях между ними начинает чувствоваться сила братского единения. Но... все это может сразу исчезнуть, если того захочет капитал. Мне вспоминается 1914 год, как-раз, накануне мировой войны. В то время заводы остановились почему-то раньше обычного: некоторые из них перестраивались, а другие, вероятно, только ожидали заказов. Никто не знал, когда начнутся работы. Неведение это очень волновало рабочих. Наконец, месяцев через 5 чудовища зашевелились, обнаруживая проснувшуюся жизнь черным дыханием дымовых труб. Потянулись вереницей рабочие в приемочные конторы. На их бритых лицах стали появляться улыбки в ожидании наступающих хороших дней. Чем дальше, тем интенсивнее идет работа на заводах. В разгар войны не было ни одного человека, который бы не имел работы. Возможность подзаработать пробудила жажду наживы. Люди словно-помешались. Каждый спешит урвать себе кусок от жирного пирога. Чадят дымом заводские трубы, чадят ладаном в церквах во славу „священной войны". Пролетарский классовый разум рабочих спрятался где-то.

Помимо боязни лишиться заработка и желания возможно больше заработать, есть еще и другой фактор, который толкает рабочего усиливать темп своей работы,—это мечта попасть в постоянный штат и приобщиться к касте рабочей аристократии. Все это хорошо известно предпринимателям. Различными способами и приемами они стараются усилить конкуренцию среди рабочих: маленькими подачками к жалованью, а то и просто оказанием личного внимания они потакают развитию в рабочем собственнических инстинктов и чванства и тем исподволь добиваются еще большего расслоения рабочей массы. Более того—они толкают рабочего на всякую подлость по отношению к своим же собратьям. Таким образом, и среди временных рабочих тоже создается и культивируется особая каста преданных предпринимателям людей. Они всегда исполнительны в работе и дисциплинированы. Но именно среди них всегда находятся шпионы и срыватели всяких начинаний, направленных на борьбу с эксплоатацией. Каждый из этих прислужников стремится поскорее выйти, в „бизнес мены" (деловые люди) как в Америке говорят. А тем, кто не заразился этими интересами, постоянно приходится быть в атмосфере недоверия и подозрительности—и это в среде своего же брата-рабочего. Поэтому нравственное состояние рабочего, если он не потерял еще своего классового облика,

всегда подавленно, а тяжелые условия работы еще более усиливают его.

Несмотря на хорошую сравнительно оплату жизнь очень тяжела. Обычно средний рабочий еле-еле сводит концы с концами. Правда, часть из них имеют и дома и автомобили, но это имущество приобретается большею частью на выдаваемые предпринимателями авансы, которые затем покрываются удержаниями из заработной платы.

Взять хотя бы завод Форда. Кто не слышал об этом грандиозном предприятии, выпускающем в год чуть ли не миллион автомобилей и имеющем свыше 50.000 рабочих. В нем имеется даже такое достижение, как 8-часовой рабочий день. Оплата труда выше, чем где бы то ни было. Но зато и требования к рабочим тоже больше, чем на других предприятиях. Тут все механизировано, все приспособлено к тому, чтобы не потерять ни одной минуты. Американские предприниматели иногда мирятся с потерей материала, но времени они не теряют. Форд говорит, что между потерей того и другого та существенная разница, что материал можно вернуть, а времени не вернешь. Поэтому все усовершенствования и направлены к сбережению времени. Это царство миллиардера Форда, прославленное буржуазным миром, это своего рода сердце мирового капитала, гордость просвещенной европейской буржуазии, сокровищница заводской техники, находится в американском городе Детроит-Мичиган. Описание системы производства на заводе Форда и ее особенностей не входит в задачу нашего очерка. Фордизму посвящены уже целые томы специальных исследований. Отмету только, что работа на этом заводе тем отличается от работы на других, что она производится, так сказать, на-ходу. Мимо рабочих движутся механически части изготовляемых машин, с которыми рабочий проделывают то, что каждому из них положено, и, пройдя весь длинный путь громадного завода, эти части превращаются в конце цепи в готовый автомобиль. Малейшая заминка одного человека влечет за собою задержку и потерю того времени, которым так дорожит господин Форд. За такие промахи с вами не церемонятся и вышибают моментально. За всем ходом работ наблюдают сотни надсмотрщиков и мастеров. Никакие разговоры, курение, не допускаются.

Борьба Миров

Там ни одно движение ни один удар молотка рабочего не пропадает даром, там рассчитана каждая секунда труда, там дело автостроения является образцом для всего мира.

Туда, в это заманчивое царство, стекаются рабочие из самых дальних уголков земного шара.

Я был одним из таких рабочих, привлеченных к Форду, но не жаждой обогащения, а жестокой безработицей в условиях политэмиграции.

Много труда стоило мне, металлисту по профессии, втереться на завод Форда, и после многократных „дринков" (угощений) мастеров, я был, наконец, принят и, после 6-ти месячной безработицы воспрял духом: вещь на 5 долларов дела можно поправить.

Наступила долгожданная первая двухнедельная получка. И что же?

Мне не дали возможности располагать ею так, как я хотел бы.

По установленному на заводе порядку, ко мне начали являться лощеные агенты и с обаятельными улыбочками делать вежливым тоном „заманчивые" предложения:

— Вы должны сделаться пайщиком предприятия и часть своего заработка вносить в банк Форда...

— Вы должны носить костюмы по сезону, приобретая их в магазинах Форда...

— Вы должны состоять членом религиозного общества и посещать церковь...

— Вы должны купить в рассрочку дом на земле Форда...

— Вы должны на таких же условиях приобрести обстановку и автомобиль...

Что же это значит? Это значит, что вы должны отдать большую часть своего заработка Форду, который, выудив от вас все трудовые деньги, в конце-концов выбросит вас на улицу, — и все ваши дом, обстановка и автомобиль полетят к чортовой матери (т. е. к тому же Форду за бесценок). В Америке их у вас никто не купит. Всякая, не только подержанная, но даже только-что купленная и вынесенная из магазина вещь уже теряет свою цен-

Борьба Миров

ность в десять раз. А дом? На дом, построенный на фордовской земле, не найдется покупателя. А паевые вклады в фордовские предприятия? Ведь, они должны же давать проценты? Да, но какой же может быть процентный доход („бизнес") с маленьких вкладов в несколько десятков долларов в год, при миллиардных оборотах предприятия.

И, однако, все эти условия обязательны, и при отказе вас с вежливой улыбкой попросят уйти...

О, прекрасное царство!

Но это далеко не все его прелести.

Свои 8 часов я должен был работать по механизированной системе Тейлора, действуя с быстротой машины, и к концу рабочего дня, несмотря на железное здоровье и силу, чувствовал себя не усталым, а буквально истерзанным физически: шатался, как пьяный, при подъеме на лестницу ноги отказывались сгибаться, забывал о еде и отдыхе.

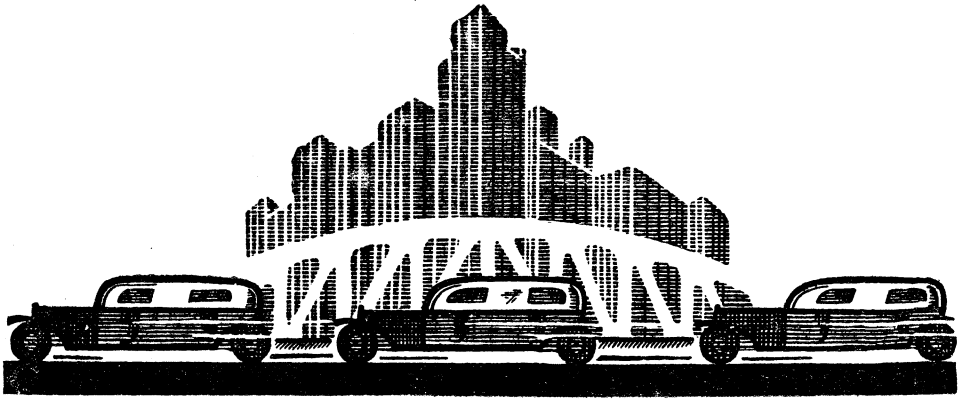
При подаче первой помощи в несчастных случаях наемный медицинский персонал спешит доказать вам, что вы еще можете продолжать работы. Если же вы, не внемля этим доказательствам, не найдете в себе силы явиться на завод, вам вежливо предложат приступить к работе, а при дальнейшем отказе стать на работу — дадут расчет.

И сама администрация завода, предъявляя к рабочим неимоверные требования, не сидит сложа руки, а работает в области усовершенствования производства. Нередко наряду с рабочими у станка, засучив рукава, работает инженер, чтобы на практике пройти все фазы производства и изучить его. Но эта работа у станка является лишь звеном в цепи его карьеры. Надо сказать, что в Америке вообще работы не стыдятся. Всякий труд одинаково уважается. Там нередко у доктора, например, сын маляр. Когда требуют обстоятельства, люди не брезгают и черной работой. Если, с одной стороны мы видели, как рабочий пробивается в верхи рабочей аристократии, становясь „бизнес меном" и усваивая привычки и идеологию буржуазии, то, с другой, в Америке является обыденным, когда интеллигентный человек переходит на положение простого чернорабочего.

У нас некоторые лица интеллигентного труда жалуются на отсутствие работы; а между тем, когда работа есть, они отказываются от нее: инженеры и врачи не желают ехать в провинцию, а о том, чтобы выполнять черную работу, — нет и речи. Разве у нас какой-нибудь счетовод пойдет разгружать дрова с баржи или возить на тачке песок?

Вот и приходится признать, что умению работать, умению примениться к жизненным обстоятельствам, способности уважать одинаково всякий труд, нам, к сожалению, надо еще поучиться у американцев.

В. Вагнер.



ЧИТАЙТЕ!

АЛЬМАНАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

БОРЬБА МИРОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „ВОКРУГ СВЕТА"

В 1929 г. в альманахах **„Борьба Миров"** будет помещен ряд увлекательных и прекрасно иллюстрированных романов, повестей и рассказов русских и иностранных авторов, а также ряд очерков о последних научных и технических достижениях, открытиях, исследованиях и путешествиях в разные страны.

Очерки будут иллюстрированы многочисленными фотографиями и зарисовками с натуры.

Альманахи будут выходить ввиде толстых (8 печ. лист.) сборников на глазированной бумаге с многокрасочной обложкой. К участию в альманахах привлечены лучшие авторы, переводчики и художники.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

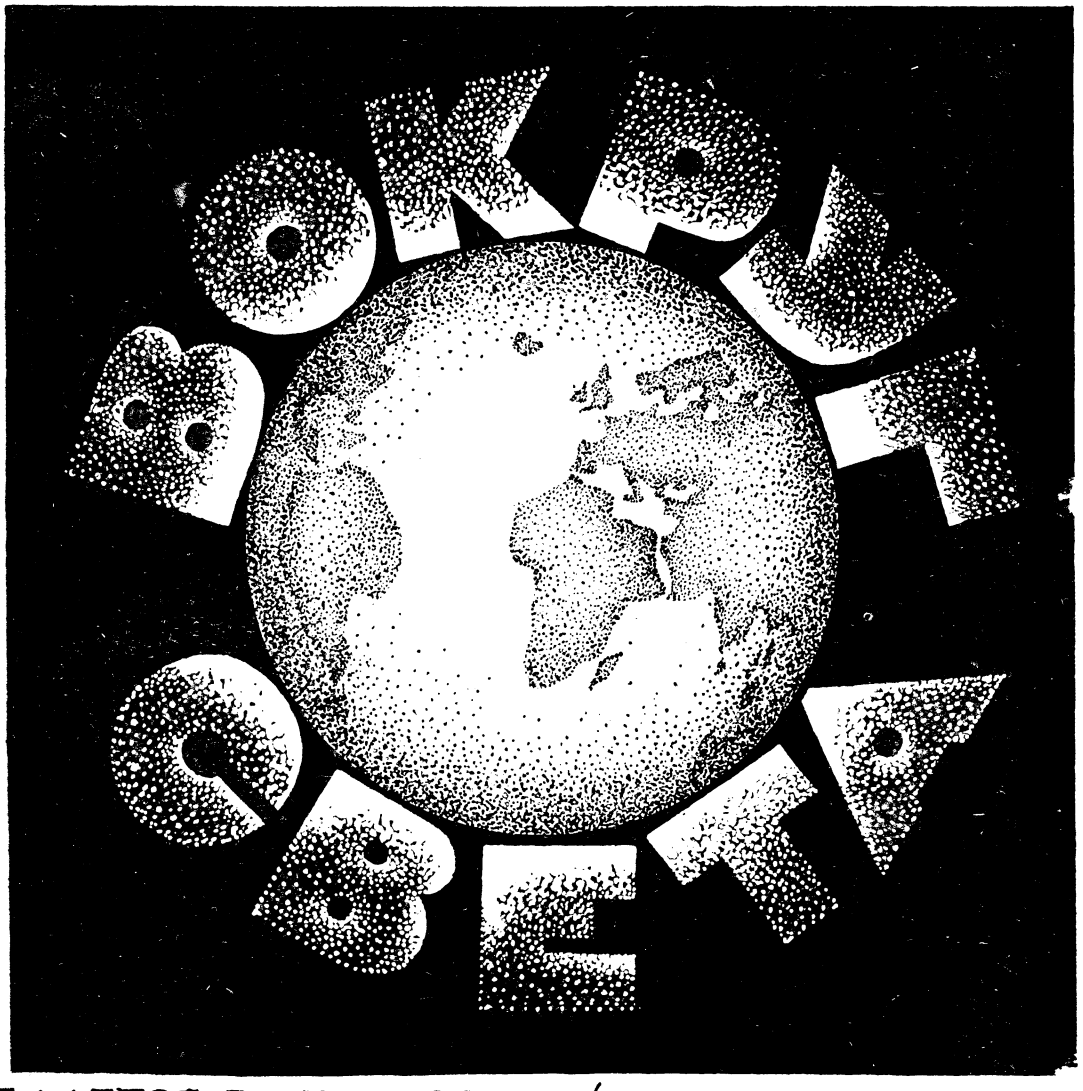
Журнал **„В круг Света"** с приложениями: 6 альманахов **„Борьба Миров"** и 18 книг романов, повестей и рассказов.

1 мес.— **75** к., 3 мес.— **2** р. **20** к., 6 мес.— **4** р. **20** к., 12 мес.— **8** руб.

Для годовых подписчиков на **„Гокруг Света"** с приложениями допускается рассрочка:

при подписке . . 2 р.
к 15 марта . . . . 2 „
к 15 июня . . . . 2 „
к 15 сентября . . 2 „

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1929 г НА ЛУЧШИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ



/ИЗДАЕТСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ/

В 1929 году в **„Вокруг Света“** будет напечатано до 500 увлекательных романов и рассказов, очерков и научно-популярных статей лучших русских и иностранных авторов.

Журнал выходит объемом в 24 страницы на хорошей бумаге с красочной обложкой и многочисленными иллюстрациями в тексте.

Подписчики получат **24 книги приложений: 6 альманахов** революционной романтики, приключений и научной фантастики — **„Борьба миров“** и 18 больших книг повестей и романов.

В 1929 году подписчики участвуют в **4-х конкурсах** с премиями и в особых **розыгрышах 40 ценных премий**, среди которых велосипеды, часы, ружья и т. д.

Годовые подписчики участвуют в розыгрыше нового мотоцикла.

„Вокруг Света“ интересное и полезное чтение для юношества.

Спешите с подпиской! Цена журнала в 1929 году снижена до 10 копеек.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1929 ГОД.

Первое издание

„Вокруг Света“ без приложений: 1 м. — 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 6 м. — 2 р. 30 к., 12 м. — 4 р. 50 к.

Второе издание

„Вокруг Света“ с приложениями: 6 альманахов 18 книг романов, повестей и рассказов. 1 м. — **75** к., 3 м. — 2 р. 20 к., 6 м. — 4 р. 20 к., 12 м. — 8 р.

По второму изданию для годовых подписчиков на „Вокруг Света“ допускается рассрочка: при подписке 2 р., к 15 марта — 2 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.